Мой Зиновьев

А. А. Зиновьев на выставке своих картин
в кинотеатре «Фитиль». Москва. 2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Абдусалам А. Гусейнов

МОЙ ЗИНОВЬЕВ

Статьи, доклады, интервью

Издательский Дом ЯСК
Москва 2023

УДК 1(091)
ББК 87.3
Г 96

Гусейнов А. А.

Г 96 Мой Зиновьев / Статьи, доклады, интервью. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. — 272 с.

ISBN 978-5-907498-55-6

В сборнике собраны статьи доктора философских наук, академика РАН А. А. Гусейнова, посвященные творчеству и жизненному пути выдающегося русского мыслителя Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). Автор видит уникальность Зиновьева в том, что он был на «ты» со своей эпохой — дал научный анализ советского общества как общества реального коммунизма и противопоставил ему свое бунтарское учение о житии. Зиновьев воплотил в своем жизненном опыте зияющие высоты судьбы своего народа на пике его исторического взлета и падения в XX веке. Собранные в книге статьи в основном сосредоточены на философско-социологических и этических аспектах мировоззрения мыслителя.

Книга предназначена для широкого круга читателей, является своего рода введением в многогранное творчество Зиновьева, приглашением к чтению его трудов.

УДК 1(091)
ББК 87.3

В оформлении обложки использован портрет А. А. Гусейнова (2003).
Художник А. А. Зиновьев

ISBN 978-5-907498-55-6

© А. А. Гусейнов, 2023
© Издательский Дом ЯСК, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

I

Энциклопедическая справка 9
«Твоим я буду навсегда, меня родившая эпоха» 24
«Парадоксальность речей Зиновьева была естественным следствием их истинности» 57
Актуальность идей Зиновьева — возрастающая величина 83

II

Феномен Зиновьева. Заметки и воспоминания о личности философа 91
Построить идеальное общество в себе самом 113
Учение о житии Александра Зиновьева 122
Живи и забудь! 151

III

Об Александре Зиновьеве и его социологии 167
Логическая социология 201
Гений социальной мысли 208
Социологическая трилогия Александра Зиновьева 213

IV

Мысли Зиновьева о постсоветском социальном строе России 229
Идейное наследие А. А. Зиновьева и современность 241
Идеология в России: прошлое и настоящее 255
О будущем без иллюзий 261

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом сборнике собраны авторские тексты, посвященные жизненному пути, личности и творчеству Александра Александровича Зиновьева. Они создавались в процессе сотрудничества с Зиновьевым, участия в публичных мероприятиях, связанных с его деятельностью, и всегда имели конкретный повод (предисловия к его сочинениям, выступления на конференциях, юбилейные статьи, интервью). Эти тексты воспроизведены в их первоначальном виде и каждый сохраняет следы своего происхождения; отсюда — определенные совпадения, пересечения тем, повторения ярких высказываний Зиновьева и эпизодов его жизни. Но тем не менее их соединение в одной книге не является чисто механическим.

Объединяющей основой книги является, конечно, сам Зиновьев, но прежде всего осознание исключительности его научного и человеческого подвига. В ней проводится мысль, что Зиновьев дал самое точное понимание взлета и падения нашей страны (советского общества и советского человека) в XX в. Название книги может создать впечатление, что речь идет о субъективном (личном, пристрастном) взгляде на роль Зиновьева как мыслителя. Такой взгляд можно считать субъективным только в том смысле, что его не разделяет большинство. Большинство, однако, как, впрочем, и крикливое меньшинство, плохо дружит с истиной. Так что пусть будет: «Мой Зиновьев».

Москва. 23 января 2023 г.

I

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ СПРАВКА*

Из советских философов — тех, кто родился, вырос, жил в СССР, духовно формировался и работал в советских философских учреждениях, кто фактом своей биографии вольно или невольно впитал в себя советский стиль жизни, строй повседневных ценностей и принадлежал к особому виду социальных субъектов, получивших с легкой руки нашего героя наименование *гомо советикус*, — Александр Александрович Зиновьев является самой колоритной и показательной фигурой. Он колоритен многими особенностями творчества и судьбы, но прежде всего тем, что в условиях идеократического государства сумел сохранить свободу духа и действия, вести независимые исследования в областях, прямо смыкавшихся и находившихся под контролем официальной идеологии. Достаточно сказать, что он, сделав блестящую философскую карьеру и работая в головном, находившемся под присмотром ЦК КПСС научном институте, ни разу ни в книгах, ни в других публичных текстах не идентифицировал себя в качестве марксиста, приверженца философии диалектического и исторического материализма. При этом надо иметь в виду, что вера в марксизм-ленинизм в те годы была таким же общим местом и нормой для образованного человека, как вера в Бога в Средние века. Несмотря на эту исключительность, А. А. Зиновьев является самым показательным

---

* Впервые опубликовано: Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 7–18.

среди советских философов, именно в качестве советских, по той причине, что никто среди них (по крайней мере среди тех, кто вообще что-то значит в философии) так полно не слился со своей эпохой и не сделал ее научное понимание основным фокусом своей исследовательской работы.

Как бы ни оценивать место А. А. Зиновьева в советской философии, несомненно одно: он стал самым выдающимся ее представителем, получившим мировую известность. Правда, здесь следует сразу оговориться, что он не был философом в том привычном смысле, который закрепился за этим понятием в последние полтора столетия в рамках университетского разделения профессиональных компетенций. В философии А. А. Зиновьев занимался по преимуществу логикой, которая все более и более оформляется в самостоятельную область знания, чему сам он немало способствовал. А затем, начиная с середины 1970-х гг., и вовсе сосредоточил свое внимание на социальных исследованиях и излагал свои результаты по преимуществу в форме художественных произведений. И его широкая слава — прежде всего слава социолога и писателя. Его можно считать философом в широком возрожденческом смысле слова. А. А. Зиновьев был мыслителем, соединявшим своим творчеством и своей личностью в рамках цельного миропонимания различные области человеческого духа — философскую методологию, логику, социологию, литературу, этику.

Предлагаемый краткий очерк жизни и творчества А. А. Зиновьева — введение, общий обзор его творчества.

Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 г. в деревне Пахтино Чухломского района Костромской области шестым ребенком в многодетной (состоящей из 11 детей) семье, которая сочетала крестьянский труд с отходным ремеслом. В течение 1930-х гг. вся семья постепенно переехала в Москву. Семья Зиновьевых имела крепкие корни и была дружной. Достаточно сказать, что в трудные для Александра Александровича годы, когда он подвергся в стране остракизму, был изгнан из нее, объявлен врагом, четверо

его братьев и две сестры, другие ближайшие родственники проявили полную с ним солидарность, сопряженную с риском для их карьеры и благополучия, не предали его, хотя их к этому принуждали. Сам А. А. Зиновьев был лишен чувства семейного эгоизма, но тем выше ценил то, что можно назвать семейным достоинством, исключительно ответственно относился к своим обязанностям отца.

А. А. Зиновьев рано обнаружил способности и интерес к учебе, особенно отличался математическим даром, обладал цепкой и емкой памятью, которая не изменяла ему до последних дней жизни и которую он постоянно тренировал (в частности, отгадывая кроссворды, решая математические задачи, составляя максимальное количество новых слов из ограниченного числа букв, входящих в какое-нибудь слово). Среднего роста (170 см), хорошо сложенный, он обладал крепким телом, красивым лицом, смелой натурой, в юности даже участвовал в соревнованиях по боксу, для него была характерна быстрая целеустремленная походка, голос его был густой, слегка хриплый. В целом, можно сказать, природа не поскупилась, щедро одарила его и интеллектуально, и физически.

Отлично окончив московскую среднюю школу, А. А. Зиновьев поступил в 1939 г. в Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) — основной в СССР гуманитарный вуз университетского типа в те годы. По собственному свидетельству, к тому времени у него сформировалось отрицательное мнение о политике И. В. Сталина, он вынашивал мысли о покушении на него. Об этом стало известно органам государственной безопасности, спасаясь от которых А. А. Зиновьев оставил учебу, колесил по стране и в 1940 г. ушел в Красную армию, в которой прослужил до 1946 г.

Участвовал в Великой Отечественной войне в качестве танкиста и боевого летчика штурмовой авиации, закончил ее в Берлине в 1945 г. в чине старшего лейтенанта. В 1946–1954 гг. А. А. Зиновьев — студент, аспирант философского факультета Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова, который он окончил с отличием. Среди студентов он выделялся активной жизненной позицией, независимостью и оригинальностью суждений. Его карикатуры в факультетской стенгазете и университетской многотиражке, сопровождаемые острыми поэтическими подписями, быстро завоевали популярность, стимулировали критическое и ответственное отношение студентов и преподавателей к своему делу. По свидетельству однокурсников, уже на третьем году обучения А. А. Зиновьев стал центром студенческого философского вольнодумия и пользовался в их среде научным авторитетом. Выступая против философской демагогии, он выработал убеждение, согласно которому философские утверждения должны сочетать логическую убедительность с фактической проверяемостью. Ему он оставался верен всю жизнь. Он был одним из зачинателей философского фольклора, направленного против господствовавшей в те годы идеологической схоластики.

Автор этих строк начал учиться на том же факультете, на котором учился А. А. Зиновьев, на десять лет позже. Но и для нас его передаваемые из уст в уста шутки оставались веселым источником антидогматического вдохновения. Например, знаменитый одиннадцатый тезис К. Маркса о Л. Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его» — А. А. Зиновьев переиначил так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, теперь же они и этого не делают». Ленинское определение «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях» он дополнил лишь одним словом, и получилось: «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях Богом». Надо было знать, как навязчиво официальная философия и ее преподавание злоупотребляли этими высмеиваемыми А. А. Зиновьевым формулами, чтобы понять, насколько очищающими, творчески насыщенными были его шутки.

В 1954 г. А. А. Зиновьев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Восхождение от абстрактного к конкретному

(на материале "Капитала" К. Маркса)»[1]. Она стала по отношению к предшествующей советской философии настоящим исследовательским прорывом, положила начало аналитически ориентированной линии развития отечественной философии, школе А. А. Зиновьева, из которой вышли такие видные фигуры интеллектуальной жизни России второй половины XX в., как Б. А. Грушин, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицкий. В ней было показано, что метод восхождения от абстрактного к конкретному сам является конкретным — представляет собой сложный и дифференцированный по своей структуре прием исследования, включающий множество более конкретных приемов и мыслительных навыков. В число последних входят также правила формальной логики, которые выступают в рамках научного метода не универсальными регуляторами, а лишь деталями, техническими средствами. Метод восхождения, раскрытый в его универсальной логической структуре, не является, по мысли автора, схемой (общей посылкой), которую остается лишь распространить на различные частные случаи. Его применение каждый раз должно совершаться с учетом всей специфики и совокупности развития конкретной науки. Не только диссертация А. А. Зиновьева, но и сама процедура ее защиты стала значительным общественным явлением. Защита проходила несколько дней при битком набитой аудитории, поддерживающей А. А. Зиновьева в его уверенном методичном противостоянии консервативно настроенным членам совета.

С 1955 по 1976 г. А. А. Зиновьев работает научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, одновременно преподавая в вузах Москвы, в том числе короткое время (1965–1968) заведуя кафедрой логики философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Эти годы он считал лучшими в своей жизни, навсегда сохранил привязанность,

[1] Впервые она была издана в 2002 г. в качестве подарка Института философии РАН к 80-летнему юбилею автора.

даже тоску по Институту философии и статус его старшего научного сотрудника считал пределом мечтаний для исследователя. Его научный интерес в эти годы сосредоточен на проблемах логики. Результаты его логических исследований опубликованы в книгах «Философские проблемы многозначной логики» (1960, защищена в качестве докторской диссертации в 1959 г.), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы научной теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1972), «Логическая физика» (1972), «Логические правила языка» (1975, совместно с Х. Весселем на немецком языке). Из шести его монографий по логике, вышедших в Москве с 1960 по 1972 г., пять сразу же (с перерывом в один-два года) были переведены на английский или немецкий язык («Комплексная логика» — сразу на оба) и изданы в странах Западной Европы — явление для нашей философской науки исключительное как в те годы, так и в наши дни. Корпус логических сочинений А. А. Зиновьева впоследствии дополнился обобщающими трудами «Очерки комплексной логики» (2000), «Логический интеллект» (2005), а также специальным исследованием «Логическая социология» (2002). А. А. Зиновьев явился одним из пионеров развития математической логики в России, внес вклад в такие ее области, как многозначная логика и теория логического следования. Одновременно он разрабатывает собственную логическую теорию, названную им комплексной логикой и исходящую из особого понимания самого предмета логики.

Логика, считает он, имеет дело с языком, взятым лишь в одном качестве — в качестве искусственно изобретенной и отделенной от человеческого тела знаковой системы, призванной фиксировать, хранить, передавать и наращивать знания. Она выделяет в языке компоненты, образующие структуру знаний (термины, высказывания, терминообразующие и высказывающие операторы и другие производные от них и обслуживающие их знаки), подвергает их особой обработке и устанавливает правила оперирования ими. Он выступил

против подмены логики математическим аппаратом, за восстановление ее суверенитета как особой науки, лежащей в основе всех прочих наук, включая математику. Он сформировал фундаментальное положение, согласно которому в науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики. В целом его реформа логики была направлена на такое переосмысливание ее основ, при котором она служит целям эмпирических наук. Успехи и мировое признание, которое он получил в качестве логика, обернулись для А. А. Зиновьева трудностями в профессиональной работе, осложнили его взаимоотношения с коллегами. Это стало непосредственным толчком, побудившим его изменить тематику, а в каком-то смысле — и вектор творчества.

В 1976 г. в швейцарском издательстве *L'Âge d'Homme* выходит написанная в подполье (скрытно) и тайно переправленная на Запад книга А. А. Зиновьева «Зияющие высоты», обозначившая новое направление его интеллектуальных усилий и круто изменившая его личную судьбу. Книга получила мировую известность, переведена более чем на 20 языков. Рядом критиков она включается в десятку лучших романов прошлого столетия. Обозначая масштаб и глубину осуществленного в этом произведении художественного проникновения в жизнь, многие сравнивали А. А. Зиновьева с Ф. Рабле, Д. Свифтом, М. Е. Салтыковым-Щедриным. Книга «Зияющие высоты» представляет собой критическое исследование советского социального строя, выполненное в художественной форме. Она была воспринята сквозь призму идеологического противоборства в холодной войне, и фигура А. А. Зиновьева была клиширована в качестве антикоммуниста. В результате он был уволен с работы, выслан из страны, лишен гражданства и вместе с ним — всех государственно санкционированных ученых степеней, званий, боевых наград. Вокруг имени А. А. Зиновьева в СССР была создана атмосфера полного умолчания, нельзя было даже ссылаться на его логические труды, перемещенные в закрытые фонды библиотек.

С 1978 по 1999 г. он находился в эмиграции, жил в Мюнхене (Германия), не имея постоянного места работы и источника существования. Он много ездил по миру, участвовал в конференциях, выступал с лекциями в университетах, встречался с выдающимися писателями, мыслителями, политическими деятелями. В эти годы он продолжил научно-художественный анализ советского общества в романах и повестях «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Записки ночного сторожа» (1979), «Желтый дом», в двух томах (1980), «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1982), «Нашей юности полет» (1983). В 1980 г. вышел его научный труд «Коммунизм как реальность», за который по представлению Р. Арона он получил премию Алексиса де Токвиля. Одновременно появилось большое количество научно-публицистических статей, докладов, лекций, интервью, уточняющих и развивающих его теоретические и социально-политические позиции; они лишь отчасти опубликованы в авторских сборниках «Без иллюзий» (1979), «Мы и Запад» (1981), «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983).

А. А. Зиновьев отбросил в качестве ненаучного господствовавший в официальном обществознании подход, который рассматривал реально возникшее в стране общество сквозь призму марксистских схем, и меру его коммунистичности определял степенью соответствия этим схемам. По его мнению, общество советского типа и есть реальный коммунизм, другого коммунизма не существует, более того, он в принципе невозможен. С этой точки зрения он подверг критике марксистские представления о коммунизме в качестве светской, хотя и хорошо разработанной, идеологии, призванной скрыть сущность нового социального строя и тем самым способствовать его становлению и самосохранению. Наличие экономического и социального неравенства, классов, необходимость государства, денег и других факторов, включая многообразные уродства межчеловеческих отношений, которые считались историческими чертами и язвами капитализма, подлежащими уничтожению вместе с самим

капитализмом, на самом деле являются нормальным выражением законов социальности. Законы социальности, считал А. А. Зиновьев, суть законы экзистенциального эгоизма, которые отличаются от законов зоологического индивидуализма тем, что они в силу способности людей к познанию мира и рациональной организации своей деятельности обнаруживаются с большей изощренностью и неотвратимостью. Под законами социальности он понимает законы функционирования больших масс людей, следование которым является необходимым условием эффективной деятельности индивидов в качестве социальных субъектов, то есть членов социальных объединений. В качестве одного из таких основополагающих законов он рассматривал закон, в силу которого социальное объединение расчленяется на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется, и распределение благ в нем происходит соответственно месту субъекта во властной иерархии.

В социальных объединениях А. А. Зиновьев выделяет три основных аспекта: деловой, коммунальный и идеологический (менталитетный). Они характеризуют отношения, складывающиеся между социальными субъектами в зависимости от их деловой эффективности, места в иерархической социальной структуре и ментальных представлений. Конкретные общества отличаются друг от друга тем, какое из этих фундаментальных отношений человеческого общежития становится доминирующим и разворачивается в специальные закономерности, придающие ему своеобразный облик. Капиталистические общества сложились на преимущественной основе деловых (товарных) отношений и стали обществами экономическими. Общество советского типа выросло с преимущественной опорой на коммунальные отношения, превратившиеся в этом случае из общесоциальных законов в специальные закономерности функционирования коммунистического общества, поэтому ключевым для понимания реального коммунизма является анализ отношений между людьми в трудовом коллективе и отношений между коллективами в обществе.

В ходе познания реального коммунизма А. А. Зиновьев пользуется как привычными для гуманитарных исследований жанрами статей, эссе, трактатов, так и новым, специально разработанным им для этих целей синтетическим научно-литературным жанром социологических романов и повестей.

Во-первых, он подвергает логической обработке язык, на котором люди думают и выражают свои мысли (говорят, читают, пишут) о социальных объектах вообще и о коммунистическом обществе в особенности.

Во-вторых, раскрывает закономерности, механизм функционирования коммунистического общества и конструирует его живой объемный образ. Описывая советский коммунизм, А. А. Зиновьев в своих романах наглядно воссоздает его внутреннюю социальную сущность, отвлекаясь или оставляя на заднем плане все несущественные для понимания его социального качества детали, действуя в этом случае подобно художнику-карикатуристу, который выпячивает наиболее характерный признак изображаемого лица. Его страна Ибания из «Зияющих высот», гомо советикус из одноименной повести, Институт идеологии из «Желтого дома» — это Советский Союз, советский человек, советский коллектив, мысленно, в экспериментально очищенном виде воссозданные автором на основе научного исследования этих феноменов.

Эстетические особенности социологических романов и повестей: в них а) сюжетная линия играет ничтожную роль, практически отсутствует, она заменяется калейдоскопически сменяемыми человеческими ситуациями; б) практически нет описаний природы, интерьера, дизайна событий, всё сосредоточено на непосредственных отношениях людей, их разговорах и действиях; в) герои — не живые индивиды, а носители определенных социальных функций, часто у них нет собственных имен, а только обозначения выполняемых ими ролей («мыслитель», «болтун», «претендент», «брат», «заибан» и т. д.); г) люди и ситуации не поддаются однозначной

оценке, добро и зло, высокое и низкое, героическое и подлое в них органично соединены.

В середине 1980-х гг. начался новый этап в творчестве А. А. Зиновьева: он изменил акценты и тональность в анализе советского коммунизма, а также расширил тематику исследований, обратившись к изучению социального строя современного Запада. Он охарактеризовал перестройку как неадекватный ответ на кризис коммунистического строя. В действительности речь следовало вести о кризисе управления, под руководством КПСС во главе с М. С. Горбачевым он был неправильно воспринят в качестве кризиса образа жизни, самого строя. А. А. Зиновьев предрек, что перестройка приведет не к официально прокламированному обновлению социализма, а к его краху. Ясно и резко обозначая свою позицию, он назвал ее катастройкой. Этот сбывшийся прогноз А. А. Зиновьева является, пожалуй, одним из несомненных доказательств верности его анализа советского коммунизма. Вместе с тем он показывает, с каким мужеством этот человек умел отстаивать свои научные позиции. Надо иметь в виду, что, когда он ставил под сомнение прокламируемые цели перестройки и вскрывал ее прямо противоположную объективную логику, он шел против течения. Все мы, кого обычно именовали представителями прогрессивного человечества и у нас в стране, и за рубежом, были в состоянии эйфории и благодушных ожиданий. Голос А. А. Зиновьева выпадал из этого всеобщего ора. Он не просто обозначил свою новую позицию, а начал целеустремленно ее обосновывать, энергично и дерзко пропагандировать. Этому посвящены его книги «Катастройка» (1988), «Горбачевизм» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994), «Посткоммунистическая Россия» (1996). При рассмотрении советского опыта в его трудах стало доминировать заинтересованное понимание. Критика и общественное мнение усмотрели в этом изменение позиции А. А. Зиновьева. Сам он считал, что изменились акценты в его отношении к коммунизму, но не позиция. Он характеризовал себя как критика коммунизма, но не как

антикоммуниста. В гибели коммунизма он видел двоякую опасность: во-первых, для России, так как он считал коммунизм наилучшей формой социальной организации именно для России, имея в виду своеобразное качество человеческого материала, представленного русским народом («…целились в коммунизм, попали в Россию», — афористично выразил он свою позицию); во-вторых, для мира в целом, так как обрывалась одна из двух важнейших линий социальной эволюции современного человечества, противостоявшая и дополнявшая линию западнизма. Исследование современного Запада (см. его работы «Запад», 1995; «Глобальный человейник», 1997) привело А. А. Зиновьева к выводу, что там после Второй мировой войны стал устанавливаться новый социальный строй, названный им западнизмом, который, как и советский коммунизм, имеет глобальную природу и является сверхобществом. Победа западнизма над коммунизмом открывает ему путь для доминирования в мире и создания иерархизированной структуры человечества, где вокруг Запада как привилегированного центра будут располагаться другие народы, образуя более низкие по рангу социальные пояса и борясь между собой за степень близости к Западу.

В итоге исследований коммунизма и западнизма, их борьбы между собой А. А. Зиновьев систематизировал свои социологические представления, дополнив их новыми понятиями человейника, предобщества, общества и сверхобщества (см. его монографию «На пути к сверхобществу», 2001). Также типы объединений людей, как коммунизм и западнизм, различаются по характеру социальной организации, степени адекватности соответствующему человеческому материалу, но не по критерию прогрессивности; социология А. А. Зиновьева не знает оценочных суждений, отрицает историзм как методологический принцип познания общества. Победу западнизма над коммунизмом в холодной войне он рассматривал как всемирно-историческое поражение России и опасность для всего человечества. Но это вовсе не значит, что, с его точки зрения, победа советского коммунизма

и распространение его влияния на весь мир было бы лучшим, более предпочтительным исходом. Такой сценарий развития, по его мнению, был бы значительно хуже.

В 1990 г. А. А. Зиновьев был восстановлен в гражданстве, соотечественники получили открытый доступ к его трудам. В 1999 г. он вернулся на постоянное место жительства в Москву, стал работать профессором Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, преподавал в других вузах страны, возобновил работу в Институте философии Российской академии наук, активно участвовал в общественно-политической жизни в качестве публициста, эксперта, лидера общественного мнения, особенно авторитетного в левоориентированных кругах населения. В Московском гуманитарном университете был создан исследовательский центр А. А. Зиновьева. С участием Александра Александровича и вокруг него происходили разные общественно значимые события (конференции, выставки, лекции и т. д.). Он критически относился к складывающемуся в России после 1991 г. социальному устройству, считая его вторичным образованием, представляющим собой смесь западных заимствований, советского наследия и элементов царского прошлого (см. его работы «Идеология партии будущего», 2003 г.; «Распутье», 2005). В эти годы он вернулся к философско-этическим и философско-методологическим проблемам. В 2003 г. были переизданы социологические повести «Иди на Голгофу» (1985), «Живи» (1988), а также поэмы «Евангелие для Ивана» (1984) и «Мой дом — моя чужбина» (1983), в которых наряду с автобиографическим произведением «Исповедь отщепенца» (последнее, дополненное, издание 2005 г.) излагается этико-нормативная программа А. А. Зиновьева, названная им учением о житии, или зиновьйогой.

Научный подход к познанию общества, считает А. А. Зиновьев, состоит в том, чтобы относиться к нему с такой же объективностью и беспристрастностью, с какой зоолог изучает муравейник, не предлагая никаких проектов его более разумного устроения. Усовершенствование общества в том

смысле, в каком это предлагалось марксизмом и иными идеологиями и утопиями, невозможно в принципе. С обществом, с его жестокими законами социальности человек ничего не может сделать. Это не значит, что он не может ничего сделать со своей жизнью. Может, но только в той мере, в какой восстает против социальности. В пространстве социальности нет места для человеческой свободы и морали; последние возникли, во-первых, как индивидуально-личностный способ существования и, во-вторых, за пределами социальности, как уклонение от ее законов. На этих предпосылках строится учение о житии. Говоря об уклонении от социальности, А. А. Зиновьев имеет в виду активное противостояние ее звериным законам. Учение о житии — учение о том, как быть личностью несмотря ни на что, как быть ею среди мерзости бытия, в условиях оргии коллективизма и коммунальности, «как быть святым без отрыва от греховного производства». Социальность и мораль в миропонимании А. А. Зиновьева связаны как противоположности. Социальность релятивирует мораль, чтобы можно было легко переходить от добра ко злу и обратно, утилизуя эти понятия в целях экзистенциального эгоизма: без этого она не могла бы считаться формой и результатом человеческой деятельности. Мораль в понимании А. А. Зиновьева учит жить в таком разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла, она существует как отрицание социальности в рамках самой социальности и не имеет иной предметности, кроме такого отрицания.

Последним произведением А. А. Зиновьева, которое он завершил за несколько недель до кончины, стала вышедшая посмертно книга «Фактор понимания» (2006), в которой он подводит итог жизни, излагает свое мировоззрение в единстве философско-методологических, логических, социологических и этических аспектов.

Свое миропонимание А. А. Зиновьев выражал также в поэтическом творчестве и изобразительном искусстве. Стихи, помимо указанных выше поэм, обильно вкраплены в его социологическую прозу. Зиновьев-художник мало известен

широкой публике, хотя было несколько его выставок в Москве, Женеве, других городах, издано несколько альбомов. Изобразительное творчество сохранено в семейной коллекции лишь отчасти, большинство же картин и рисунков было раздарено Александром Александровичем друзьям и знакомым, утеряно в ходе вынужденных скитаний, их судьба неизвестна. До сих пор нет полного собрания сочинений А. А. Зиновьева, а многие его лекции, статьи, доклады, интервью не учтены в его библиографических сводках. Его творчеству посвящен ряд монографий и коллективных трудов, множество аналитических статей, рецензий, хотя в целом систематическое и глубокое его изучение остается делом будущего.

А. А. Зиновьев скончался в Москве после короткой тяжелой болезни 10 мая 2006 г. Его прах (согласно его воле) развеян над полем, где раньше располагалась его обезлюдевшая и исчезнувшая со временем деревня; на этом месте установлен валун. Часть праха по воле жены, друга, помощника и соратницы последних 40 лет жизни Ольги Мироновны Зиновьевой (Сорокиной), которая сочла возможным в этой части отступить от воли А. А. Зиновьева, захоронена в Москве на Новодевичьем кладбище; в первую годовщину его смерти здесь был открыт созданный по семейному проекту надгробный памятник, на котором личность А. А. Зиновьева охарактеризована двумя словами: «мыслитель и гражданин». Над выходом из крематория, в котором закончил жизненный путь главный персонаж «Зияющих высот», были начертаны слова: «Уходя, забери урну со своим прахом с собой». Александру Александровичу Зиновьеву не удалось забрать с собой урну со своим прахом.

«ТВОИМ Я БУДУ НАВСЕГДА, МЕНЯ РОДИВШАЯ ЭПОХА»

К 100-летию со дня рождения логика, философа, социолога А. А. Зиновьева*

Русский философ, социолог и писатель Александр Александрович Зиновьев родился 29 октября 1922 г., а считаными неделями позднее, 30 декабря того же года, на политической карте мира появилось новое государство — Союз Советских Социалистических Республик. Зиновьев как индивид обрел в этом новом государстве реальную жизненную основу, предопределившую перипетии его судьбы, сформировавшую его как советского человека. Этнолог и историк Лев Гумилёв объяснял истоки своего православия тем, что является материалистом: родившись в православной среде, он, по его мнению, не мог стать иным. Так и Зиновьеву самим бытием было предначертано стать «русским коммунистом», как он скажет о себе к концу жизни. Новое государство нашло в Зиновьеве не только одного из безвестных сотен миллионов тружеников, ставших его строителями, но и проницательного исследователя, раскрывшего его действительную социальную природу. Обществам, как и отдельным людям, свойственно ошибаться в суждениях о самих себе. Зиновьев же более чем кто-либо иной приблизился к тому, чтобы дать советскому обществу адекватное знание о самом себе, и в этом качестве он стал его вехой.

---

* Впервые опубликовано: Вестник РАН. 2022. Т. 92. № 10. С. 994–1007.

В жизни Зиновьева можно выделить ряд относительно самостоятельных этапов (стадий). Они различаются между собой не только внешним рисунком (тем, где находился и чем занимался), фактами биографии, но и эволюцией взглядов, изменением (развитием, расширением, уточнением) их содержания, тематических и ценностных акцентов. «Периоды моей личной жизни в самых существенных чертах совпадали с периодами жизни страны», — говорит Зиновьев, уточняя: они совпадали не в том смысле, что он шагал в общем строю, а лишь в смысле реакции на них и поведения, изменения «умонастроений и форм борьбы за выживание и сохранение в качестве автономной личности»[1].

1922–1939: средняя школа. Первые 17 лет жизни Зиновьева были, видимо, самыми обычными. Он провел их так же, как и все советские дети, лишь с той особенностью, что принадлежал к их первому поколению, осваивавшему принципы коллективистского воспитания и научного (нерелигиозного) образования. Начальную школу окончил в родной костромской деревне, обнаружив несомненные способности к учебе и большую тягу к ней, и в 1933 г. семья отправила его учиться в Москву. К этому времени его отец со старшим братом уже обосновались в столице в небольшой комнатушке площадью 2,5 × 4,5 м^2 полуподвального помещения, куда впоследствии переместилась и остальная часть большой крестьянской семьи (из одиннадцати детей Александр был шестым ребенком), захваченной волной индустриализации. Бытовые условия, в которых Александр пребывал на протяжении последующих шести лет школьной жизни, с фотографической точностью описаны им в книге «Исповедь отщепенца». Представить, как можно было жить в таких стесненных условиях, сегодня уже невозможно. В московской школе он также выделялся быстротой и точностью мышления, в особенности математическими способностями, и окончил ее с золотым аттестатом (как пишет Зиновьев в своей автобиографии, он

[1] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. С. 278.

любил учиться и, будь такая возможность, всю жизнь ходил бы в учениках).

Школа не только обогатила его ум, она придала ему социальную заостренность. Зиновьев с детства обладал деятельной натурой, любил общаться, быть среди людей, в то же время умел постоять за себя. Живость речи и художественное дарование, в частности способность быстро и в неожиданных ракурсах создавать смешные портреты, привлекали к нему окружающих. Московская школа обеспечила благодатную почву для его активной общественной натуры. Как уже упоминалось, Зиновьев принадлежал к первому поколению молодых людей, выросших при советской власти и осознававших себя строителями новой жизни. Они столкнулись с очевидным расхождением между высокими коммунистическими целями и реальностью, которая сложилась в стране на основе и в ходе их воплощения. В чем причина этого противоречия? — вот вопрос, с которым он входил в сознательную жизнь. Ответ на него не мог быть только теоретическим. Речь шла о более важном: как поступать самому? И Зиновьев ответил личным протестом, первым открытым социальным бунтом, которых у него в жизни будет много. Он со своими разделявшими его недовольство товарищами стал обсуждать возможность совершить покушение на Сталина как на человека, исказившего хорошие идеи. Замысел сорвался после спонтанного выступления Зиновьева, тогда уже студента первого курса философского факультета Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского, на партийно-комсомольском собрании с критикой положения в колхозах, из-за которого он оказался на Лубянке.

1940–1946: Отечественная война. Не по доброй воле, а в силу обстоятельств Зиновьев 29 октября 1940 г., ровно в день своего 18-летия, оказался в Красной армии. Воспользовавшись оплошностью следователей, он убежал и год скрывался, вытолкнутый из нормальной жизни; бегство под прикрытие армии стало для него спасением. Если бы, рассуждал впоследствии Зиновьев об этом отрезке своей жизни, у него

имелась цель достичь успехов в науке или искусстве, армейские годы следовало бы считать потраченными впустую. Но он не имел такой, да и вообще какой-то определенной цели. Цели складываются в зависимости от места и обстоятельств, могут меняться, они вторичны по отношению к тому, что впоследствии Зиновьев назовет направлением жизни. А для выработки такого собственного направления, для понимания общества и собственной роли в нем армейский опыт имеет особую ценность. Армейская жизнь строго регламентируется уставом и построена на отношениях начальствования и подчинения, она в этом отношении может служить моделью советского общества, своеобразной абстракцией коммунальности вообще. И найти, отстоять себя, свою независимость в этих условиях — настоящий личностный вызов.

Четыре года армейской службы Зиновьева выпали на Великую Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков, которая была не просто войной, а войной не на жизнь, а на смерть: она потребовала предельного напряжения сил от всей страны и бесстрашия от каждого воина. Желая уйти в тень, он оказался в самом центре событий, именно там, где делалась история. Зиновьев служил в кавалерии, танковых войсках и закончил войну боевым летчиком-штурмовиком. Свое участие в войне он рассматривает как продолжение поиска собственного направления жизни. В довольно подробном описании личного военного опыта он практически не интересуется собственно военным аспектом (перечислением фронтов, на которых находился, описанием боёв, в которых участвовал) и т. п. Война его интересует как социальное и человеческое явление.

Размышляя о войне, он задумывается прежде всего над источниками нашей победы и приходит к выводу, что это была победа советского строя: без модернизации, технического перевооружения за предыдущие два десятилетия, без культурной революции и без коммунистической идеологии она была бы невозможна. Как часто говорил Зиновьев, войну с фашизмом выиграли десятиклассники, выпускники

советских школ тридцатых годов. Большую роль играл, конечно, традиционный патриотизм народа, но сам по себе он не помешал, например, растерянности, массовому бегству, предательству первых месяцев войны. Надо было осмыслить и организовать патриотический порыв, возвысить его в таких ярких предельных образцах, как подвиг Александра Матросова, противопоставить его предателям и трусам, предать последних презрению и расстреливать на месте, надо было связать коммунистические идеи с естественным чувством родины, показать, что «Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве»[2]. Словом, мы победили, ибо было за что воевать.

В своих военных воспоминаниях Зиновьев сосредотачивается по преимуществу на будничных, бытовых ситуациях и отношениях людей, его интересует, что и в этих условиях, наряду с проявлениями героизма, также действуют, даже усиливаются мотивы карьеризма, подхалимства, шкурничества, обогащения и другие привычные схемы социального поведения. Война дала новую пищу и направление его социологическим поискам.

1946–1954: Московский университет. Это были годы студенчества и аспирантуры на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Зиновьев со своей непритязательной, живой и деятельной натурой легко вписался в послевоенную атмосферу хаоса с расслабленностью социальных помочей поведения и распущенностью нравов, всеобщим ожиданием настоящей свободной жизни. Ему удавалось сочетать учебу с работой, чтобы не прибегать ни к чьей материальной помощи. А самое главное, атмосфера оказалась благодатной для его размышлений.

Послевоенный хаос во всём, всеобщее ожидание перемен и безудержное пьянство, скрашивающее убожество быта и государственного пресса, развязывали языки и создавали пространство для дружеских компаний, откровенных

[2] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 210.

разговоров, импровизаций, анекдотов, шуток и т. п. Общая атмосфера скрытых надежд, что социализм после того, как он победил в самой страшной войне, наконец-то обнаружит свои преимущества и в мирной жизни, на философском факультете университета привела к недовольству студентов и молодых преподавателей убогим уровнем понимания философии. Толчком стала состоявшаяся на факультете в 1948 г. дискуссия о соотношении формальной и диалектической логики. Зиновьев, будучи студентом третьего курса, оказался в центре начавшегося процесса. Его карикатуры в стенной и университетской газетах, шуточные по форме и разящие по существу определения господствовавших догм сделали его фольклорной фигурой в философской среде (например, мы, поступившие на тот же факультет в 1956 г., наряду с официально заучиваемым ленинским определением материи — «объективная реальность, данная нам в ощущениях», знали также его зиновьевскую версию, которая дополнялась всего лишь одним словом: «богом»).

Свое отношение к официальной марксистско-ленинской философии Зиновьев формировал одновременно с поиском себя и своего места в жизни; перефразируя строку его любимого поэта Маяковского, можно сказать, что он учил диалектику не только по Гегелю. Уже студентом он начал вырабатывать свой взгляд на марксистскую философию как светскую идеологию (правда, для идеологии слишком усложненную и рафинированную), претендующую на научный статус. И занялся той частью философии, которая была дальше всего от идеологических искажений, — логикой (в известном смысле в ней он «скрылся» от философии и впоследствии нередко утверждал, что он логик, а не философ).

Он вступил на собственный исследовательский путь, первым итогом которого стала его кандидатская диссертация «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)». Ее защита вылилась в шумное событие философской и общекультурной жизни Москвы, проходила в остром противостоянии молодых сторонников

Зиновьева с догматически настроенной профессурой факультета. Хотя решение ученого совета было положительным, его утверждение растянулось на годы, а сама диссертация оказалась фактически выведенной из публичного пользования[3]. Защите диссертации Зиновьева предшествовало бурное обсуждение на факультете тезисов двух молодых преподавателей — Эвальда Ильенкова и Валентина Коровикова — о предмете философии[4] и вместе с ней стало поворотной вехой отечественной философии[5].

Зиновьев вошел в философию разработкой научного метода мышления. В своей диссертации он провел логический анализ диалектического метода как общенаучного подхода к предмету в ситуации, при которой экспериментальное исследование заменяется силой абстракции. Это было именно то, что требуется в первую очередь для познания внутренней противоречивости социальной реальности. Он нашел научно обоснованный подход к тому, до чего доходил интуитивно. Вот сделанное уже много позднее важное его признание на этот счет:

---

[3] Диссертация Зиновьева ходила в копиях, составленных его учеником и сторонником, впоследствии известным методологом Г. П. Щедровицким, и впервые в форме монографии была опубликована Институтом философии РАН в 2002 г. в качестве подарка к 80-летию автора и вручена ему на торжественном юбилейном приеме, устроенном ректором МГУ им. М. В. Ломоносова академиком РАН В. А. Садовничим.

[4] Тезисы назывались «К вопросу о взаимодействии философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического взаимодействия» и были осуждены решением ученого совета факультета как попытка ревизовать понятие предмета философии. На обсуждении, по воспоминаниям Щедровицкого, выступил также Зиновьев и, обыгрывая знаменитый тезис Маркса, произнес фразу, которая также стала знаменитой: «Если бы Маркс был жив, он бы к своим одиннадцати тезисам добавил двенадцатый: раньше буржуазные философы объясняли мир, а советские философы и этого не делают» (*Щедровицкий Г. П.* Я всегда был идеалистом… М.: Путь, 2001. С. 28).

[5] *Гусейнов А. А.* Философия шестидесятников как общественное явление // *Гусейнов А. А.* Этика и культура. СПб.: СПбГУП, 2020. С. 176–195.

> Меня всегда поражало то, как же хорошо образованные люди, наблюдавшие грандиозные социальные явления и располагавшие огромным фактическим материалом, ухитрялись делать на этой основе мелкие, поверхностные или заумно-бессмысленные выводы. Я самими обстоятельствами моей жизни и моими взаимоотношениями с моим окружением вынуждался на нечто противоположное этому: на большие и бескомпромиссные четкие обобщения, основанные на наблюдении сравнительно небольшого числа «мелких» явлений. Со временем я открыл для себя, что с социологической точки зрения именно «мелкие» пустяки являются грандиозными основами исторического процесса, а внешне грандиозные явления суть лишь его поверхностная пена. Положения диалектики об отношении сущности и явления, содержания и формы тут, как нигде, оказались кстати[6].

1955–1976: Институт философии. После такой скандальной защиты Зиновьев не мог получить преподавательского места в университете, хотя заслуживал его по всем параметрам, ибо наряду с творческим исследовательским умом он «прирожденный учитель и воспитатель»[7], как сказал о нем его ближайший друг и сам талантливый философ Карл Моисеевич Кантор. К тому же Александр Александрович обладал общительной натурой, уникальной способностью мыслить, разговаривая. Ему удалось зацепиться за место научно-технического сотрудника (машинистки-стенографистки) и перейти вскоре на должность младшего научного сотрудника в Институте философии Академии наук СССР, в котором он проработал 21 год и считал время пребывания в этом образцовом советском гадюшнике[8] лучшими годами своей жизни.

---

[6] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 157.

[7] *Кантор К.* Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 50.

[8] Институт в целом и в лице основных героев стал прообразом почти толстовского (в двух томах и четырех частях) романа Зиновьева

В институте первые два года он работал над совершенствованием логической формы диалектического метода в том понимании, которое было дано в его кандидатской диссертации, применив его к анализу советского общества. Видимо, намерение состояло также в том, чтобы актуализировать работу для печати. Текст не прошел «цензуру» сектора диалектического материализма, а автору был дан совет заняться чистой логикой, исходя, видимо, из того общераспространенного соображения, что общество является предметом исторического материализма. Зиновьев последовал этому совету и занялся логикой, но не для того, чтобы замкнуться в ее узких рамках и забросить свой интерес к познанию общественных процессов, а, напротив, как оказалось по факту и, видимо, и по замыслу, с иным намерением: раздвинуть возможности логики и приступить к социальным штудиям с более серьезной методической основательностью. Он поставил задачу реформировать логику, исходя из того, что ее следует рассматривать в единстве с проблемами теории познания и онтологии: «Три ветви старой философии — формальная логика, гносеология и онтология — должны быть слиты в нечто единое при систематическом построении логики в современных условиях науки»[9]. Конкретно это означало расширение ее предмета

> …за счет логической обработки языковых выражений, фигурирующих в языке опытных наук. В частности, это терминология, относящаяся к пространству, времени, эмпирическим связям, изменениям, детерминизму

«Желтый дом» (*Зиновьев А. А.* Желтый дом: в 2 т. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1980). В нем на примере жизни одного учреждения (Главного идеологического института) дана по-настоящему эпическая картина коммунизма, каким он реально сложился и существовал в коллективном опыте советского народа.

[9] *Зиновьев А. А.* Очерки комплексной логики. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 14.

> и индетерминизму и т. д. Такая терминология или совсем не определена, или определяется плохо, она многосмысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы[10].

Свою логику Зиновьев назвал комплексной. Она изложена в его многочисленных монографических трудах 1960-х — начала 1970-х гг., изданных в Москве и за рубежом (преимущественно на английском и немецком языках). Вот некоторые из них: «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Логическое и физическое следование. Проблемы логики научного познания» (1964), «Логическое следование. Проблемы логики и теории познания» (1968), «Комплексная логика. Неклассическая логика» (1970), «Логическая физика» (1972). Фигура Зиновьева в логике (как, впрочем, и в социологии, которой он займется вслед за этим, считая логику подготовкой к ней) остается спорной, говоря точнее, замалчивается. Вот что об этом сказал его ученик, известный немецкий логик Хорст Вессель, выступая на симпозиуме в честь его 70-летия:

> Александр Зиновьев сделал уникальный и неповторимый вклад в развитие науки логики. Его комплексная логика является самой богато разработанной программой логических новаторских исследований. Сегодня наталкивается она на непонимание и препятствование. Думаю, что в ближайшие десятилетия будут делаться многочисленные «открытия» в логике, которые были сделаны Зиновьевым уже в семидесятые годы двадцатого столетия. Этот процесс уже начался, как правило — без ссылок на Зиновьева. Однако историческая справедливость будет восстановлена, и Зиновьев займет достойное место

[10] *Ивин А. А.* Комплексная логика А. А. Зиновьева // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 90.

в истории логики как один из самых значительных логиков двадцатого века[11].

Сформулировав оригинальные логические учения и обнародовав их, создав также свою научную школу, Зиновьев получил признание профессионального сообщества, в том числе международного. Одновременно он достиг потолка формальных ступеней научной карьеры (стал доктором наук, профессором, заведующим кафедрой), которых можно было достичь в стране в эти годы (по крайней мере, в области философии), не идя на сделки со своей совестью. Словом, Зиновьев стал узнаваемым публичным лицом, позиция которого имела не только личное значение, что всегда было для него первостепенным делом, но и определенный социальный вес. Это открывало перед ним новые возможности и соблазны: ведь теперь он — не частный индивид, который со своими мыслями о покушении на Сталина, дерзкими стихами и карикатурами в стенных газетах мог затеряться в общей людской массе, он стал к середине 1970-х гг. такой фигурой, слова и действия которой уже могли получить большой общественный резонанс.

Институт был для Зиновьева не только местом работы. Подобно всем советским трудовым коллективам, он был, как любили тогда говорить, еще и вторым домом. Здесь складывались дружеские связи, возникало сложное переплетение деловых и личных отношений, разыгрывались статусные игры, карьерные интриги и т. п., словом, разворачивалась полноценная коммунальная жизнь вокруг и внутри самой трудовой деятельности. К середине 1950-х гг. основной вектор общественных изменений и политических страстей в стране определяли процессы, получившие название хрущевской оттепели. Их суть заключалась в раскрепощении личности и общественной

[11] *Вессель Х.* Логические исследования Александра Зиновьева // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 76.

жизни от репрессивных тисков и тотального идеологического контроля сталинского режима. Десталинизация началась подспудно уже после победы в войне, но особенно оживленно после смерти самого вождя. В обществе нарастало стремление расслабиться. Как отмечает Зиновьев, XX съезд КПСС и разоблачение культа личности Сталина были скорее подведением итогов и официальной легитимацией этого стремления, чем его началом и стимулированием. Придя в Институт философии в конце 1954 г., Зиновьев уже застал группу осознанных антисталинистов, фактически боровшихся против лиц и порядков, препятствовавших развитию философии. Зиновьев присоединился к этим людям и настроениям, значительно усилив их, стал одним из источников, одной из центральных фигур либеральных идей и форм общения в своей среде. Его свободолюбивая натура, привычка к коллективистской жизни и любовь к ней в сочетании с живой остроумной речью, дополненные и усиленные неподдельным научным авторитетом, сделали его любимцем института. О нем говорили, его окружала благоприятная аура, он умудрялся публиковать свои научные труды, имел небольшую группу учеников и широкий круг харизматичных друзей, наконец-то наладил свой быт, получив однокомнатную квартиру и хорошо оплачиваемую должность старшего научного сотрудника. В его жизни произошло еще одно событие: он женился[12] на молодой красивой сотруднице института Ольге Сорокиной[13]. Словом, Зиновьев был счастлив или близок к тому.

[12] Это был его третий брак. Первый оказался эпизодом фронтовой жизни, родился сын Валерий (1944). Вторым стал студенческий брак, в котором родилась дочь Тамара (1954), он распался через 10 лет (отчасти, как признавал Зиновьев, по его вине). С обоими детьми у него сохранялись близкие, сердечные и заботливые отношения до конца жизни.

[13] На этот раз он женился в благостную пору своей трудной жизни, когда, расставшись с прежними брачными узами, лелеял свое одиночество. Как он свидетельствует в «Исповеди отщепенца», «ложась спать, я повторял многократно слова: “Как хорошо, что я один! Боже, благодарю тебя за то, что я один!” Просыпаясь, я говорил себе те же слова.

Увы, обстоятельства — и общая обстановка в стране, и собственное положение в профессиональной философской среде — явились новым вызовом Зиновьеву. Общая обстановка характеризовалась поворотом к брежневизму. Его суть заключалась в том, чтобы остановить инерцию хрущевского потепления и стабилизировать господствующий режим в подмороженном состоянии, позволяющем ему сохранять управляемость и доказывать свои преимущества в условиях мирного сосуществования социализма с капитализмом. А для этого — подтянуть государственную дисциплину и натянуть идеологические вожжи. Процесс этот начался со смещения Хрущева, точнее даже с самого Хрущева, его атак на распоясавшихся художников и литераторов, а его поворотным пунктом стал ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию с целью подавить реформы, получившие название «Пражская весна». Ситуация в профессиональной среде изменилась таким образом, что либеральные философы-шестидесятники в своей борьбе против догматизма,

---

Я говорил это себе много раз в течение дня. Однако я не устоял, и мы поженились» (*Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 369). В новой, дружной семье у него родились две дочери: Полина (1971) и Ксения (1990). С новой женой Зиновьев прожил до конца жизни. Она оценила исключительность его ума и характера, масштабность его предназначения, стала его музой как художника и помощницей как писателя. И при этом оказалась хорошей хозяйкой. Она отлично готовила и со вкусом сервировала стол. В дизайне квартир (в частности, тех двух квартир, в которых Зиновьев жил последние шесть лет и я имел счастье бывать, в том числе в профессорском корпусе высотного здания МГУ на Воробьевых горах) она умела создавать эстетически оформленные автономные пространства, в которых свободно и уютно могли располагаться гости, друзья и близкие семьи, проходить встречи и застолья, приносившие Зиновьеву настоящее наслаждение. Овдовев, Ольга Мироновна Зиновьева сама стала заниматься общественной деятельностью, посвящая свои силы и энергию пропаганде имени гениального мужа (*Зиновьева О. М.* Александр Зиновьев: творческий экстаз // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002).

за творческое развитие философии, имея в виду, разумеется, марксистскую философию, достигли определенных успехов: получили известность, возможности публиковать свои труды, претендовать на руководящие позиции и постепенно их занимать. Это породило конкуренцию уже среди них.

Положение Зиновьева в изменившихся условиях стало особенно уязвимым. Прежде всего благодаря его очевидным научным успехам в логике, опубликованным книгам и их переводам за рубежом. Кроме того, бытовало мнение, что он ведет исследования в русле логического позитивизма. Сам же он не хотел развеивать такие представления ясным заявлением, что развивает логику в духе марксистско-ленинской философии, и умудрялся[14] публиковать свои труды без прикрытия общими фразами и натянутыми цитатами из классиков. Ситуация обострилась в 1974 г. после принятия его в действительные члены Финской академии наук. Скрытая зависть и открытые упреки единомышленников в том, что он «ради дела» не хочет прикрывать свою научную работу камуфляжем марксистских слов и цитат, поставили Зиновьева перед выбором: идти ли своим путем, лавируя между внешними обстоятельствами до тех пор, пока это возможно, или сдаться им, если обойти их становится невозможным; ведь, в конце концов, как говорит русская пословица, плетью обуха не перешибешь.

1974–1978: изгнание. Зиновьев пишет, что лучшими моментами его жизни были те, когда он «имел возможность проявить свои личные качества очевидным для окружающих образом»[15]. Творить милостыню тайно — не для него.

[14] Именно «умудрялся»: свою книгу «Философские проблемы многозначной логики» он представил для обсуждения в Институте философии, снабдив цитатами классиков марксизма и марксистских авторов, а, получив необходимые разрешения и улучив благоприятный момент, по пути в издательство подменил текстом той же книги, но уже без этих цитат (*Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 306). Кстати, такого рода трюки были вполне типичны для нравов и общей атмосферы того времени.

[15] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 321.

Но как же отнестись к тем, кто мешает ему выделиться, завидует успехам, стремится помешать, подставить подножку и т. п.? Он прекрасно знал, что межличностная конкуренция служит цементирующей основой социальности, закономерным выражением общественной природы человека. И никогда враждебным действиям по отношению к себе он не придавал личного характера, за исключением, разумеется, уличных или подобных хулиганских выходок, на которые он мог дать и давал мгновенный и вполне персональный отпор в лучших русских традициях. Например, Зиновьев никогда не отвечал своим газетным и прочим критикам и злопыхателям, хотя, насколько могу судить по личному опыту общения с ним, знал об их существовании. У него по факту жизненного опыта и в качестве осознанной позиции выработался определенный стиль, даже, можно сказать, алгоритм поведения по отношению к своим врагам:

> Презирай врагов своих. Делай вид, что они для тебя не существуют. Игнорируй их — они недостойны твоей борьбы с ними. Ни в коем случае не люби их — этого они тем более недостойны. Избегай быть жертвой твоих врагов и избегай того, чтобы они были твоими жертвами. Не персонифицируй своих врагов. Считаешь ли ты комаров и мух, кусающих тебя, врагами?! А гнилостные бактерии и черви?[16]

Это этическое обобщение, сопоставимое по своему значению с евангельской заповедью, аллюзией на которую оно является, получает продолжение в желании изобразить врагов в неприукрашенном виде, отобразив в социологическом зеркале, а тем самым одним ударом дать «им» всем в морду.

Такой удар Зиновьев решил нанести, приступив в 1974 г. к написанию книги о социальной природе советского общества, что всегда было его сокровенным желанием

[16] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 346.

и осознанной целью. Всё складывалось благоприятно для того, чтобы создать свою книгу с большой буквы, исследовав в ней советскую коммунистическую систему. К этому времени он выполнил свою логическую программу и овладел научным методом, необходимым для такого исследования. В этом смысле он не менял предмет научных занятий, а продолжал их. Кроме того, накопленный жизненный опыт провел его через все круги социального ада и обогатил таким богатством противоречивых наблюдений, которые требовали выхода. Еще один важный момент состоял в следующем: реальное коммунистическое общество к этому времени прошло пору юности и достигло зрелого состояния (его и стали называть развитым социализмом), раскрыло все свои потенции. И, как он считал тогда, оно пришло на века.

Суммируя состояние предмета, который ему предстояло исследовать, и свои возможности осуществить такое исследование, Зиновьев решил написать книгу в свободной литературной форме. Реальная картина коммунизма должна была быть не только объективной, но еще и живой, узнаваемой. Так появились «Зияющие высоты»[17], первая книга (роман) в жанре социологического реализма. Для советского общества, изображенного в этой книге, она стала его первым объективным «рентгеновским» снимком, а для автора — силой, поднявшей его на вершину всемирной славы.

Но первым ее следствием для Зиновьева явилось то, что она обрекла его на изгнание. Он писал свою книгу тайно, опасаясь бдительных «друзей», быстро, чтобы окружающие не успели догадаться, а настороженные агенты КГБ — помешать. Погрузился в работу самозабвенно, размышляя только о ней, придумав особую архитектонику книги, позволяющую создавать ее самостоятельными частями и легко прятать написанное. В начале 1975 г. книга была готова и через иностранных

[17] *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. Кн. 1, 2. М.: Независимое изд-во ПИК, 1990.

друзей переправлена за границу, нашла там своего издателя[18]. Можно представить, чем был для Зиновьева и его жены, поддерживавшей его и активно вовлеченной в эти события, год ожидания выхода книги в свет. Зиновьев понимал, что своей книгой, представляющей собой для реального коммунизма бомбу, подобно той, какой стал «Капитал» Маркса для капитализма, он вступает в прямую схватку с системой, переходит на «ты» с историей, а намерением опубликовать ее на Западе рискует собой и благополучием семьи. Сложность состояла в том, что он, с одной стороны, достиг пика в том направлении и понимании жизни, к которым стремился, а с другой — обрекал себя на глубокое человеческое одиночество. Издать такую книгу, да на буржуазном Западе означало быть исторгнутым из общества — отправленным в лагеря или высланным из страны. Именно таким окажется выбор, который встанет перед ним через три года.

В 1976 г., когда в Швейцарии уже началась работа над изданием романа, никто, кроме посвященных, об этом не знал, внешне всё оставалось спокойно. Зиновьев готовился к первому советско-финскому симпозиуму по логике в Хельсинки, на который должна была отправиться большая советская делегация. Накануне отъезда он узнает, что ему одному из всех, именно ему, известному логику и члену Финской академии наук, не дают разрешения. Ему и раньше отказывали в заграничных научных поездках, но этот отказ стал демонстративным и наглым оскорблением его научного и гражданского достоинства. Зиновьев не мог такого снести: он встретился с группой западных журналистов и выразил протест по этому поводу. Его заявление было передано по западным радиостанциям, которые к этому времени советская интеллигенция охотно слушала. Уже одним этим действием Зиновьев ставил себя вне норм лояльного советского интеллектуала. Вскоре вслед за этим, а именно 26 августа, западные

[18] О том, как писалась книга, о ней самой и в целом о литературном творчестве Зиновьева см.: *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 98–131.

радиостанции объявили о выходе романа, которого он напряженно ждал. Теперь всё: Рубикон был перейден.

Дальше заработал отлаженный для врагов режима репрессивный механизм брежневской эпохи развитого социализма: коллеги осудили, стали сторониться; КГБ взял под негласный надзор его жизнь; ученый совет института признал его не соответствующим должности и лишил работы; партийная организация исключила из партии; государственные органы лишили званий, наград (в том числе воинских); библиотекам предписали изъять его книги из открытых фондов; ЖЭК снял льготу по квартирной плате, которая полагалась за научную степень; издательствам же и не надо было запрещать печатать, а авторам — цитировать его труды (они догадались и без этого). Словом, с Зиновьевым обошлись по-зиновьевски — в соответствии с законами социальности. Его выключили из социума, из привычных коммунальных форм советской жизни, которые при всей удушающей атмосфере были для него, как и для всех советских людей, источниками существования и защиты, пусть и ограниченными. Оставался только личный круг: семья, личные друзья, некоторые диссиденты, отдельные простые люди. Показательная деталь для понимания личности Зиновьева: в «Исповеди отщепенца», не персонифицируя общую массу коллег, которые проводили репрессии против него и даже требовали усилить их, он поименно называет тех, кто поддержал, навещал, помогал[19]. Сам же Зиновьев, оставаясь на избранном пути и приноравливаясь к изменившимся обстоятельствам, продолжал литературную работу. Он подготовил и издал в том же швейцарском издательстве роман «Светлое будущее», в котором прямой критике подвергался лично Брежнев. Этот роман окончательно убедил и эмоционально настроил власти, что остановить Зиновьева, вернуть в русло советской

[19] См.: *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 418–435, там же на с. 434, в частности, упоминается, что академик П. Л. Капица передал семье деньги, на которые та жила целый месяц.

нормальности уже невозможно. Его поставили перед выбором: или тюрьма и ссылка с семьей, или эмиграция. Так его вынудили покинуть Родину.

1978–1990: эмиграция (первая половина). В августе 1978 г. он с семьей (женой и дочерью семи лет) прибыл в Федеративную Республику Германию по формальному приглашению Мюнхенского университета. А в сентябре того же года был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР «О лишении гражданства СССР Зиновьева Александра Александровича…». Как пишет Зиновьев и что подтверждается всей логикой его жизни, предшествовавшей этому событию и последовавшей за ним, он не хотел эмигрировать. Здесь было всё свое, родное: коммунальная среда, которая закалила его и выковала характер, социальный строй, анализ и критика которого стали делом его жизни, народ, которому он принадлежал по высшему из человеческих прав — праву рождения. Да, это была клетка, но его клетка, в которой он научился быть свободным. А чем обернется для него свободный мир, не задохнется ли он в этой свободе равнодушия?! Думаю, Зиновьев знал, что ему приклеят ярлык антисоветчика, диссидента, человека, который перешел в лагерь противника. И именно этого он страшился в первую очередь.

Политика мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем была, по сути дела, соглашением двух блоков — НАТО во главе с США и Варшавского договора во главе с СССР — о правилах холодной войны. Соглашением о том, что она ведется без традиционных военных столкновений и вооруженных территориальных захватов, а соблюдение этих условий обеспечивается поддержанием баланса ядерного оружия на уровне возможности гарантированного ответного смертельного удара. Все другие формы взаимодействия, включая и идеологические (конкуренция, борьба, взаимопроникновение, сдерживание, сотрудничество, шпионаж и т. п.), оставались легитимными в пределах международного права и национальных законодательств. Формат холодной войны допускал частные и персональные (родственные,

профессиональные, туристические и др.) контакты, возможности которых постепенно расширялись и приобретали относительную самостоятельность и правовую защиту. В этом контексте в СССР возникали такие точки гражданской активности, прежде всего различные формы борьбы за права человека, которые получали поддержку в странах Запада и стали каналом их идеологического влияния на общественное сознание в нашей стране. Так, в частности, сложилась заметная общественная группа граждан, не согласных с официальной коммунистической идеологией и политикой государства и получивших название диссидентов, возникла неподцензурная литература («самиздат», «тамиздат»), получили популярность вещающие на страну зарубежные радиостанции. В ходе мирного сосуществования (холодной войны) противоположные социальные системы боролись между собой за доминирование (в перспективе — господство) в глобальном масштабе. Между ними происходили процессы взаимопроникновения, подобные диффузии твердых тел, а роль атомов и молекул в них исполняли отдельные индивиды и их маленькие группы. Диссидентская деятельность, в том числе практика издания неподцензурных русскоязычных произведений на Западе, которые потом нелегально ввозились в Советский Союз, была одной из форм проникновения капитализма в коммунистическую систему. Это был путь, проложенный еще Герценом. В официальной идеологии и обыденном сознании он считался одним из признаков перехода во враждебный лагерь.

Зиновьев сразу по приезде обозначил свою позицию по этому поводу. На вопросы журналистов и собеседников, называвших его жертвой режима и интересовавшихся тем, как он ощущает себя в свободном мире, он отвечал, что не считает себя жертвой (его часто повторяемая формула: «режиму досталось от меня больше, чем мне от режима») и что он всегда оставался свободным человеком. Он, блестящий знаток многозначной логики, не давал загнать себя в формальную ловушку идеологии холодной войны. Он не считал себя коммунистом, но также не считал себя и антикоммунистом.

Зиновьев многократно публично говорил, что не является диссидентом. Он считал себя исследователем и критиком советского коммунизма и вел себя так, чтобы оставаться на этих позициях. Для него была совершенно неприемлемой позиция антисоветчика; кстати, именно так клеймили Зиновьева отрекавшиеся от него коллеги и друзья, оправдывая себя тем, что, мол, они знали о его критических настроениях, но не подозревали, что он стал антисоветчиком. Сохранить свою социальную идентичность и свободу неангажированного исследователя стало одной из первых и сознательных забот Зиновьева в эмиграции.

За границей первые два года Зиновьев работал профессором логики Мюнхенского университета, получая твердую зарплату, все последующие годы жил частной жизнью, занимаясь литературной и публицистической деятельностью, скромность доходов от которой приходилось компенсировать необычайно интенсивной работой. Быт его по западным стандартам был вполне скромным, а по его привычкам и запросам — комфортным. Саму же эмиграцию он рассматривал как наказание, остракизм. Физически находясь на Западе, внутренне, ментально он жил жизнью советской страны. Двадцать один год его пребывания на Западе можно разделить как минимум на два периода; второй из них начался с возвращения ему советского гражданства в 1990 г.

В первый период он продолжает и завершает свою аналитику советского социального строя. Создает ряд социологических романов и повестей[20], развивая круг идей и образов «Зияющих высот». Одновременно собирает и систематизирует свои суждения о коммунистическом обществе, разбросанные в литературных произведениях, и издает их в традиционной

[20] Здесь прежде всего следует назвать уже упомянутый роман «Желтый дом» (1980), повесть «Гомо советикус» (1982; *Зиновьев А. А.* Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000), полуавтобиографическую книгу «Сталин — нашей юности полет» (1983; *Зиновьев А. А.* Сталин — нашей юности полет. М.: Алгоритм, 2002).

форме научного эссе «Коммунизм как реальность» (1981)[21]. Зиновьев в эти годы также много ездит по миру с лекциями, дает большое количество интервью, всюду разъясняя свою позицию и свое ви́дение развернувшегося в мире противостояния.

Другой темой, которая занимает его наряду с социологией и даже в противовес социологии, становится мораль. Ее он развивает в форме размышления над основным направлением своей собственной жизни, теми ценностями и правилами, которые он сам вырабатывает и культивирует, считая их правильными. Чужеродная социальная среда эмиграции усилила в нем потребность в саморефлексии. Она была ему свойственна всегда и присутствует во всех его литературных произведениях, но в концентрированном виде и в качестве основной задачи он реализует ее в поэмах «Мой дом — моя чужбина» (1983), «Евангелие для Ивана» (1984), повестях «Иди на Голгофу» (1985), «Живи» (1988), а также в автобиографическом сочинении «Исповедь отщепенца» (1990). Все знают Зиновьева как философа, ученого-логика, социолога, писателя, поэта, художника. Но часто забывают, что он создал свою собственную этику, которую сам называл «учением о житии» и «зиновьйогой»[22]. Его иногда не без основания называют также великим учителем, проповедником.

Основное направление своей жизни (учения о житии) Зиновьев выразил формулой «Я есть суверенное государство из одного человека». Парадоксальная сущность этой формулы состоит в соединении двух начал человеческого существования (единичности и всеобщности, чувств и разума,

[21] Книга «Коммунизм как реальность» (*Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М.: Алгоритм, 2021) в 1982 г. была отмечена престижной премией Алексиса де Токвиля, которая вручается раз в два года за достижения в гуманизме и приверженность гражданским свободам.

[22] Более подробно об этике Зиновьева см.: *Гусейнов А. А.* А. А. Зиновьев: «Я есть суверенное государство» // *Гусейнов А. А.* Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 332–368.

индивидуальности и социальности, эгоизма и альтруизма), которые в рамках предшествующих антропологических учений, как правило, оставались разделенными и противоречивыми. И не просто в соединении, а в конкретном характере, способе этого соединения, укорененном в личности: единственности бытия каждого живого существа и его разумности как определяющего начала человеческой формы бытия. Раскрывая суть своей формулы в том виде, в каком он сам воплощал ее, Зиновьев называл себя «социальным индивидуалистом». Уточняя конкретно-исторический характер своего социального индивидуализма, он называл себя утопическим коммунистом, который решился в своей индивидуальной жизнедеятельности воплотить тот высший гуманистический идеал, который в принципе не может быть воплощен в коллективном (общественном, государственном) опыте. В наиболее полной и самой доброжелательной биографии Зиновьева, написанной П. Е. Фокиным, своеобразие его личности связывается с тем, что он был крестьянский сын и мировидение его в своей глубинной основе было крестьянским: «Глубинную основу его личности составляло крестьянское мировидение. Мировидение конкретного, здравомыслящего человека, стоящего лицом к действительности. Ее познающего и преобразующего. Противостоящего ей и принимающего ее. В полноте и данности ее»[23]. Признавая, что в этой характеристике подмечено исключительно важное для Зиновьева как мыслителя и человека внимание к точке зрения здравого смысла, и даже не ставя под сомнение выступающее в качестве основного аргумента авторское утверждение, будто «правда, справедливость — единственный Бог крестьянина»[24], хочется тем не менее поставить под сомнение само стремление свести своеобразие личности Зиновьева к некой всеобщей основе. Принцип «Я есть суверенное

[23] *Фокин П. Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 710.

[24] Там же. С. 711.

государство», если рассматривать его логическую форму, состоит в том, чтобы не подводить жизнь под общее определение, а строить ее исходя из единственности данного индивида, развертывающейся во всеобщее, в данном конкретном зиновьевском случае — в справедливость и правду не в крестьянском, а в идеально-коммунистическом изводе.

1990–1999: эмиграция (путь к возвращению). Зиновьев рассматривал себя, свое творчество в неразрывной связанности с историей, со своим обществом, не с теми или иными лицами, событиями, а именно со временем, с эпохой: «Хочу в ушедшие года. / Пусть будет нестерпимо плохо. / Твоим я буду навсегда, / Меня родившая эпоха»[25]. Свою принадлежность эпохе, а более конкретно — стране и народу, он не понимал как свою зависимость от каких бы то ни было представлений о них, кем бы (какими бы то ни было мыслителями или правителями) они ни были высказаны, какими бы авторитетами ни были подкреплены; он понимал ее а) как неразрывность и б) как ответственность. Жизнь Зиновьева с его абсолютными амбициями никогда не была легкой, она стала настоящей трагедией тогда, когда он (одним из первых, если не первый) увидел, что его эпоха, страна и народ падают в пропасть. Что они влекут туда с собой и его, это было ясно ему априори. И он был готов гибнуть вместе с ними, запеть первым «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”…». Проблема заключалась в другом: какова его ответственность за начавшееся «социотрясение» (термин социолога Б. А. Грушина) в его стране и как ему воспротивиться начавшемуся краху. Размышления об основном направлении жизни и итоговая их формула о личном суверенном государстве оказались к месту и ко времени. Он понял, что ошибся в своем предположении, согласно которому советский коммунизм пришел в страну на века. Но это вовсе не отменяет его собственной позиции как идеального коммуниста. Он должен

[25] *Зиновьев А. А.* Я, ребята, не поэт // Феномен Зиновьева. М.: Современные тетради, 2002. С. 360.

бороться — для него это означало трезво проанализировать и прямо сказать людям, что произошло.

В эти годы наряду с литературными произведениями «Смута» (1992), «Русский эксперимент» (1993)[26], «Глобальный человейник» (1997) он печатает большую серию научных и научно-публицистических трудов: «Кризис коммунизма» (1991), «Гибель империи зла» (1994), «Запад. Феномен западнизма» (1995)[27], «Посткоммунистическая Россия» (1996), «Великий эволюционный перелом» (1999). Уже одни названия, которые у Зиновьева всегда оказываются говорящими, обозначают изменение тематической направленности и идейных акцентов его мыслей и практической позиции. Несколько моментов следует выделить особо.

Во-первых, осознав, что западный блок (НАТО во главе с США) видит в холодной войне именно войну, а себя — победителем, рассматривающим Россию не просто как другую социальную систему, а именно как поверженного врага со всеми для этого статуса последствиями, он решил пристальней присмотреться к Западу. Присмотреться и исследовать, что он собой сегодня представляет и какова мера опасности, которую он несет России. Опираясь на свои уже накопившиеся к этому времени впечатления, но не ограничиваясь ими, поскольку это — впечатления эмигранта, человека со стороны, а также на большой массив исследовательской литературы, он приходит к выводу, что на Западе сложилась новая социальная система, которую он назвал западнизмом. Западнизм не следует отождествлять с самими западными странами, в которых он получил господство. Это — совершенно новое явление, которое надо рассматривать как сверхобщество, выходящее за национально-государственные рамки, хотя и не отменяющее их.

---

[26] *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. М.: L'Âge d'Homme — Наш дом, 1995.

[27] *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.

Во-вторых, западнизм прямо связан с глобализмом. Глобализм является объективным и вполне реальным социальным феноменом, возникающим в условиях новых экономических, технологических, информационных, идеологических и других возможностей. Вместе с тем он возникает на Западе, продвигается им и служит формой его господства в мире, подчинения себе стран и обществ, вовлекаемых в процесс глобализации. Речь идет о социальном переломе, который позволяет управлять будущим, для чего само будущее глобальное общество должно приобрести безлично-анонимный механический вид. Глобализм реализуется в форме западнизма.

В-третьих, западнизм возник вслед и в ответ на реальный коммунизм, от которого он очень много заимствовал (от планового хозяйства до так называемого тоталитаризма). Реальный коммунизм советского образца был первой формой сверхобщества и представлял собой другую (незападнистскую) линию эволюционного развития. Столкновение этих двух сверхобществ на почве (в пространстве) глобального доминирования было неизбежным.

Наконец, в-четвертых, Зиновьев обозначил новый акцент в своем понимании и практическом отношении к реальному коммунизму. Этот акцент многие из ранее восхищавшихся его творчеством и личностью воспринимают как переход от критики коммунизма к его апологии. Так считают те, кто подходит к оценке Зиновьева чисто идеологически, кто не хочет или не умеет понять точность его рассуждений и изощренную противоречивость самой социальной организации общества и хода исторического процесса. На самом деле изменилась не его позиция, а позиция, в которой оказался реальный коммунизм: Зиновьев действовал так же, как действуют дети, исходящие из правила, что лежачего не бьют.

Здесь нет возможности рассмотреть этот вопрос во всех нюансах. Но несколько вещей следует сказать: а) критиковать советский коммунизм — не значит быть против него и желать уничтожить; б) критиковать Запад и западнизм — не значит считать их плохими, напротив, они исключительны

и благодаря своей исключительности достигли уровня, претендующего на то, чтобы господствовать в мире; в) защищать поверженный советский коммунизм — не значит стать его сторонником, для этого достаточно осознавать, что речь идет о моей стране и моем народе, которые достигли своего наивысшего расцвета именно при этом строе, каким бы плохим он ни был; г) считать победу западнизма в мире катастрофой для всего человечества — не значит думать, будто победа советского коммунизма и его распространение на весь мир были бы лучше. Катастрофой для человечества стало поражение другой эволюционной линии, сама возникшая опасность безальтернативности общественного развития. Можно не соглашаться с этими выводами, но утверждать, что Зиновьев раньше говорил одно, а позднее противоположное — значит мерить его чужим аршином.

После возвращения советского гражданства Зиновьев с головой погрузился в российские дела. Оставаясь в Мюнхене, он часто стал приезжать в Москву, доводить до читателей свои старые труды и печатать новые, ибо теперь его учение, направленное на критический анализ западнизма, на Западе было уже нежелательно, он установил контакты с силами, оппозиционными режиму Ельцина, сам оставаясь независимым исследователем, активно включился в публицистическую деятельность, которая имела заметный резонанс и влияла на общественное сознание[28]. Он восстановил также свои академические связи, в том числе в философской среде[29],

[28] Однажды во время наших непредсказуемых прогулок по Москве наш общий друг В. И. Толстых повел нас к своему соседу, известному композитору Т. Н. Хренникову, которого Зиновьев раньше не знал. Хренников, увидев Зиновьева и узнав, что это — он, обнял его как родного человека, и они стояли несколько минут молча, уткнувшись лбами друг в друга, и Хренников стал благодарить Зиновьева за его деятельность, в особенности за вышедшую незадолго перед этим программную статью в газете «Советская Россия».

[29] Особо следует отметить празднование его юбилея, устроенное в родном Институте философии. Вот как его описывает П. Е. Фокин:

пользуясь пушкинской формулой «не помня зла, за благо воздадим». Бывшие фронтовики, в том числе Зиновьев, рассказывают, что в безнадежных ситуациях, подобных тем, которые сложились в начальный период Отечественной войны, нередко спасительными оказывались отчаянные действия, казалось бы, обрекавшие на верную смерть. Именно таким отчаянным бойцом, судя по его поведению, чувствовал себя Зиновьев в этот период.

Поворот, смена его мировоззренческих акцентов начались еще до перестройки. В 1984 г., когда Горбачев в качестве самого молодого члена политбюро посетил Великобританию, явившись Западу, словно невеста на смотрины, Зиновьев обратил внимание на то, что тот, вопреки давно установившейся для коммунистических лидеров традиции, не посетил могилу Карла Маркса. Своим социологическим чутьем он маркировал этот факт как знак начавшейся эпохи предательства. Когда же началась перестройка, вызвавшая восторг в стране и мире как начало новой эры едва ли не всеобщего братства, нового мышления, и люди в СССР ходили со значками, на которых красовались сплетенные в узел флаги СССР и США, Зиновьев сказал, как отрезал: это — не перестройка, это — катастройка. И нужно было обладать такой силой ума и еще больше таким мужеством, какими обладал Зиновьев, чтобы сделать столь горький научный прогноз. Одного этого предсказания было бы достаточно, чтобы убедиться в истинности и честности учения о реальном коммунизме,

---

«На другой день состоялось его своеобразное примирение с Институтом философии. По инициативе заместителя директора института А. А. Гусейнова, с которым он познакомился в Германии еще в 1992 г. и которого как-то сразу полюбил, и В. И. Толстых состоялось его чествование в зале ученого совета. Это было символично. Когда-то именно в этом зале решалась его участь советского философа. Но прошлое он всегда оставлял в прошлом. Встреча была живой и неформальной. Он не держал ни на кого зла в душе. Благодарил за внимание. Готов был общаться со всеми, кто этого хотел» (*Фокин П. Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. С. 644).

а его автора признать настоящим социологическим гуру. Не знаю, что думали и какие страхи преодолевали люди на Западе, когда они кричали: «Горби, Горби!», но мы, социально неравнодушные люди, мы все были ослеплены обманчивыми надеждами: одни думали, что идем к подлинному социализму с человеческим лицом, другие — что возвращаемся на магистральную линию развития, с которой сбились то ли при Сталине, то ли еще в 1917 г. Зиновьев же был предельно трезв и ясен в своих суждениях: да, коммунистическая система столкнулась с первым серьезным кризисом в своей истории, и его, этот кризис, надо преодолевать своими собственными средствами, на основе тех сил и возможностей, которые заложены в самой системе, а не пересматривать ее в желании улучшить. И для ясности приводил аналогию: если вы перестраиваете сарай, то из тех же материалов и теми же силами вы не можете построить ничего иного, чем такой же сарай, но еще хуже.

К сожалению, всё произошло так, как предсказал Зиновьев. Новый «сарай» оказался хуже: рухнула не только социальная система реального коммунизма, развалилось само государство, которое она держала. Уже не было ничего зиновьевского, ни той эпохи, ни того государства, исследование и критика которых составляли смысл его жизни. Но оставались еще его страна и народ, брошенные и униженные. И Зиновьев решил вернуться.

1999–2006: последний бой. 30 июня 1999 г. Зиновьев вместе с семьей вернулся домой. И сразу же в Шереметьеве, где хотя и не было государственной встречи, но тем не менее его приветствовало некоторое количество близких людей, знавших о его прилете, были журналисты, состоялась импровизированная пресс-конференция. Он отвечал на вопросы, которые сразу же показали, что сам факт его приезда стал политическим событием. Его спрашивали, действительно ли он приехал насовсем и с какой целью, понимает ли он, что для официальной власти он не ко двору. Он отвечал, как всегда, четко и точно: приехал, чтобы в трудный период

быть со своим народом, а не отсиживаться в стороне, приехал насовсем и не для того, чтобы умереть на родной земле, а для того, чтобы бороться за нее, приехал не к официальной власти, а в Москву, в Россию.

По приезде он получил должность профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, стал сотрудничать с Литературным институтом им. А. М. Горького, Московским гуманитарным университетом, Институтом социально-политических исследований РАН и Институтом философии РАН как реальный работник; включился в интенсивную публицистическую деятельность (отдельные лекции, лектории, интервью, передачи), встречался с партийными лидерами (Г. А. Зюгановым, С. Н. Бабуриным и др.) и активистами оппозиционных партий, принимал участие в работе общественных интеллектуальных центров, выступал на больших и малых форумах (в частности, на философском конгрессе) и др. И разумеется, продолжилась непрерывная интеллектуальная работа, связанная с изданием своих трудов, а самое главное — с развитием своего учения, в частности созданием итогового обобщающего всё его творчество и его мировоззрение капитального труда «Фактор понимания» (2006)[30], который он завершил, уже находясь во власти смертельной болезни. Все последние шесть лет он вел необычайно активную и деятельную жизнь, словно желая компенсировать годы эмиграции. Активной и деятельной его жизнь была всегда, но период после возвращения оказался, видимо, одним из самых интенсивных, прошел на пределе человеческих возможностей. Он жил, что называется, на износ. Эти годы, хотя их полное и точное описание и анализ остаются еще делом будущего, уже при общем взгляде позволяют увидеть исключительность личности Зиновьева, самую суть того, что он называл своим «социальным индивидуализмом». Отмечу только несколько необычных моментов.

[30] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.

Зиновьев откликался на все запросы выступить, встретиться, ответить на вопросы и т. д. независимо от того, от кого они исходили. Он был в этом отношении, как сказали бы многие, неразборчив. На самом деле это была сознательная позиция, чтобы добраться до своей аудитории, до тех, кто ищет истину, правду. Он строил непосредственные личные отношения (встречи, контакты, беседы и т. п.) с людьми независимо от их социального статуса и функции (возглавил комитет в защиту Слободана Милошевича, когда тот оказался в Гаагском суде, послал приветствие отставному Пиночету, с которым, воспользовавшись его пребыванием за границей, обошлись в нарушение офицерской чести), писал статьи и в газету «Завтра», и на радио «Свобода». Он всегда был прям, искренен и простодушен, не тяготился своей известностью и не торговал ею. Исходил из убеждения, согласно которому он отвечает только за то, что говорит и пишет сам. И кроме того, считал, что каждый раз обращается не только лично к тому, кто спрашивает, к своим сторонникам, к аудитории того издания, которое публикует его статью, а одновременно и прежде всего ко всем думающим людям, имеющим голову и совесть, ко всему обществу и своему народу.

В огромном количестве разнообразных публичных зиновьевских текстов последних шести лет, как, впрочем, и в более ранних, нет повторений в обычном смысле слова, их и не может быть, так как они большей частью были устными импровизациями, создавались сразу, набело применительно к тем человеческим и прочим обстоятельствам, в которых возникали. Но в них есть своя внутренняя цельность, сквозь них тянется одна и та же смысловая нить. Зиновьева интересует только одно: каковы социальная природа установившегося в России общества и перспектива его страны и народа в новом раскладе мировых сил и тенденций, а также какие выводы из этого следуют для людей, которые, подобно ему, не мыслят себя без своей страны и своего народа. Собственно, все размышления и практические действия Зиновьева, которые в его случае суть одно и то же, были сосредоточены

вокруг этих вопросов. Его ответы, точнее поиски ответов, на эти вопросы сводились к следующим основным положениям.

Сложившееся в России общество он называл постсоветским. Оно является гибридным и сколочено из трех частей: быстро завезенной западной демократии, не действительной демократии, которой уже и на Западе нет, а ее идеологического суррогата; остатков советской системы; вновь реанимируемых имперских элементов. Западное влияние, получившее господство на первом (ельцинском) этапе, придало обществу характер колониальной демократии. Но этому, каждый на свой манер и во многом противореча друг другу, сопротивляются два других элемента — советский и имперский.

«Метили в коммунизм, попали в Россию», — с горечью отмечал Зиновьев. И попали не случайно. Одним из важных факторов победы коммунизма в России было то, что этому способствовало само качество человеческого материала в лице русского народа (его коллективная психология, терпеливость, исторически сложившиеся привычки, формы поведения, необычайная талантливость и плохая организованность и т. п.). Поэтому, если даже изначально и не ставилось такой цели, последовательная борьба против коммунизма должна была привести к тому, чтобы лишить русский народ своих исторических амбиций, выбить из глобальной игры. Этот путь от антикоммунизма к русофобии оказался для Запада тем более естественным, что именно при коммунистическом режиме Россия достигла пика своего развития и поднялась до уровня сверхдержавы.

Зиновьев не только анализирует складывающуюся в стране социальную систему, но одновременно выражает свою гражданскую и жизненную позицию, формулируя которую он часто упоминает слова *бороться*, *сопротивляться*, *бунтовать*. Он подтверждает свою идентичность как русского идеального коммуниста и русского человека, которые в сложившихся обстоятельствах сливаются для него воедино. В условиях очевидного цивилизационного ослабления России основным оружием борьбы для него становится

понимание. В ситуации всеобщего вселенского оглупления нужно, как он выражается, «переумнить» Запад. Он не устает повторять, что речь идет о борьбе с западнизмом, но не о вражде с Западной Европой. Он даже допускал, что силы, противостоящие западнизму, созреют скорее всего именно на Западе. В своих последних размышлениях он говорит:

> Для моего поколения свет разума приходил именно из Западной Европы и лишь постольку и в той мере, в какой мере он шел благодаря влиянию западноевропейской цивилизации на Россию. Дефекты Запада мне были всегда видны и известны. Но для меня Западная Европа (Запад в строгом смысле слова!) не сводилась к капитализму, к частной собственности, к рынку, к наживе. Это было нечто более обширное и ёмкое, более значительное… Но складывается такое впечатление, что западноевропейская цивилизация почти без боя сдает все величайшие завоевания своей цивилизации, подобно тому, как русские позорнейшим образом без единого выстрела сдали все высшие завоевания своей истории[31].

Его итоговая книга «Фактор понимания» заканчивается разделом, посвященным будущему[32]. И о будущем была последняя его мысль, согласно которой безнадежный социальный пессимизм может разрешиться только новым Ренессансом: «Надо начинать с нуля. Начинать с нулевого уровня — с создания нового человека. Человека цивилизованного, человека идеалистического, человека утопического, человека наивного, человека непрактичного, неэгоистичного, нерасчетливого»[33] — такого, который скроен по меркам социального индивидуализма Александра Александровича Зиновьева.

---

[31] *Фокин П. Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. С. 717.

[32] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 452–521.

[33] *Фокин П. Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. С. 721.

«ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ РЕЧЕЙ ЗИНОВЬЕВА БЫЛА ЕСТЕСТВЕННЫМ СЛЕДСТВИЕМ ИХ ИСТИННОСТИ»

Интервью*

Абдусалам Гусейнов
Александр Павлов

Абдусалам Абдулкеримович, однажды Вы сравнили свое знакомство с Александром Зиновьевым с настоящим философским событием — таким, которые происходят в жизни лишь несколько раз, а иногда не происходят вообще. Вы говорили о том, что подобно мальчику, однажды увидевшему тигра в зоопарке и всю жизнь вспоминающему увиденное, Вы постоянно возвращались и возвращаетесь к Зиновьеву. Не могли бы Вы рассказать, как состоялось ваше знакомство?

Зиновьев принадлежал к тем людям, чье имя бежит впереди них. Я слышал о нем со студенческих лет (поступил на философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1956 г.). Многие марксистские формулы мы усваивали одновременно с их шутейной зиновьевской версией: «материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях… Богом»; «марксизм не есть догма, а руководство… к ней»; «философы

* Впервые опубликовано: Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 1–22.

раньше только объясняли мир, а теперь… не делают и этого». О его сенсационном появлении на факультете в должности заведующего кафедрой логики, научный авторитет которого должен был снять затянувшиеся споры и конфликты среди университетских логиков, как и о его последующем скандальном уходе с этой должности, так как он отказался увольнять своего сотрудника по идеологическим мотивам, обо всем этом я только слышал как о важных событиях общеуниверситетской научной жизни. Сам я в это время работал на кафедре философии гуманитарных факультетов, которая административно и территориально находилась вне философского факультета. Лично самого Зиновьева не видел. Его слегка хриплый голос впервые услышал из зарубежных радиоголосов, когда он выразил публичный протест в связи с тем, что ему отказали в поездке на советско-финский симпозиум по логике. Его самого воочию, хотя и на телеэкране, впервые увидел в Дюссельдорфе в информационном сюжете о происходившем там Всемирном философском конгрессе: он был показан произносящим на немецком языке утверждение «советские люди ненавидят коммунизм». Меня, признаться честно, фраза эта смутила: ни себя, ни окружающих меня людей я не мог отнести к тем, кто ненавидит коммунизм. К коммунизму мы как раз никаких претензий не имели, наоборот, мечтали о нем.

Лично впервые увидел Александра Александровича в начале 1992 г., посетив его в квартире (доме) под Мюнхеном. Случилось это вот как.

В начале 1990-х гг. я сотрудничал с ежемесячным общественно-политическим журналом, бывшим «Советским Союзом», продолжавшим издаваться под названиями «Воскресение» и «Новая Россия», мимикрируя к изменениям, связанным с контрреволюционными разрушениями СССР и его подменой Россией. Возглавлял этот журнал известный драматург Александр Мишарин, убежденный русский националист, который настолько же был вдохновлен новым самоопределением России, насколько и удручен разрушением

СССР. Такие же противоречивые настроения царили во всей редакции. Меня попросили взять интервью у Зиновьева. Я обратился к своему товарищу Карлу Моисеевичу Кантору (замечу, кстати, выдающемуся философу, еще не прочитанному в глубине и цельности его творчества), самому близкому и преданному другу Зиновьева, чтобы тот рекомендовал меня ему.

Появился я у Зиновьева вместе с немецким коллегой, профессором политической философии Карлом Графом Баллестремом, и моей дочкой Лейлой, студенткой исторического факультета, стажировавшейся в это время в Германии. Александр Александрович был дома один с маленькой двухлетней дочкой. Представляться нам долго не пришлось. Оказалось, что меня (кто, чем занимаюсь, где работаю, даже семейный статус) он знал, о профессоре Баллестреме тоже слышал. Что касается интервью, этот вопрос он решил очень просто, сказав, чтобы я прислал вопросы, и он ответит письменно. И мы приступили к свободному дружескому разговору. Он длился около двух часов за чашкой чая. И, что удивительно, маленькая Ксения ничем нам не мешала, занимаясь чем-то своим. Сейчас, вспоминая об этой первой встрече, которая положила начало нашему общению, а после возвращения Александра Александровича в Москву переросла в близость и настоящую дружбу, и если иметь в виду не саму встречу (как вошли, о чем говорили, как сидели и т. п.), не ее картину во всем объеме и деталях, чего уже, конечно, не помню, а ее более глубокое и скрытое воздействие на все последующие наши отношения, могу сказать, что она все предопределила. Александр Александрович меня, если можно так выразиться, принял, доверился. Я же ощутил, что попал в какое-то новое интеллектуальное и человеческое пространство.

Судя по произведениям Зиновьева, рассказам о нем, он казался мне человеком быстрым и острым на язык, даже язвительным. Среди таких собеседников, сам не обладая быстротой реакции и не умея достойно поддержать игру

слов, я обычно чувствовал себя неуютно и, признаться честно, боялся предстоящей встречи. А он оказался человеком удивительно мягким и вежливым. В разговоре он целиком погружался в предмет, о котором шла речь, совершенно не думая о том, как он выглядит, и совершенно не стремясь к тому, чтобы поставить себя в центр или привлечь к себе внимание. У него не было желания блеснуть словом, обнаружить свое остроумие. Первое впечатление в последующем опыте общения с Александром Александровичем только подтвердилось. В дружеском общении он был, если можно так выразиться, человеком светским, умел находить дистанцию взаимной уважительности и дорожить ею. Не любил панибратства (амикошонства, как он говорил), похлопывания по плечу, обращения «Саня». Мы с ним всегда оставались на «вы».

После этой встречи не могу сказать о себе, будто стал другим человеком, но совершенно определенно понял, что попал в новое, исключительно богатое интеллектуальное и человеческое царство и был принят в нем.

◂ *В отличие от многих, кто знал Зиновьева лично, Вы особенно не распространялись о ваших личных отношениях. Как Вы считаете, может быть, теперь, в год столетнего юбилея Зиновьева, пришло время все же рассказать об этом?*

На самом деле совсем не просто рассказать о том, как возникают и в чем состоят личные отношения такого типа, которые сложились у нас с Александром Александровичем. Про себя могу сказать, что не являюсь нелюдимым. Скорее, наоборот. Тем не менее людей, которые были моими личными друзьями, про которых я знал и чувствовал, что они любят меня, я им приятен, и которые сами были мне почти по-родственному близки, и близки не в силу чего-то определенного (совместных занятий, увлечений, посиделок и т. п.), а просто самим фактом своего существования, и которым я мог бы полностью довериться, таких людей у меня во всей жизни было всего четыре человека. Один из моей школьной

(интернатской) жизни, другой — из студенческой, третий — из аспирантской. Четвертым был Александр Александрович. Никого из них уже нет. Объяснить такие отношения невозможно, по крайней мере, я не могу. Они складываются, случаются, опознаются по факту, а как и почему — не знаю.

Мне кажется, во мне Александру Александровичу нравилось мое безусловное доверие к нему как к человеку и мыслителю. Я никогда не задумывался, прав он или нет в том или ином вопросе. В том, что он прав, у меня сомнений не было, дело заключалось только в том, чтобы понять его правоту. К примеру, Валентин Иванович Толстых, который входил в узкий крут нашего общения, любил говорить, что он открыто говорит Зиновьеву и спорит, если в чем-то с ним не согласен. Про себя не могу сказать то же самое, мое отношение к Зиновьеву изначально исключало такую возможность. Я не допускал, просто мне не приходило в голову судить, оценивать его, о чем бы ни шла речь. Сегодня, по прошествии 16 с лишним лет после его ухода из жизни, сохраняю такое же отношение к нему.

Что касается моего (принципиально некритического) отношения к Александру Александровичу, решающим, как мне кажется, было то, что я понимал и принимал само его отношение к жизни и людям.

◂ *Когда Вы отмечаете важность Зиновьева для Вашего философского становления, идет ли речь о личном влиянии старшего товарища, друга, возможно, учителя или прежде всего Вы имеете в виду литературные и философские работы Зиновьева?*

Помимо обогащающего влияния Зиновьева, которое заключено в его творчестве и доступно всем, мой случай отличается только тем, что я признаю первостепенную ценность этого творчества для себя как одного из особей гомо советикус. Личные отношения с Зиновьевым помогали мне понимать его взгляды на человека и общество, ибо то, о чем мы говорили с ним в личном общении, мало отличалось от того,

о чем он писал в своих трудах. Если говорить о его специфическом (направленном) воздействии на меня, могу отметить следующее: он убеждал меня, что я недооцениваю себя. Впрочем, насколько могу судить, таким было его отношение ко всем, кого он любил.

◂ *Зиновьев был в центре московской академической жизни 1950–1970-х гг., в 1980-е его романы читали в сам- и тамиздате. Если вспоминать Ваш опыт, что Вы могли бы сказать о значении Зиновьева для интеллектуалов того времени?*

Бывают в культуре такие гениальные фигуры, о которых, даже при признании их безусловных достижений, каждый норовит сказать какую-нибудь гадость. В русской культуре, например, таким является Лев Николаевич Толстой. Уж кто только не говорил о его ошибках, гордыне, лицемерии и т. п.! Такой же фигурой для нашего времени является Зиновьев, относительно которого взято на вооружение такое мощное оружие, как умалчивание. К примеру, уже вошло в повседневный быт слово «человейник», но никто не говорит, что это — одна из многочисленных находок Зиновьева. Влияние Зиновьева на интеллектуальную жизнь и общественное сознание в нашей стране во второй половине XX и начале нынешнего века является огромным, но линии такого влияния отнюдь не прямые, скрытые, а во многом специальные, умалчиваемые, их еще предстоит исследовать.

◂ *Многие лично знавшие Зиновьева говорят, что это был человек, обладавший ярким чувством юмора, легко собиравший вокруг себя людей. Вместе с тем мы встречаемся с утверждениями, что Зиновьев был парадоксалистом и полемистом. Что из этого ближе к истине? Или, если справедливы оба мнения, как одно уживалось с другим в его характере?*

Да, правда. К Зиновьеву люди тянулись, и он завораживал их неожиданностью (парадоксальностью) суждений. Одно было

связано с другим. Но утверждать, что он «сознательно провоцировал конфликты»? Нет, это не про него.

Люди легко собирались вокруг Зиновьева, потому что он сам любил общаться, разговаривать. Можно сказать, общение было его стихией. У меня был коллега, которому в течение дня, как он сам признавался, требовалось несколько часов побыть одному; в нем было мизантропическое начало, требовавшее своего выхода. Зиновьеву мизантропия как особая черта была чужда, хотя все его учение о человеке несет на себе налет мизантропичности (чего стоит одно его определение человека как на все способной твари). Зиновьев и одиночество, одиночество Зиновьева — это отдельная самостоятельная тема, которая касается обстоятельств его жизни, его судьбы, но не характера. По характеру, по своей натуре он был человек общительный. Можно сказать, он был человек коммунальный, самый настоящий гомо советикус. Он хорошо знал, чувствовал коммунальность и именно поэтому хотел и смог обнажить его отвратительную сущность, смог найти пути выхода из этого социоприродного бытия русской жизни.

Ему не надо было напрягаться, чтобы общаться, быть в коммунальной среде; в своих словах, суждениях, сопровождающих их телесных реакциях он обнаруживал себя с такой же вовлеченностью и непосредственностью, с какой он обнаруживал себя в своем физическом существовании. То, что он думает и говорит, было для него так же органично, как, например, свободное движение рук и любые другие телесные реакции. Это — одна, если хотите, выразительная, эстетическая сторона общения. Есть еще и другая, а именно интеллектуальная сторона, она касается того, как и о чем говорится в общении, касается речей и высказываний, которые составляют сердцевину (смысл) самого общения.

Зиновьев не просто говорил то, что думал, это подразумевается само собой. Он говорил всё так, как оно есть на самом деле и удостоверяется в рамках научного подхода к предмету. Знания заимствуются из внешнего мира, а ответственным

за выработку знаний, их правильность и порядок является человеческий ум. Не все знания, которые попадают в голову индивида, проходят через его ум, но только те, которые прошли через него, становятся действительным достоянием личности и воплощаются в его существовании, реальных поступках (в этом смысле практика действительно есть критерий истины). У Зиновьева, похоже, все знания проходили через его собственный ум и были взвешены на весах его жизни, и когда он говорил, он говорил только то, что он действительно знал и чем жил. Зиновьев говорил всегда точно и ясно (строить свою речь, устную и письменную, таким образом, чтобы из нее можно было услышать и вычитать только то, что в нее заложено, было одним из его принципов). Он не мог отступать от истины даже для того, например, чтобы сгладить какую-нибудь неловкую житейскую ситуацию. Промолчать он мог. Но сказать о чем-то не так, как это было на самом деле, он для себя не допускал. Парадоксальность его речей была естественным следствием их истинности. Парадоксальной, парадоксально противоречивой является сама жизнь людей, их социальное поведение. Зиновьев только фиксировал это. Он выработал в себе особую способность видеть сквозь завесу обманных слов и движений, образующих сложный клубок общественной жизни индивидов. Однажды, когда я назвал его взгляд на мир и людей сатирическим, он возразил мне, сказав, что он изображает людей и вещи такими, какими они являются. И если какие-то собеседники Зиновьева (например, прототипы романа «Желтый дом») обижались, считали себя оклеветанными и т. п., то в этом не больше правды, чем, например, в тех критиках, которые отвергали искусство авангарда из-за того, что оно будто уродует человека.

◂ *В своих материалах о Зиновьеве Вы часто обращаетесь к его афоризму «Я — суверенное государство»*[1]*. По всей видимости,*

[1] См.: *Гусейнов А. А.* Учение о житии Александра Зиновьева // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3.

это не только та идея Зиновьева, которую Вы считаете особо ценной, но и мысль, которая повлияла на Вас лично. Не могли бы Вы прокомментировать это утверждение? Что оно значило в советские годы? И что значит сегодня?

В полном виде это утверждение звучит так: «Я есть суверенное государство из одного человека». Это — ключ к Зиновьеву, к его личности и мировоззрению. Ключ и в смысле подхода к пониманию, и в смысле итоговой формулы, обобщающей такое понимание. Замечу: формула эта родилась у него в одном из устных выступлений[2] (не в результате сосредоточенных одиноких размышлений за письменным столом, а в непосредственном разговоре) и тогда, когда он находился в изгнании, вдали от своего реального эмпирического государства. Здесь слышится скрытая апелляция к отношению: гражданин — государство. Гражданин есть индивид, поднявшийся до уровня, на котором он идентифицирует себя с государством. Адекватное отношение индивида к государству, отвечающее понятию гражданина и делающее его гражданином, заключается в том, что он воплощает в себе ценностную основу государства с такой полнотой, в результате чего само бытие индивида становится условием и гарантией последнего. В своей формуле Зиновьев отношение гражданина к государству обобщает до отношения человека к миру. В «Желтом доме» есть суждение, которое помогает нам понять его программную формулу, которую можно считать зиновьевской версией золотого правила: «Помни: мир является нам таким, каким он исходит из нас самих»[3].

Формулу Зиновьева «Я есть суверенное государство» в контексте его биографии и этических воззрений я уже рассматривал в ряде статей. Сейчас в связи с вашим акцентированным

[2] *Зиновьев А. А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999. С. 367.

[3] *Зиновьев А. А.* Желтый дом: в 2 т. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1980. Т. 2. С. 359.

интересом хотел бы сказать два слова о ее философском и научно-социологическом аспектах.

Философский аспект. Среди многочисленных определений человека исходными и базовыми считаются следующие два: человек есть живое существо, обладающее разумом; и он есть общественное живое существо (животное). Философы сломали много копий, размышляя над тем, что значит для человека быть существом разумным и что значит быть существом общественным (социальным). Они сделали много выдающихся открытий на этом пути. Однако слабым звеном их учений остается вопрос о том, как эти аспекты (формы) человеческого существования связаны между собой, соединены в целое. Индивид как разумное существо и общество как форма их совместной жизни традиционно рассматриваются в качестве самостоятельных объектов — объектов, которые хотя и связаны между собой, взаимодействуют, дополняют друг друга и т. д., но тем не менее существуют каждый сам по себе, в соответствии со своей собственной природой. Человек разумен в качестве природного индивида, для него быть разумным так же естественно, как для птицы летать, а для рыбы плавать в воде; не будь он разумным, он не мог бы просто существовать из-за строения своего организма. Человек социален (является общественным существом), так как он ведет коллективный образ жизни, живет в составе объединений таких же индивидов, как он сам; оставаясь в качестве отдельной особи и заключая свою природу в себе, он, не умея ни защитить себя, ни добыть пропитания, был бы также нежизнеспособен. Человек как живое природное существо не может ориентировать себя в мире без того, чтобы не придать своей жизненной активности целесообразный характер, не подчинить ее регулирующему и направляющему началу своего разума. Он является разумным не потому, что является живым, а наоборот: он является живым потому, что является разумным. Разум (ум) индивида, и не разум вообще, а именно разум данного индивида, вот этой конкретной человеческой особи, составляет стержень его существования.

Человек как общественное (коллективное, социальное) существо не может существовать без того, чтобы не подчинить свою жизнь той функции, которая определяется его (данного индивида) местом в социуме, предписывается ему законами (целесообразностью) социума. Поскольку речь идет об объединении людей (разумных индивидов), а не соединении (стаде, стае, рое и т. п.) бессловесных живых существ, постольку законы социума приобретают форму разумных суждений (теорий, законов, правил и т. п.), позволяющих упорядочить их совместную деятельность. Человек как социальный индивид также подчиняется разуму, но уже не своему индивидуальному разуму, а некоему общему разуму, всегда выступающему в более или менее неопределенной и абстрактной, но всегда в обязывающей идеологической форме. Сейчас речь не о конкретной, причудливой, богатой и изощренной, истории этого общего (общественного) сознания, а о том фундаментальном факте, что человек в качестве социального субъекта оказывается перед лицом другого разума, чем индивидуальный разум, который руководит его поведением в качестве природного индивида. Как осмыслить эту раздвоенность, как привести к общему знаменателю эти два человеческих разума, индивидуальный и общественный, — вот проблема, над которой билась европейская философия, начиная, по крайней мере, с софистов, когда она установила, что законы природы неотвратимы и общезначимы, а человеческие установления произвольны и многообразны. Она приобрела особую остроту и стала насущной в Новое и Новейшее время.

Идея общественного договора, согласно которой люди, будучи разумными, в силу ли разумности или под давлением жесткой необходимости, решили объединиться (договориться) на определенных условиях и для определенных целей; гегелевская идея всемирного разума и ее марксистская версия объективных форм мышления, выражающих общественную сущность человека; многообразные постклассические антропологии от иррационального сдвига в понимании

человека и диалогических концепций сознания до современной аналитической философии, ограничивающей адекватность рациональных суждений анализом форм их материального выражения, — все это можно рассматривать как различные способы найти ее решение.

Зиновьевскую формулу можно рассматривать в этом ряду. Она означает, что Зиновьев как данный конкретный живой индивид, наделенный разумом, тождествен самому себе как социальному субъекту. Здесь задается такая программа (направление) жизнедеятельности, в рамках которой индивидуальное существование приобретает адекватный разумный характер в той мере, в какой оно совпадает с его общественным бытием. Персональный разум оказывается одновременно общественным разумом. Здесь — не два разума, природный, имманентный живому индивиду, и коллективный, присущий социуму в целом, а один разум, истинный в обеих ипостасях.

Истинный разум в понимании Зиновьева — научный разум. Научность суждений человеческого разума гарантируется строгостью их логической формы и объективностью их предметного содержания. За философией Зиновьева стоят его логика и социология: в логике он доказывает, что не существует таких проблем, которые человеческий разум не мог бы решить из-за отсутствия логических средств их выражения, а в социологии доказывает, что социальное поведение индивидов подчиняется законам столь же объективным и доступным познанию, как и физические законы. Знание человеком научной истины о своем бытии делает его соразмерным этому бытию и способным взять за него ответственность. Так как бытие живого разумного индивида является общественным бытием, то научная истина дает ему возможность смотреть на свою жизнь в обществе открытыми глазами и противостоять тем законам и силам, которые препятствуют ему оставаться разумным. Подобно тому, говорит Зиновьев, как знание закона тяготения позволяет человеку обойти его, поднявшись в воздух на крыльях самолета, так знание законов

социальности позволяет человеку обойти последние в своей индивидуальной жизнедеятельности[4]. Здесь необходимо сделать одну важную оговорку. Общественные законы реализуются в форме сознательных действий людей и обнаруживают себя как некая усредненная равнодействующая этих действий. Философская традиция в познании общества ограничивалась спекулятивным уровнем общих законов. Зиновьев подходил к обществу как ученый-социолог, доходя до законов социальности в их непосредственной эмпирической выраженности (отсюда — социологический роман как уникальный зиновьевский метод социального познания). Поскольку и в какой мере законы социальности выступают как сознательные действия индивидов, постольку и в такой мере существует возможность того, что отдельные индивиды, максимально развившие свою способность понимания, могут подниматься над законами социальности (обходить, противостоять, ограничивать их и т. п.) и выстраивать собственный социум. Это и значит, что я есть суверенное государство.

Социологический аспект. «Желтый дом» завершается фрагментом «Назидание», в котором Зиновьев подводит итог (своего рода моральный урок жизни) основного героя МНС, который следовал принципу «Я есть суверенное государство». Он не типичен, вообще такого рода люди появляются случайно и не имеют общего объяснения. Но он характерен. В таком индивиде собрано то, что частично и случайно представлено во многих других людях. Их характерная роль состоит в том, что они

> …воплощают в себе некое романтически-страдательное самосознание общества, тоску по неосуществимым идеалам, тоску по невозможности некоего просветленного, возвышенного начала в обществе и многое другое в том же духе, чему нет еще подходящего научного наименования и определения. И, появляясь, они самим своим

[4] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. С. 193.

> существованием проявляют общество с этой точки зрения — обнажают некое общественное подсознание, образующее скрытую основу всей прочей духовно-интеллектуальной сферы общества[5].

Таких людей нельзя отождествлять с рыцарями истины, бескомпромиссными социальными критиками, шутами и циниками, последних достаточно и без них. То, что составляет смысл существования таких редких индивидов, в слабой и разбросанной форме представлено во всех социальных индивидах, но в таком концентрированном и обобщенном виде неприемлемо для них.

Общество производит их как свой продукт, но такой продукт, который является чужеродным для него и подлежит выбросу в качестве экскремента. Это — отходы духовной жизнедеятельности общества[6].

Эти люди являются индивидуалистами, если быть совершенно точным, то социальными индивидуалистами.

Чтобы понять индивидуализм, надо рассмотреть его в паре с его противоположностью — коллективизмом. Эти феномены имеют некое основание в биологии человека, являются варьирующимися общечеловеческими психологическими качествами, но социологически значимыми категориями они становятся в определенных условиях.

Условия эти — скопления больших масс людей, в которых жизнь и судьба людей существенным образом зависят от самого факта, что люди вынуждены жить в данном их скоплении[7].

Индивидуалист предпочитает действовать в одиночку. Действуя в коллективе, он и там предпочитает оставаться в более независимой позиции. И в карьере для него более важно оставаться независимым. Он избегает сборищ, толпы.

---

[5] *Зиновьев А. А.* Желтый дом. Т. 2. С. 375.

[6] Там же. С. 376.

[7] Там же. С. 377.

Даже возвышение над окружающими является для него средством отделиться от коллектива. Он рассчитывает на себя, личные качества. Индивидуалиста нельзя смешивать с эгоистом, нелюдимом или мизантропом, он может любить людей. Он может трудиться ради коллектива, даже жертвовать ради коллектива своими интересами.

Коллективист же предпочитает действовать в группе, и даже когда действует в одиночку, представляет это как частичку общего. Он стремится примкнуть к группам, партиям, толпе. Он не обязательно является карьеристом, он стремится к карьере, лидерству, но в толпе, коллективе и через коллектив. Он пробивается за счет своей роли в коллективе. Его нельзя считать альтруистом, он может быть и эгоцентристом, замкнутым, даже ненавидеть людей, может предавать коллектив ради мелких выгод.

Социально значимая разница между ними заключается в том, что индивидуалист самодостаточен, сознает и ощущает себя как целостную и суверенную личность. Он автономен, воспринимает себя как суверенную державу. Он и других индивидов воспринимает так же. Он не признает принципа «Интересы коллектива выше интересов личности». Для него коллектив тоже не больше личности.

Коллективист же ощущает себя личностью лишь в качестве частички более сложного целого — коллектива. Никакой личностной оболочки он не имеет. Потому он склонен вторгаться в души других людей и допускает других в собственную[8].

Он исходит из того, что интересы коллектива выше интересов личности.

Словом, индивидуализм и коллективизм в социологии Зиновьева отличаются между собой «не по отношению к коллективному началу в обществе, а исключительно к личностному»[9].

[8] *Зиновьев А. А.* Желтый дом. С. 378.

[9] Там же. С. 379.

Коллективизм как способ поведения, как форма психологии и как форма идеологии делает индивида более приспособленным к сложным условиям современного общества, чем индивидуализм[10].

Более приспособленным, но не более достойным. Если же человек хочет быть собой, быть личностью, хочет шагать собственным путем, а не общим строем, он должен строить свою суверенную державу. И для этого мало не идти в ногу, надо идти против.

◂ *Вряд ли кто-то поспорит с тем, что написанное Зиновьевым о Советском Союзе, России и русских людях — это тяжелое чтение. Нужно ли оно современной России? И если предположить, что Россия всё же «прочитает» (в чем Вы сами когда-то сомневались) Зиновьева, какое место он мог бы занять в национальной культуре?*

Трудный вопрос. Место, которое Зиновьев может занять в русской национальной культуре, зависит от того, чем станет сама эта культура. Поднимется ли она на уровень своих собственных эволюционных высот и претензий или нет. Если Россия действительно прочитает Зиновьева, то она поймет, что ей не надо стремиться быть такой, как Швеция или Португалия, занять такое же место в мире, какое занимают США и Западная Европа (потому что это место уже занято), и не надо поворачиваться в сторону Китая или кого-то еще, ей надо оставаться Россией и осознать саму себя, каковой она была в пору своего наивысшего расцвета в советскую эпоху. Ей надо понять, что русский человек был наиболее русским именно тогда, когда он был гомо советикус. Что касается условной «русской партии», считавшей, что в советские годы именно русские более других потеряли в своей национальной идентичности и развитии, поскольку они должны были помогать окраинам, другим народам и т. п., Зиновьев ни в коей мере не принадлежал к ней.

[10] *Зиновьев А. А.* Желтый дом. С. 379.

◂ *Несмотря на критику многих сторон российской жизни и истории, Зиновьев оставался патриотом. Что значил для него патриотизм? Что значит его опыт философского патриотизма для нас?*

У Зиновьева в его литературных произведениях и публицистике много сказано о патриотизме. Их обобщение могло бы стать интересным исследованием. Я же могу лишь поделиться некоторыми наблюдениями.

Он был русским человеком всем своим существом и существованием, не в силу выбора, сознательных установок, эмоционального строя и т. п., а в силу самого факта принадлежности к русскому народу. Он знал, понимал и принимал, что быть русским — это его судьба. Если существует Бог, то тот его создал таким. Он не был привычным русофилом, ни в позитивном аспекте, считая русских носителями каких-то особых качеств, ни в негативном смысле пренебрежительного отношения к другим народам. Он был предельно трезв в оценке того, что можно обозначить как народный (национальный) русский характер, особенно беспощаден в оценке его негативных качеств. Так, один из недостатков своего народа он видел в том, что он не ценит свои таланты. И не то, что не ценит, а безжалостно гробит их. Про свое изгнание из страны он говорил, что главную роль в этом сыграли его коллеги. Однажды я его спросил, в чем он видит особенность русской души, он ответил, как отрезал: в ее захламленности. Русские люди, считал он, биологически одарены, в отдельности они очень талантливы, а в совместных действиях, требующих дисциплины и организованности, бестолковы. Они ничего не доводят до конца, иногда это хорошо, как, например, в случае борьбы с коммунизмом: скинули в Москве один-два памятника, поменяли некоторые улицы, а по всей стране всё осталось как было. Зиновьев был начисто лишен этнонациональных предрассудков.

Если говорить в рамках схемы *западник — славянофил*, которая сама по себе была ему чужда, то можно его назвать

западником. Он высоко ценил интеллектуальные достижения Запада[11], хотя и понимал свойственный Западу снобизм, его империалистические установки по отношению к другим народам, в том числе к их культурным и интеллектуальным достижениям. Зиновьеву нравилось мое кавказское (лезгинское) происхождение, он даже считал это моим преимуществом, в силу которого я смог среди прочего проникнуться его идеями.

Можно выразиться так: он был русским патриотом, потому что он был русским человеком. А каким еще он мог бы быть патриотом — польским, немецким, турецким?! Он считал себя идеальным коммунистом, но и сам коммунизм, не просто идеальный, а вполне даже реальный и во многом уродливый, страшный, он считал наиболее подходящей социальной формой именно для русского народа. Позволю себе такое сравнение. Ленин тоже был русским патриотом, но для него коммунистическая идея стояла выше национальной идеи, и, получив власть, он сразу создал III Интернационал. И Сталин был русским патриотом, но для него национальная идея шла впереди коммунистической, и когда над нацией нависла угроза, он распустил III Интернационал. Зиновьев был русским патриотом в духе Сталина, хотя, разумеется, он совсем не был его поклонником.

◂ *Прожив на Западе больше двадцати лет, Зиновьев сформировал критическое отношение к западной культуре, рассматривая ее как сложную составляющую идеологии западнизма. Оказали ли на него влияние какие-то образы и продукты западной популярной культуры? Пришлись ли ему по вкусу кока-кола и голливудские фильмы?*

По моим наблюдениям, у него не было склонности к расхожим западным вкусам ни в моде, ни в еде, ни тем более

[11] *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 318–319.

в идеях. Он любил традиционные напитки, пищу: водку, вино, пельмени, картошку, соленья и т. п. Бывают люди, которые любят определенные напитки (ирландский виски, вино такого-то сорта и т. п.), блюда (какие-нибудь лобстеры и т. п.). У него ничего этого не было. И тому, что он предпочитал, он не придавал особого значения.

◂ *Философское творчество Зиновьева, если вынести за скобки логические исследования, существовало в поле советского и постсоветского жизненного мира, истории страны второй половины XX в. На Ваш взгляд специалиста по этике, удалось ли Зиновьеву возвыситься над конкретно-историческим? Можно ли считать этические размышления Зиновьева вкладом в развитие этической философии, который может быть применим сегодня, рассмотрен как часть практической философии?*

На мой взгляд, большие философы никогда не поднимаются над конкретно-историческим. И чем больше по итогам своих размышлений и сформулированных учений они, по видимости, поднимаются над конкретно-историческим, тем точнее и глубже они его охватывают. К их этическим учениям это относится в первую очередь. Этика Зиновьева в высшей степени актуальна тем, в частности, что она берет за исходный пункт поступок, а не норму, и движется от индивидуального к общему, а не наоборот, как это делает вся школьная этика до настоящего времени.

◂ *Вы характеризовали Зиновьева как «человека, который умеет писать книги, но не умеет устраиваться в жизни»*[12]*. Его семья долгое время жила в сложных условиях вынужденной эмиграции. Когда Зиновьев вернулся в Россию, ему было 76 лет. Возраст, когда «устраиваться в жизни», как сказали бы многие,*

[12] *Гусейнов А. А.* Александр Зиновьев. Энциклопедическая справка // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2009.

тяжело. В художественных произведениях Зиновьева мы находим эстетизацию если не бедности, то очень скромного образа жизни. Герой «Желтого дома», МНС, рассуждает так: «Это огромная удача — иметь отдельную квартиру, не иметь семьи и семейных хлопот, иметь минимум зарплаты и не иметь никакого тщеславия и стремлений возвыситься», а непредвиденное обновление железной кровати до тахты — для него большое событие. Можно ли сказать, что сам Зиновьев практиковал аскезу? Накладывала ли его философия отпечаток на быт?

Он аскезу не практиковал, но себя постоянно держал в форме. Тренировал тело, подчиняя его своей воле. Чтобы оно не мешало ему думать. В частности, работал с гантелями, он мне подарил свои гантели по два килограмма, чтобы купить себе потяжелее. Он говорил, что ему лучше думается в горячей ванне (Ольга Мироновна в каких-то воспоминаниях тоже пишет об этом). Однажды видел, как он в книжном киоске накупал все периодические издания с кроссвордами и другими интеллектуальными загадками, — он постоянно тренировал свою память и подвижность ума.

◂ *Владимир Миронов определял философию Зиновьева как «философию поступка». На Ваш взгляд, в какой мере философские взгляды Зиновьева определяли его жизнь?*

Именно так. В прямом и буквальном смысле так. Сами свои философские взгляды он вырабатывал именно для того, чтобы правильно жить.

◂ *По всей видимости, авторство идеи сравнения творчества Зиновьева и Венедикта Ерофеева принадлежит Вам*[13]*. Ерофеев и Зиновьев были знакомы лично, но опубликованных*

[13] *Гусейнов А. А.* Об Александре Зиновьеве и его социологии // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 258.

свидетельств об их отношениях, насколько известно, фактически нет. Есть ли что-то, что Вы могли бы вспомнить? Читали ли друг друга Зиновьев и Ерофеев? Почему Вы считаете, что творчество этих двух фигур сопоставимо?

На самом деле с моей стороны это была всего лишь реплика. Просто, говоря о своеобразии зиновьевского социологического романа как жанра, я заметил, что в нем нет положительного героя: ни сам автор не выделяет кого-то из героев в этом качестве, ни сами герои не поддаются обобщению по критерию того, являются ли они положительными или отрицательными. Здесь, на мой взгляд, мы имеем новое слово русской литературы в понимании человека. В этом аспекте я сравнил Зиновьева с Венедиктом Ерофеевым. Имя Ерофеева в наших разговорах не возникало. Честно признаться, он вообще не любил говорить о других писателях, философах, разбирать их, оценивать. Даже к своим любимым поэтам — Лермонтову, Маяковскому — не любил обращаться.

◂ *В своих философских работах Зиновьев мало обращается к истории философии. В его работах фактически отсутствуют ссылки на источники. Упоминание им таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Кант, Гегель и Маркс, как правило, не означает, что Зиновьев предметно использует их идеи. Почему он избирает такую стратегию работы с мыслью? Возможно, образ философского одиночки обманчив и какие-то мыслители были для него действительно важны?*

Философию и философов прошлого он знал хорошо. Он окончил философский факультет с отличием. Его ни в коей мере нельзя считать ни самоучкой на манер Толстого или Горького, ни любителем на манер Николая Федорова или Даниила Андреева. Он был крепким профессионалом академической выучки. Но его отношение к философам прошлого не было отношением ученика или продолжателя их дела. Он не выбирал между ними. Он мыслил себя наряду

с ними, решая для себя, своей страны и эпохи те же (аналогичные) задачи, как и великие философы прошлого. Вы говорите, что у него нет ссылок на источники. А что, разве у Канта, Спинозы, Платона много таких ссылок? Когда человек имеет дело с очевидностями и фактами, какие ему нужны ссылки?! Ведь задача философа не в том, чтобы найти факты, открыть то, что неизвестно другим, а в том, чтобы понять самые банальные вещи. Например, люди рождаются и умирают. Это суть факты, совершенно несомненные и в то же время непонятные, загадочные, как и любые факты. Люди плюс к тому еще знают о том, что они родились и умрут. И это, то, что они знают об этих фактах, есть также факт, еще более несомненный и загадочный, чем сами факты их рождения и смерти. Философы имеют дело с такого рода фактами: они не требуют ссылок, но являются вопросами, ответ на которые является таким же фактом реальной человеческой жизнедеятельности, как и сами эти факты.

Я бы мог сказать так: Зиновьев обращался к интеллектуальным достижениям прошлого как к богатству и сложности мира, в котором он живет и которому принадлежит по праву. Конечно, то, что думал, говорил и писал Зиновьев, его учения можно рассматривать в контексте различных традиций прошлого. Мне кажется, его это не интересовало. Однажды я его спросил, в какую бы традицию прошлого он мог бы вписать свою социологию, кто из мыслителей прошлого ему ближе? Он назвал Макиавелли и Гоббса. Но полагаю, даже уверен, у него не было каких-то конспектов их трудов, выписок из них. Думаю, он работал по-другому.

◂ *Зиновьев важен для истории российской философии. В Институте философии РАН наряду с Ильенковым и Мамардашвили он полулегендарная фигура. «Желтый дом» останется литературным памятником Институту. Тем не менее описания функционирования академической философии в «Желтом доме» могут быть восприняты как язвительная и беспощадная критика. При этом сам Зиновьев высоко ценил возможности заниматься*

исследованиями в Институте философии на должности старшего научного сотрудника. Как одно уживается с другим? Понятно, что можно критиковать худшие практики чего-либо и честно делать свое дело внутри этого «чего-либо», но вдруг на этот вопрос есть другой ответ?

Мысль может быть развернута в линию, которая подчиняется определенной логике. Практический замысел можно воплотить в строгую наглядную схему. Живая жизнь индивидов не укладывается ни в линию, ни в схему, она всегда сложна, запутанна, противоречива. В лучшем случае можно говорить о стройности (определенности, логичности) общего направления жизни, но не о конкретных целях, ситуациях, поступках. В «Желтом доме», да и других романах, часто главный герой уходит от одиночества за рюмкой водки, беседуя с соседом, который отравляет ему жизнь, или со стукачом, или с проституткой и т. п. А с кем еще ему проводить время, если его окружают такие люди?

То, что говорится о людях, относится и к коллективам. Идеологический институт в «Желтом доме», как и Институт философии в Москве — не исключение, их реальная жизнь объективно (правдиво) может быть описана только в форме сатиры. Ведь человек, как мы говорили, — это коллективное (общественное) существо, он живет в той или иной конкретной собственной среде. А институт идеологии имеет то преимущество, что здесь карьеры, подсиживания, сплетни, разоблачения и т. п., то есть все то, чем живы все социальные ячейки и что составляет живую ткань коммунальности, разворачивается вокруг научной жизни и главный герой МНС, оставаясь на самых низших позициях, тем не менее получал признание благодаря своим интеллектуальным способностям. Отвечая в логике зиновьевского взгляда на вещи, можно сказать: Институт философии был таким же подобием коммунальной квартиры, как и любой трудовой коллектив, но для Зиновьева он был лучшим местом работы, так как давал ему возможность проводить свободные исследования

и являлся средой, которая могла оценить его успехи, хотя и делала это не всегда прямо и никогда официально.

◂ *В «Желтом доме» и «Зияющих высотах» мы встречаемся со множеством персонажей. Некоторые из них — альтер эго самого Зиновьева, другие — художественно осмысленные образы реальных людей, в том числе и академических философов. Возможно, в 1970–1980-е гг. эти образы легко считывались читателем, но сегодня делать это все труднее. Если в «Хозяине» легко узнается фигура Сталина, в «Хряке» — Хрущева, в «Мазиле» — Эрнста Неизвестного, то другие образы остаются для большинства читателей загадкой. Если Вы считаете это корректным, не могли бы Вы рассказать, кого еще использовал в качестве прототипов Зиновьев в этих произведениях? Кем были люди, ставшие основой для персонажей «Секретарь», «Мыслитель», «Добронравов», «Учитель», «Распашонка», «Правдец», «Барабанов», «Субботич», «Петин», «Смирнящев», «Сазонов», «Шуптлин» и других?*

Там многие фамилии просто переиначены и легко узнаваемы. Уважая волю автора, не буду сейчас расшифровывать их. Он сам там фигурирует под псевдонимами: болтун, шизофреник, учитель. Ряд известных людей — это предположительно (выражусь осторожно): Правдец — Солженицын, Распашонка — Евтушенко, Петин — Митин.

◂ *В 1990-е гг. публицистика Зиновьева и его критика Запада стали важной составляющей самосознания новой России. Его яркий стиль и харизма привели к тому, что идеи Зиновьева стали использоваться не только для академического понимания России, но и в качестве идеологем. На Ваш взгляд, насколько это было оправдано?*

В обществе интерес к Зиновьеву существует. Описать его количественно и качественно трудно, скорее всего речь идет о патриотически и левоориентированной части общества. Люди чувствуют за ним правду. На щит поднимается его имя.

Но плохо себе представляют, в чем состоит его правда. Дискуссий вокруг его учений почти нет.

Александр Александрович за свою жизнь написал очень много. Подступиться к Зиновьеву для неподготовленного читателя сложно. С какой книги или книг Вы могли бы рекомендовать начать знакомство с его творчеством, а еще — какую книгу Вы сами считаете самой важной?

Мне кажется, за вычетом логических сочинений, которые требуют специальной подготовки, можно начинать с любой работы, будь то литературные или публицистика. Что касается меня, все его работы (помимо логики) для меня — это одно произведение. Особо стоит его «Фактор понимания». Это — для изучения и исследования.

Романы и повести Зиновьева написаны так, что их можно читать с любого места и урывками (по настроению). Более того, они даже в некотором роде не предполагают непрерывного последовательного чтения от корки до корки.

Несомненно, что Зиновьев тяжело переживал судьбу страны. В его поздних работах мы встречаемся с беспросветными прогнозами. Многие из них сбылись или, как это представляется из перспективы сегодняшнего дня, сбываются на наших глазах. Не могли бы Вы поделиться, как этот теоретически обоснованный пессимизм уживался с человеком, который любил жизнь?

Спасибо вам за этот вопрос. Он позволяет добраться до, если можно так выразиться, самого ядра личности Зиновьева. Его, как вы говорите, «теоретически обоснованный пессимизм» был не выражением его отношения к жизни, а результатом познания жизни, выражением научного взгляда на нее. И это знание стало важным элементом его реальной жизни, тем элементом, который определял ее общее направление. Весь Зиновьев с его взглядами и бунтарской натурой вырос из противоречия между коммунистическим идеалом и его

реализацией в советском опыте[14]. Отсюда — его критика реального коммунизма, издевательство над его порождением в форме Ибанска и гомо советикус. И отсюда же — избранное им направление жизни, заключающееся в том, чтобы самому стать идеальным коммунистом и воплотить в своем индивидуальном опыте тот прекрасный коммунистический идеал, который невозможен в социальном опыте народа. Органичное соединение этих двух аспектов, переход от горького ужаса социологической правды к личному бунту против него и составляло полноту, любовь и радость жизни Александра Александровича Зиновьева. В моем представлении он соединял в одном лице Вольтера и Гавроша.

Москва, лето 2022 года

[14] *Зиновьев А. А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. С. 98–99.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ЗИНОВЬЕВА — ВОЗРАСТАЮЩАЯ ВЕЛИЧИНА

(*ответы на анкету*)*

◂ *Когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Александром Александровичем?*

Я познакомился с ним довольно поздно, в начале 1992 г., посетив его в его мюнхенской квартире. Встреча эта состоялась через его ближайшего друга Карла Моисеевича Кантора. Непосредственным поводом было желание журнала «Новая Россия», с которым я тогда сотрудничал, заполучить его в качестве автора, узнать его мнение о происходящих в России и мире социальных изменениях и о текущей политической ситуации. Посетили мы его втроем: со мной была стажировавшаяся тогда в Германии дочь Лейла и мой коллега, немецкий профессор Карл Граф Баллестрем. Александр Александрович был дома один с маленькой дочкой Ксенией. Он нас приветливо принял, сразу откликнулся на просьбу журнала и предложил, чтобы ему прислали вопросы, а он на них письменно ответит (так это в последующем и произошло: интервью с ним было опубликовано в журнале). При этом он совершенно не интересовался, что это за журнал, почему к нему

* Впервые опубликовано: Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного портрета / Сост. О. М. Зиновьева, О. Г. Назаров. М., 2013. С. 52–57.

обратились и т. п. Как я потом имел возможность наблюдать, это была его позиция. Он откликался на все просьбы, независимо от ориентации газет и журналов. Он исходил из того, что отвечает за то, что утверждает сам. А говорить, писать он старался так, чтобы из текста можно было вычитать только то, что там написано. Его речь — и устная, и в особенности письменная — отличалась поразительной лаконичностью и точностью. Если он чего-то и избегал в мышлении и в жизни, так это двусмысленности. Договорившись быстро о деле, мы перешли к общей свободной беседе. Я с удивлением обнаружил, что он знал о моем существовании, где я работаю, семейном положении, даже знал имя сына Ильяса. Это было связано с тем, что моя первая жена Валентина Ефимовна Ермолаева была его студенткой, специализировавшейся по логике. А своих студентов, как, впрочем, и вообще всех, с кем его сводили обстоятельства, он хорошо помнил, помнил и в силу богатства памяти, и в силу проницательности взгляда. Встречи с ним я, честно признаться, побаивался, ибо ожидал увидеть человека острого на язык, быть может, даже желчного, а за собой я знаю склонность теряться в беседе и неспособность найти быстрый ответ. Опасения оказались абсолютно беспочвенными. Нас принимал не только дружелюбный хозяин, но также исключительно светский, уважительный в общении человек. В последующем это впечатление только подтвердилось.

Тогда, конечно, я не мог предположить, что мы станем близки друг другу и мне выпадет удача (возможно, самая большая в жизни) быть рядом с ним почти семь лет — после его возвращения на родину.

◂ *Какие факты биографии и черты характера Вас особенно поразили в А. А. Зиновьеве?*

Я уже упоминал об уважительном стиле его общения. Я бы добавил: ему был свойственен внутренний аристократизм. Он очень не любил панибратства, амикошонства, как он

называл это, похлопывания по плечу, простецкого обращения «Саня» и тому подобного, хотя, впрочем, и никогда не одергивал такую широко распространенную «народную» манеру выражения дружеских чувств. Это я, скорее, говорю о его привычках. Что же касается черт характера и биографии, я бы выделил две связанных между собой особенности.

Во-первых, его внутреннюю свободу в суждениях и действиях, опиравшуюся на его безусловное доверие к истине и жесткий реализм; он считал и не раз высказывался, что его единственная амбиция — быть исследователем, быть бескомпромиссным в том, что касается правды так, как он ее понимает. При этом у него не было ни установки, ни желания спорить с кем-то, что-то доказывать, он просто говорил и делал то, что находил правильным, не считаясь ни с лицами, ни с обстоятельствами, ни с чем бы то ни было еще (я даже обратил внимание, что он вообще не был способен в общении, в житейских ситуациях отступать от фактов: он мог промолчать, но не мог сказать что-то такое, что явно не соответствовало действительности; ему было чуждо то, что вкраплено в наше повседневное общение и что можно было бы назвать невинным обманом). Например, он вообще не отвечал на многочисленную, нередко развязную, а иногда и просто клеветническую критику. Он не только не отвечал на критику письменно, но не любил говорить об этом также и в частных беседах. Вообще надо заметить: даже тогда, когда он был о ком-то очень невысокого мнения, что могло прорваться отдельной случайной репликой, он, как правило, избегал обсуждения этого человека. Он вообще не любил спорить: вспоминается эпизод во время его встречи в рамках теоретического клуба «Свободное слово», когда кто-то из оппонентов сказал, что они пришли спорить с ним. А. А. Зиновьев ответил, что он ни с кем спорить не собирается, спорить ему не о чем, ибо в предмете, о котором идет речь, он совершенно уверен и пришел сюда, чтобы ответить на вопросы, если они у аудитории есть, разъяснить свою позицию, если она ее интересует, но ни в коем случае не спорить. Внутренняя

раскрепощенность, основанная на твердых, до конца продуманных суждениях, совершенно лишенная какой-либо личной заинтересованности, — вот что составляло, на мой взгляд, основу его характера.

Во-вторых, его верность судьбе: насколько я понимаю, он не делал биографию, он принимал ее так, как она складывалась. Он понимал, что не имеет власти над обстоятельствами, и стремился только к тому, чтобы обстоятельства не брали власти над ним. И поэтому он ограничился тем, что от чего-то отказывался, от чего-то уходил: как отказался от заведывания кафедрой, когда от него потребовали мотивированных идеологическими соображениями штрафных санкций по отношению к сотруднику; как он ушел из редколлегии «Вопросов философии», когда столкнулся с предвзятым мнением по отношению к его аспирантам; как ушел из Мюнхенского университета, узнав, что там в нем видят не ученого, а диссидента, каковым он себя вообще не считал. Бороться с обстоятельствами — это не А. А. Зиновьев. А. А. Зиновьев — это быть самим собой при обстоятельствах, которые выпадают на долю.

◂ *В чем, на Ваш взгляд, тайна А. А. Зиновьева как личности?*

Только в одном — он был личностью.

◂ *Какие книги А. А. Зиновьева Вы читали? Какое произведение стало Вашей настольной книгой?*

Читал все или почти все, за исключением специальных логических работ. Все его работы для меня сливаются в одну большую книгу, и хотя я знаю различия между ними, тем не менее не придаю им большого значения. Очень часто по разным поводам, а еще чаще без поводов, беру его книги и читаю отдельные фрагменты. Вообще, мне кажется, его романы и повести требуют особого чтения, не сплошного, не от начала до конца, а по случаю, по настроению; и читать их можно

с любого места. У меня есть особая, зиновьевская, полка — ей не грозит опасность запылиться.

Как Вы оцениваете роль А. А. Зиновьева в истории нашей страны?

Я бы назвал его одним из самых показательных и лучших документов советской эпохи. Он, как известно, не отделял себя от своей эпохи, не отделял до такой степени, что чувствовал ответственность за то, чтобы делать эпоху. И он делал ее как мог. Я уже где-то упоминал об одном эпизоде, свидетелем которого был, а сейчас повторю без политкорректной ретуши. Однажды, во время публичного выступления кто-то бросил А. А. Зиновьеву упрек, что он так нелицеприятно высказывается о русском народе, что закрадывается сомнение, любит ли он его вообще. Ответ А. А. Зиновьева был мгновенным и замечательным. Он сказал следующее: «Почему я должен его любить? Это пусть его другие любят — евреи или чеченцы! А я принадлежу русскому народу, это нечто большее, чем любить или не любить». Именно так он относился к истории своей страны и народа. Быть, а не казаться — таков был зиновьевский способ жизни. А. А. Зиновьев был критиком эпохи в годы ее торжества и защитником в годы ее крушения.

Как Вы оцениваете вклад А. А. Зиновьева в мировую науку и культуру?

Говорить о вкладе А. А. Зиновьева в мировую науку и культуру, как если бы он вносил свою лепту в некое общее дело, просто невозможно. В ряде областей он был первооткрывателем. Возьмем, например, самую продуктивную часть его творчества — социологию. Социология была второй после логики его самоидентификацией. Он создал свою социологическую теорию, конкретизировал и проверил ее, создав теорию советского коммунизма, а также современного

западного общества (западнизма), но его социология — это нечто совершенно иное, чем то, что принято считать социологией. Тут надо выбирать: или одно, или другое. То же самое можно сказать о его художественных творениях. Его романы и повести не похожи на то, что принято считать романами и повестями. Здесь нет индивидуальных образов и событий. Здесь герои являются носителями каких-то функций, социальных позиций. Они утрированы в этом качестве. Здесь нет привычных описаний внешней обстановки (природы, домашнего быта и т. д.), а только обнаженные ситуации человеческих отношений. Здесь нет прочерченных линий добра и зла, авторской позиции, отличной от позиции героев, все это завязано в один клубок, одно переходит в другое. Конечно, я не могу описать новизну эстетики А. А. Зиновьева, но я вижу, что она по сравнению с общепринятой другая. И в этом случае надо выбирать. Думаю, что вклад А. А. Зиновьева в науку и культуру, то новое, что он привнес, еще предстоит осмыслить; это будет выявляться по мере того, как самим ходом событий будут подтверждаться или опровергаться его теории.

Я специально изучал то новое, что внес А. А. Зиновьев в понимание человеческой морали, и пришел к заключению: он действительно в этом вопросе (который, вообще-то, был для него побочным) сказал нечто такое, что позволяет ставить его в один ряд с величайшими моралистами истории. Он показал, что моральная позиция личности формируется в противостоянии законам социальности и в той мере, в какой индивид придает своей жизни экспериментальный характер, следует программе, которую сам же для себя вырабатывает.

◂ *Насколько актуальны идеи А. А. Зиновьева сегодня?*

Однажды мы с Александром Александровичем заговорили об одном дутом авторитете, в частности о невероятно помпезном юбилее этого человека, богато оформленном издании его

банальных текстов, вельможной обстановке его жизни и т. д. Я сказал ему: «Вы должны его понять, он все получает сейчас, при жизни, ибо после смерти ему ничего не светит. В этом отношении его ситуация и Ваша прямо противоположны». Он засмеялся своим искренним, радостным смехом. Могу и сейчас повторить: актуальность идей А. А. Зиновьева — возрастающая величина.

О чем Вы не успели спросить Александра Александровича?

Нет ничего, о чем я хотел бы спросить и не спросил. Более того, на все вопросы, которые можно было бы задать Александру Александровичу, можно найти ответ в его книгах, ведь его книги — не только о советском коммунизме, о Западе, о будущем, о методологии научного познания, об Институте философии, об Ибанске и т. д., все они также о нем самом, они исповедальны.

Может быть, есть один вопрос, на который нет прямого ответа в его произведениях, но который я ему однажды задал. Я сказал приблизительно следующее: «Вы знаете, Александр Александрович, я никак не могу выстроить образ мира, в котором факт смерти нашел бы свое законное место и примирил меня с ним». На это он мне ответил резко, не ответил даже, а отрезал: «Я не хочу даже думать об этом, так это устроено в жизни».

О чем мы не спросили Вас?

Вы не задали мне вопрос: как Вы оцениваете непоследовательность А. А. Зиновьева, который из противника советского коммунизма стал его апологетом? Задай Вы его мне, я бы ответил так: нет ничего более последовательного и человечески достойного, чем эта непоследовательность. А. А. Зиновьев, подвергая беспощадной критике советский коммунизм в годы его расцвета, был его противником не больше, чем Н. В. Гоголь был противником народа, когда

он выводил свои карикатурные образы в «Мертвых душах». А защищая советский строй и советское государство в годы их всемирного поражения, он был их апологетом не больше, чем А. С. Пушкин был царедворцем тогда, когда писал свое знаменитое «Клеветникам России».

II

ФЕНОМЕН ЗИНОВЬЕВА

Заметки и воспоминания о личности философа*

«Феномен Зиновьева» — так называлась книга, выпущенная Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова в 2002 г. к 80-летию своего всемирно известного профессора Александра Александровича Зиновьева[1]. Она давала сжатый обзор всего его многогранного творчества, представленного избранными текстами юбиляра и сопровождавшими их исследовательскими комментариями. Составители оказались перед трудностью найти название, адекватное своему замыслу, и склонялись к тому, чтобы обозначить его как пролегомены, хрестоматию, своего рода введение в Зиновьева. Они в ходе своей работы имели счастливую возможность консультироваться с самим Зиновьевым, который среди прочего подсказал и это название, сделав это как бы невзначай, заметив, что иногда употребляют такое словосочетание. Так в отечественном публичном пространстве закрепилось понятие феномена Зиновьева.

Итак, что такое феномен Зиновьева, действительно ли он существует, и если да, то в чем состоит? Уточняя и одновременно обостряя вопрос, следует сказать, что речь идет

---

* Впервые опубликовано: Вопросы философии. 2022. № 10. С. 5–17.

[1] Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002.

не о том, к какому феномену (ряду явлений) можно отнести Зиновьева, а является ли сам Зиновьев, этот живой индивид, родившийся 29 октября 1922 г. в селе Пахтино Чухломского района Костромской области шестым ребенком в многодетной крестьянской семье Зиновьева Александра Яковлевича и Аполлинарии Васильевны (всего у них было 11 детей) и прекративший свое существование 10 мая 2006 г., и прах которого, разделенный на две части, отчасти развеян над полем исчезнувшей к тому времени его родной деревни, что соответствовало его воле, а отчасти захоронен на Новодевичьем кладбище в Москве, что стало по-своему мудрым решением его вдовы Ольги Мироновны, проживший ту полную драматизма жизнь, которую он прожил, и оставивший в качестве продолжения и следа своего пребывания четверых детей и необычайное богатство разнообразных свидетельств деятельности, является ли особым феноменом он сам, взятый в неисчерпаемой единственности его физического и духовного существования?

* * *

Первое, что обращает на себя внимание, когда мы говорим о Зиновьеве как известном человеке, это многогранность его творчества: методолог, логик, писатель, социолог, публицист, поэт, художник. И всюду он оставил яркий запоминающийся след, а в первых четырех из названных областей совершил открытия, имеющие по многим признакам, в том числе по его собственному убеждению, характер эпохальных переворотов. Его нередко называют фигурой ренессансного типа, имея в виду именно эту разносторонность способностей и видов деятельностей. Чтобы понять Зиновьева в конкретной полноте всего, чего он достиг, следует, разумеется, охватить все аспекты его творчества, рассматривая каждый в отдельности, исходя из соответствующих ему критериев и подходов. В наше время акцентированной специализации такая всесторонняя деятельность действительно является редкой. Однако и она сама по себе еще недостаточна, чтобы выделить самое

знаменательное в Зиновьеве и обозначить это как воплощение ренессансного типа личности. Некоторые исследователи добавляют, что Зиновьев не просто обнаруживает себя в разных формах деятельности, но еще собирает их воедино таким образом, что одна дополняет, продолжает и усиливает другую[2]. Это верно: свободный синтез разных форм выражения мысли и познания человеческого мира составляет своеобразный, даже единственный в своем роде стиль интеллектуального творчества Зиновьева. И все-таки ренессансной делает деятельность Зиновьева нечто иное, в историческом плане более глубокое и в личностном плане более возвышенное — его жизненная программа, выраженная им в лаконичной формуле: «Я есть суверенное государство из одного человека».

Это высказывание не имеет однозначного смысла, который вычитывается из него самого. Оно скорее является многозначным философским обобщением, которые так не любил сам Зиновьев, противопоставляя им строгость логического языка и даже в силу этого утверждая иногда, что он не является философом. Зиновьев, как известно, говорил простым ясным языком, чтобы из него можно было вычитать только то, что в нем сказано (в частности, в качестве обратного примера философской усложненности, которая оборачивается логической бессмыслицей, приводил высказывания типа «жизнь после смерти», ибо смерть по определению означает отсутствие жизни). Формулу Зиновьева нельзя отнести к элементарным протокольным предложениям. Ее многозначное

[2] Вот что пишет о его романах А. Фурсов: «…в этом изысканном интеллектуальном салате работает все: проза и стихи, философия, научные рассуждения и диалог-треп, юмор и сатира (а я, читая, еще вспоминаю зиновьевскую живопись). Все это отлито в единое целое и, как снаряд, бьет в цель, достигая ее в единстве рационального и эмоционального» (*Фурсов А.* О великом вопрекисте. Жизнебытийный эксперимент в творчестве А. А. Зиновьева в контексте социальной теории и русской истории // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 45).

и противоречивое содержание можно понять только в контексте всей реальной жизнедеятельности Зиновьева, как обобщение, суммирование, философский итог ее смысла. Если Кант и большинство других моралистов искали общий закон для всех людей, то Зиновьев в этом высказывании подводит итог только своей собственной жизни в ее неповторимой единственности. Он считал свою жизнь экспериментом, мучительным экспериментом и не советовал никому повторять его, даже предостерегал от этого всех, в том числе учеников, если бы таковые нашлись, даже собственных детей, и их в первую очередь.

Первый и несомненный смысл, заложенный в формуле «Я есть суверенное государство», заключается в утверждении Зиновьевым собственной суверенности, понятой как независимость от государства, от любых людей, учреждений, вещей, обстоятельств, которые узурпируют, пытаются воздействовать, сковать и подчинить себе его волю. Ее можно назвать зиновьевской формулой свободы и независимости; заключенная в ней логика является следующей: это моя жизнь, притом единственная, и только я могу (имею право, обязан) распоряжаться ею. Речь идет, ни больше ни меньше, о том, чтобы собственную жизнь понять и принять как ношу, которую ты сам взваливаешь на себя и отвечаешь собственным существованием, принять ее как Голгофу (одна из повестей Зиновьева так и называется: «Иди на Голгофу»). Человек тиражируем, является одним из многих, если смотреть на него извне, как на природную и социальную величину, но, если он рассматривает себя изнутри, из самой пульсирующей в нем жизни, он оборачивается начальной точкой свободы и становится центром, главнокомандующим всего, что в нем есть дееспособного. Согласно этой формуле, всё, что человек делает, он делает сам, и только он мог сделать то, что он сделал. Однажды в разговоре Зиновьев выразился так, что всё, чего он достиг, мог сделать только он. И, словно отвечая на мой вопросительный взгляд, продолжал: «Ведь, чтобы всё это произошло, человек должен был родиться именно в 1922 году,

именно в деревне Пахтино, и у этих родителей, и чтобы отец мог рисовать, и чтобы в школе был отличный учитель математики и т. д. и т. п., словом, надо было, чтобы сошлось такое невероятное количество разнообразных случайностей, что представить второй такой случай просто невозможно». В этом простом рассуждении выражено исключительно важное положение зиновьевской конкретной антропологии, согласно которой Я индивида, его субъектность, является исходной базовой основой его существования, а не вторичным заимствованным результатом его общественного бытия.

Формула Зиновьева была не только формулой персональной суверенности индивида и утверждала независимость от мнений и влияний окружающих, она в то же время внутренне и неразрывно была связана с ними, но сугубо негативным образом. Она отрицала их, утверждая свою независимость от них. Высказывать свои собственные оригинальные суждения и жизненные позиции и делать то же самое в противовес суждениям и позициям окружающих — не одно и то же. Жизненное кредо Зиновьева было полемически заострено против имевшего и имеющего широкое хождение и закрепленного авторитетом Ленина афористического выражения, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Можно! Такова позиция Зиновьева. И не только можно, но и нужно. Во всяком случае, для себя он взял это за безусловное правило. Один из глубоких исследователей феномена Зиновьева А. И. Фурсов назвал его великим вопрекистом, усматривая именно в вопрекизме, в этом принципиальном и почти тотальном противостоянии общему потоку саму суть данного феномена: «Зиновьев жил-был вопреки законам не только какой-то конкретной системы, но социальной системы в принципе, социальной системы вообще — как таковой, и именно это делает его великим вопрекистом, причем не только в социальном, но и в метафизическом смысле»[3]. Это определение «метафизический» применительно к жизненному

[3] *Фурсов Андрей.* О великом вопрекисте… С. 43.

принципу Зиновьева очень уместно, ибо сразу отметает ложное иногда встречающееся мнение, будто объяснение надо искать в психологических особенностях характера, как, например, желании выделиться, или, как сказал мне однажды один немецкий профессор, уже вкусивший салат *зиновьев*[4]: мы думали, что он диссидент, а он оказался скандалистом. На самом деле Зиновьев был очень веселым, дружелюбным человеком, заботливым и нежным по отношению к близким, не держал зла на тех, которые становились прототипами его карикатурных героев, сдерживал себя даже по отношению к тем, кто делал явные гадости по отношению к нему; он любил дружеские застолья, часто собирал их у себя, любил бродить (шляться) по городу с друзьями без какой-либо цели, говорить с ними о разном. На основе опыта близкой дружбы с ним в последние шесть с лишним лет его жизни могу засвидетельствовать, что никогда ни раньше, ни позже не встречал столь искреннего и открытого человека, аристократически уважительного и по-детски непосредственного в отношениях. Его нельзя, конечно, назвать толерантным в каратаевском смысле слова, он был всегда начеку в том, что касалось истинности своих суждений и личного достоинства, никогда не подделывался под собеседников и окружающих, никому не спускал хамства, не любил так называемого панибратства, похлопывания по плечу и т. п. (амикошонства, как он называл такой простецкий способ общения), он мог быть дерзким и даже на русский манер грубо-дерзким, но в нем не было даже намека на злословие или заискивание, ни желания выделиться, ни желания привлечь к себе внимание.

Что зиновьевская независимость от общества имеет форму негативной связи с ним, можно проиллюстрировать на примере отношений Зиновьева как лектора со слушателями, в частности со студенческой аудиторией. Эти отношения

[4] Об этом я вычитал в одной детективной повести, название которой, к сожалению, забыл, но секрет салата запомнил: он состоял из двух ингредиентов — хрена и горчицы.

могут быть разными. Они могут быть чисто просветительскими, когда лектор выступает в роли профессора и стремится научить чему-то новому и рассчитывает на понимание слушателей и их адекватное (правильное) воспроизведение прослушанного. Это преимущественная форма университетской практики, и такую манеру можно назвать аристотелевской. Они могут иметь диалогическую природу, форму вопросов и ответов, рассчитанных на пробуждение исследовательского интереса у собеседника и совместный поиск какой-то проблемы. Классический их образец представлен диалогами Платона. Бывают лекции публичные, которые призваны дать новое понимание некой общезначимой проблематики и нацелены на то, чтобы распространить его в обществе, заполучить своих сторонников. Таковы, например, «Лекции о богочеловечестве» В. С. Соловьева. Бывают иные варианты устного творчества. В частности, одним из них были получившие широкое распространение (и как общественное явление, и как способ философствования) лекции Мамардашвили, которые удивляли и притягивали слушателей своей малопонятной для них магией[5]. У Зиновьева как лектора, насколько я могу судить на примере наблюдения его шестилетнего опыта в качестве профессора кафедры этики МГУ им. М. В. Ломоносова и анализа роли устного творчества в его биографии, его отношения со слушателями складывались исключительно своеобразно. Устное творчество

[5] В. А. Подорога, исследовавший природу устной речи Мамардашвили и сам слушавший его лекции, подчеркивает, что тот видел в аудитории кого угодно, но только не собеседников, ждал чего угодно, но только не вопросов, ни то, ни другое его не интересовало, на кафедре он был занят собой, своими мыслями, аудитория со своими знаниями и убеждениями его не интересовала, ее он завоевывал, подавлял собой, и она оказывалась завороженной, не умея дать себе отчет в том, что заворожило ее, в студенческие годы, пишет он о себе, я даже думал, что «непонимание есть необходимое условие восприятия его лекций» (*Подорога В. А.* Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М.: КАНОН-ПЛЮС, 2020. С. 34).

(лекции, интервью, дискуссии, выступления и т. п.) занимало огромное и буквально несметное (до сих пор не сосчитанное, частью потерянное) место в творчестве Зиновьева. Он любил выступать перед людьми, было ли их число большим или малым — не имело значения, он не боялся больших многотысячных аудиторий и не расслаблялся перед малыми. Отечественные философы хорошо помнят его публичную лекцию на Московском философском конгрессе 2005 г. в битком набитом актовом зале первого гуманитарного корпуса МГУ им. М. В. Ломоносова. Вряд ли были случаи, когда он отказывался от интервью, не имело даже значения, кем был журналист и какое издание он представлял, он исходил из того, что он говорит и отвечает за то, что говорит. Точно так же для него не имело значения, что думает аудитория его слушателей и чего она от него ждет. Всегда он говорил то, что думает, и чаще всего (а русскоязычной аудитории, думаю, всегда) в свободной устной манере.

Если отношение Зиновьева к своим слушателям попытаться выразить одним словом, то здесь наиболее уместным будет слово *борьба*. Он выходил не за аплодисментами слушателей, хотя часто и как правило получал их, он выходил на бой за себя, свою зиновьевскую правду. Он шел со словом к людям именно как на бой. Вот один характерно зиновьевский эпизод, который случился в Москве в ходе его выступления на заседании интеллектуального клуба «Свободное слово», проходившем в идейно накаленной атмосфере начала 90-х гг. как встреча с ним. На недовольную реплику кого-то из присутствующих сторонников официальной ельцинской политики, что, мол, Зиновьев не склонен к дискуссии, тот буквально взорвался (воспроизвожу хотя и по памяти, но близко к тексту): «Какая дискуссия? Какой спор? Мне не о чем с Вами спорить, мне всё ясно, и я пришел отвечать на вопросы, а не спрашивать». В своих устных выступлениях он не просто излагал то, что он наработал, уже нес в себе, он одновременно развивал свои идеи, находил новые повороты мысли. Так, саму формулу «Я есть суверенное государство»

он высказал в одном из интервью[6]. Точно так же его знаменитый афоризм «Целились в коммунизм, попали в Россию» явился результатом импровизации в устной беседе[7].

Отдельно надо сказать об учебных занятиях. Профессорская карьера в Мюнхенском университете у него не сложилась по разным причинам, но в немалой степени, как можно предположить, из-за столкновения с предрассудками западного сознания. Недопонимание у него возникло и с активистами КПРФ в ходе чтения цикла лекций на тему «Идеология партии будущего» из-за того, что его научный подход к идеологии был труден для восприятия слушателями, сознание которых было отягощено идеологическими установками.

В последние годы на его занятиях в Московском университете вольнослушателей из числа его поклонников (разного возраста и разных занятий, из разных городов) в аудитории иногда собиралось больше, чем самих студентов. Характерно: Зиновьев не интересовался тем, как студенты посещают и с каким прилежанием относятся к его лекциям, ставил им всегда отличные оценки. Один показательный эпизод: на нашей кафедре была традиция раз в пять лет предоставлять преподавателю творческий отпуск на один семестр для научной работы. В начале 2006 г. ему предложили такой отпуск. Он недоуменно спросил: «Зачем?» На «отдохнете от занятий» он ответил: «Спасибо, я уже 21 год отдыхал». И в феврале того последнего года своей жизни он, как обычно, приступил к своим занятиям. Для него действительно лекции, как, впрочем, и всё, что он делал, не были работой в нашем

[6] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. С. 329.

[7] Это было в один из приездов в Москву в середине 90-х гг. Мы, несколько его коллег из Института философии, ждали его на дружеский ужин. Он пришел с опозданием и весь возбужденный после радиобеседы. Хорошо запомнил, как он сказал, что в беседе родилась формула «Целились в коммунизм, а попали в Россию». На реплику, что, может, туда и целились, он подумал и сказал: «Пожалуй, Вы правы, в Россию и целились».

привычном смысле, они были органичной формой жизни, способом обустройства своего суверенного государства. Ему не надо было заранее готовиться, собирать материал, обдумывать и т. п., ибо в жизни своей, когда не спал, он только этим и занимался. Он всегда был готов к публичному разговору, никогда не уставал защищать свою правду, как если бы мир зависел от того, что он думает, что скажет, что сделает.

Этим индивидуализмом, акцентированно публичным и деятельным самоутверждением, Зиновьев еще больше, чем разносторонностью дарований, приближался к ренессансному идеалу, который вошел в европейскую культуру принципиальным антропоцентризмом. Его по этим внешним признакам вполне можно сравнивать с величайшими гигантами мысли и действия европейского Возрождения, но именно по внешним признакам. По сути же феномен Зиновьева является принципиально иным. Чтобы понять это, обратим внимание на то, что А. Ф. Лосев назвал оборотной стороной гигантизма, обнаружившего себя не только в выдающихся творческих достижениях, но и

> …в неимоверных страстях, пороках и совершенно беззастенчивых преступлениях… Люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность[8].

Или, как выразился известный художник, писатель и философ Максим Кантор, создавший свой эстетический образ Возрождения, «весь Ренессанс, по сути, представляет собой величественный эксперимент, доверенный неблаговидным персонажам»[9].

---

[8] *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 136–137.

[9] *Кантор М. К.* Чертополох и терн. Возрождение веры. М.: АСТ, 2021. С. 514.

В этом отношении А. А. Зиновьев был полной противоположностью, в нем не было ни капли пренебрежения к окружающим. «Я в каждом человеке признаю такое же суверенное государство, каким считаю себя, причем независимо от его социального положения, возраста»[10], он был одиноким, но не изолированным и тем более не надменным, распутным. Выступая против реального коммунизма, самого явления коммунальности и сам принадлежа ему («Коммунизм — моя естественная среда. Он меня породил. Я его продукт. Продукт негативный, но закономерный»), он трансформировал свою жизненную позицию в «социальный индивидуализм, доведенный до идеи человека-государства»[11]. Зиновьев и как трезвый мыслитель и как ученый-социолог понимал, что человек не может жить вне общества. Это — жесткий факт. Он пытался доказать, что можно жить в обществе и быть независимым от него. Более того: только тогда-то и можно жить в обществе достойно и по-человечески, когда будешь независимым от него. Эту диалектику жизни по Зиновьеву хорошо выразил один из проницательных критиков его биографии Константин Крылов, дав такое прочтение его идее человека-государства: «…быть вне общества — действовать в интересах общества»[12].

Образ жизни, резюмированный формулой «Я есть суверенное государство из одного человека», был возможен только в условиях советского общества реального коммунизма. Это Зиновьев осознал только тогда, когда он оказался в вынужденной эмиграции на Западе и впал в глубокую душевную депрессию. Последняя имела особенно непонятный и тяжелый характер в силу того, что развивалась на фоне успешного, даже яркого публичного существования в качестве всемирной знаменитости и при несравненно

[10] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 343.

[11] Там же. С. 489.

[12] *Крылов К.* Памяти Александра Зиновьева // URL: http://zinoviev.info/wps/archives/231

более благоприятных и комфортных бытовых условий жизни. И она оказалась затяжной, растянулась на весь его эмигрантский период в 21 год; как описывает сам Зиновьев, ему пришлось предпринять невероятные, почти неправдоподобные душевные и физические усилия, чтобы преодолеть кризисную фазу депрессии и перевести ее в более или менее терпимый режим. Размышляя над этим своим душевным состоянием, Зиновьев назвал его «космическим одиночеством» и охарактеризовал как «крушение моего личного государства в чуждых для него условиях»[13]. Тогда же он нашел саму формулу государства-человека и перевел свой эксперимент из повседневной поведенческой практики в рефлексивную форму — начал размышлять над этим в литературных произведениях («Евангелие для Ивана», «Иди на Голгофу», «Живи», «Мой дом — моя чужбина» и др.). Самое главное для понимания характера жизненного эксперимента, о котором идет речь, состоит в том, что он по сути является коммунистическим экспериментом. Не будет парадоксом, а всего лишь точной констатацией сути дела, если высказать мысль, что зиновьевский эксперимент конфронтации с реальным коммунизмом является опытом спасения самой коммунистической идеи. Он таким образом проживал, приобщался, если можно так выразиться, сублимировал высшие гуманистические ценности, заключенные в коммунистическом идеале.

Ведь, назвав советский общественный строй в своей стране тогда, когда он появился на свет, реальным коммунизмом, он хотел сказать и говорил следующее: этот способ общественного жизнеустройства людей не является ошибкой, результатом отклонения, искажения великих идеалов, о которых мечтало человечество на протяжении тысячелетий в своих атлантидах, городах солнца, утопиях, не является отступлением от той высшей формы, которую эти идеи получили в марксистском учении, отступлением от того, о чем мечтали и ради чего жертвовали собой лучшие люди

[13] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 429.

прошлого: ульяновы, желябовы, корчагины. Напротив, это и есть настоящий коммунизм, каким он только и может быть. По-другому он не мог обрести реальности, точно так же, как человеческий индивид не может появиться на свет иначе, как в муках рождения, и не может прожить свою жизнь иначе, как в страданиях крестного пути. Он как ученый и философ руководствовался знаменитой теоремой Спинозы, согласно которой «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей», а не наоборот. Найдя советский коммунизм вполне и единственно реальным, увидев, что он в качестве реальности совсем не похож на свое идеальное изображение, на то, каким он виделся великим мыслителям, которые обосновывали его, и героям, которые отдавали за него свои жизни, и одновременно признав, что этот идеал является лучшим, о чем может мечтать честно и свободно мыслящий человек, каковым хочет быть он сам, Зиновьев приходит к следующему выводу. Если коммунизм невозможен в качестве социального опыта, то почему ему не быть в качестве опыта индивидуального?! «Я нашел идеал в себе самом и построил мое личное, индивидуальное государство со своими собственными мировоззрением, методами мышления, принципами морали, правилами поведения, эстетическими критериями»[14]. Это была его форма связи с эпохой, которая выпала на его долю.

Идеальное государство Зиновьева, если его воспринимать именно так, как он его понимал, есть не нечто особо выделенное, локализованное в рамках его творчества и биографии. Это не отдельное произведение в форме эссе или повести. И не специально сформулированный набор правил поведения. Хотя и то, и другое в его наследии существует и можно выделить как его этическое учение, тем не менее для самого Зиновьева изложение своей этики (учения о житии, как он выражался) было лишь вторичной рефлексией, попыткой понять и записать, чем он на самом деле является. Это не дневник о жизни, а сама жизнь. Идеальное государство — не

[14] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 488.

то, чем он хочет стать, а то, чем он сам себя делает и чем он на самом деле стал. И если мы хотим попасть в идеальное государство Зиновьева, то надо иметь в виду, что его территория — все его творчество, а царящие в нем порядки — это вся его реальная жизнь, включая, разумеется, в качестве одного из моментов и размышления о ней.

Назвав советский строй реальным коммунизмом, Зиновьев не хотел дискредитировать ни коммунистические идеи, ни советский строй. Коммунистические идеи он считал самыми лучшими из тех, что выработало человечество. Советский строй он считал самым подходящим для России и высшей ступенью ее развития. Зиновьев исходил из того убеждения, что общество как объединение людей и именно потому, что оно представляет собой их объединение, не может быть идеальным, совершенным. Зиновьев в одном месте назвал человека на все способной тварью, выразив в этом кратком утверждении и его нравственную амбивалентность, и безграничность творческих возможностей, придав тем самым научно точному определению человека форму социально карикатурного образа (невольно вспоминается его знаменитая картина двух заклятых друзей, которые душат друг друга, переплетясь тем самым в одно целое).

> На пути у одних людей при этом стоят другие люди как препятствия, причем — препятствия активные, имеющие свои интересы и стремящиеся удовлетворить их. Так что реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезает, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавить никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т. п., являясь средствами ограничения всеобщей

> вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усилить свои позиции в социальной борьбе. Более того, социальная борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса человейников[15].

Это — не единственное, но, пожалуй, основное положение социологии Зиновьева, в силу которого общество, социум не могут быть совершенными в принципе. И тот вид, который приобрели коммунистические идеи в Советском Союзе, и есть то, чем коммунизм может стать и стал на деле, реально.

Но если не может существовать совершенного общества (по крайней мере, на современном уровне) и коммунизму не стать иным, чем то, каким он предстал ему в сталинском СССР, то почему не может существовать совершенного человека? Почему отдельный индивид, в частности этот конкретный имярек (Александр Зиновьев), должен отказываться от утопии коммунизма, которой он вдохновился с детства и принял всем существом, почему ему не попытаться стать таким идеальным коммунистом, даже если ради этого надо решиться на бунт и поставить на кон самого себя? Такова жизненная ситуация, которая лежала в основе конфронтации Зиновьева со своим обществом и своей эпохой и которая придала его жизни характер эксперимента.

Чтобы понять своеобразие жизненного идеала Зиновьева и характер его связи с эпохой, надо иметь в виду именно его практическую, экспериментальную природу. Этот идеал был для него реальностью, фактом, он был взят им на вооружение и оставался собственно идеалом в той мере, в какой применялся на деле, переходил в его поступки: привычки, навыки, слова и мысли повседневной речи, страдания, радости, ежедневные занятия, словом, во все то большое и маленькое, из чего складывается жизнь. Эксперимент состоял

[15] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. С. 274.

в том, чтобы действительность собственной жизни поднять до уровня ее собственного идеала. А связь с эпохой означала его непосредственную принадлежность к ней, такое полное вхождение, слияние, погружение в ее трясину, когда он в качестве данного индивида становится ее частицей, без которой эпоха теряет свою полноту, а сам индивид исчезает вообще, аннигилируется, как если бы он не существовал вовсе. Общение с Зиновьевым обычно ассоциируется с шутками, байками, пьяным трепом, нелепыми ситуациями, ссорами и т. п., именно таким, вписанным в ткань естественной жизни оно и было. Ошибаются, однако, те, которые думают, что такая манера представляла собой лишь бытовую, несерьезную сторону его жизни, а не ее основной нерв, нет, это и был способ его подлинной жизни, это была не приправа к блюду, а само блюдо. Однажды в разговоре я назвал его взгляд на мир сатирическим. Он возразил. А на недоуменный вопрос: «А как же Ваши картины?» — он ответил, что в них люди и ситуации изображены реалистически, такими, каковы они в действительности.

Понятие идеала имеет много значений, самое важное и прямое из них — идеал как совершенство. О совершенстве, считал Зиновьев, следует говорить в двух разных смыслах, в моральном и социальном. В моральном смысле оно совпадает со стремлением к тому, чтобы быть хорошим, добродетельным, противостоять пороку. В социальном смысле — это полнота всех свойств и отношений, как позитивных, так и негативных, обладание всеми качествами, реализуемыми в опыте человечества, с ясным пониманием того, что добро и зло неразрывно связаны между собой, дополняя и продолжая друг друга. Суверенное государство Зиновьева совершенно во втором смысле, в нем есть все, что существует и свойственно всем реальным государствам, в том числе и в первую очередь их современным формам, но только в том виде, в каком это считается правильным в свете его научного мировоззрения.

Специфическая трудность познания феномена Зиновьева состоит в том, чтобы понять его не как биографию частного

лица, каковым Зиновьев в качестве живого индивида, конечно, оставался, а принять во внимание заявленную им соразмерность обществу и, даже более широко, своей эпохе. Он заявляет свою особую субъектность — быть суверенным государством. Он осознает свою жизнь не как частную историю, несущую на себе отпечаток эпохи (времени), а как саму эпоху, явленную в ее подлинной, впервые им вскрытой сути. Поэтому рассматривать жизнь Зиновьева сквозь призму клишированных общих нравственных представлений и критериев успешности — значит закрыть себе путь для ее понимания или скатиться к морализирующей пошлости[16]. Нет, надо исходить из прямо противоположного, а именно из того, что, говоря его словами, он

> …крупнейшие события советской истории переживал в гораздо большей мере как события личной жизни, чем свои собственные индивидуальные приключения… При этом, — добавляет он, — мое понимание этого общества формировалось не в результате изучения теорий, уже созданных другими авторами. Оно протекало как моя индивидуальная жизненная драма, как жизнь первооткрывателя сущности и закономерностей нового исторического феномена[17].

[16] Именно такой случай мы имеем в очерке «Александр Зиновьев: Евангелие от Александра» в книге: *Смирнов С. А.* Александр Зиновьев: Евангелие от Александра // *Аванесов С. С., Смирнов С. А., Спешилова Е. И.* Человек у зеркала: антропология автобиографии. СПб.: Алетейя, 2021. С. 395–507. В нем автор, словно чеховский Войска Донского отставной урядник из дворян Василий Семи-Булатов, который «не мог умолчать… когда ученые неправильно мыслят в уме своем», решил рассказать о Зиновьеве, чтобы исправить все его нелепости, как чеховский герой исправлял нелепости своего ученого соседа, будто на Луне живут люди, хотя это невозможно, ибо в этом случае они бы падали вниз на землю, а на наш материк сыпались бы сверху нечистоты.

[17] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 18–19.

Это единство индивидуальной судьбы и эпохи, образующее сам феномен Зиновьева, слагается из двух взаимосвязанных аспектов: интеллектуального и нравственного.

Свою итоговую работу, суммирующую мировоззрение, целостный взгляд на человека и мир, он назвал «Фактор понимания». Понимание, научный взгляд на вещи, который видит их такими, каковы они на самом деле, — таково последнее слово Зиновьева. Он говорил, что у него нет других амбиций, кроме амбиций исследователя. А амбиции исследователя у него действительно были. Зиновьева, в том числе и некоторые из тех, кто знал его лично, нередко называют тщеславным человеком. На мой взгляд, люди, которые утверждают это, даже не представляют себе, до какой степени он был тщеславным. Некоторые интеллектуалы из его круга считали его гением. Таким его называл замечательный философ, сокурсник и ближайший друг Карл Моисеевич Кантор, который оставался рядом с ним в тяжелые годы изгнания и рядом с которым был Зиновьев в тяжелые для еврея Кантора годы борьбы с так называемым космополитизмом. Таким, по некоторым свидетельствам, считал близко знавший его Эрнст Неизвестный. Так назвал его, своего учителя, в книге воспоминаний Георгий Щедровицкий. Но назвать его гением в том смысле, что он выделяется в ряду талантливых людей, среди которых он находится, это также мало для обозначения степени его тщеславия. Ему мало было считаться одной из горных вершин, он претендовал на то, чтобы быть самой высокой из них. Он был абсолютно уверен в своих основных выношенных идеях и открытиях. И руководствовался ими именно в таком качестве. К примеру, Зиновьев считал, что он решил великую теорему Ферма, над которой безуспешно бились математики многие столетия, он был уверен, что доказал ее недоказуемость, и хотя специалисты не признали его открытия, он продолжал до конца жизни настаивать на своем. И это не единственный случай такого рода. Привожу его для иллюстрации психологии Зиновьева как исследователя. Когда мы говорим о степени убежденности

и исследовательских претензиях Зиновьева, надо иметь в виду предмет его основных научных занятий — социологию. Свои научные обобщения и теории, прежде всего реального коммунизма и западнизма, он считал не одними из многих, а единственно правильными, до такой степени единственными, что только они дают перспективу человечеству и что Россия может выйти из кризиса, только если будет произрастать его, зиновьевскими, трудами. Зиновьев «строил» свое государство, и он все материалы, из которых оно строится, проверял на максимальную прочность. Тщеславие Зиновьева — это тщеславие авиаконструктора, ориентированного на абсолютную безопасность создаваемого им самолета.

Интеллектуальный аспект в случае Зиновьева прямо связан с нравственным. Речь шла о такой нравственной закалке, которая была бы достаточно сильной, чтобы могла ориентироваться на истину-правду, какой бы невероятной и тяжелой в исполнении она ни была. Более того: чтобы она только ориентировалась на истину и руководствовалась ею. Быть разумным, если это выражение понимать в его прямом и точном содержании — следовать разуму, в своей глубинной основе означает то же самое, что и быть свободным. В суверенном государстве Зиновьева Я есть и правитель и гражданин в одном лице — не только исследователь, который говорит, что и как на самом деле должно быть устроено, но и труженик, который это делает. Ему предстоит стать гражданином идеального государства, оставаясь внутри реального антиидеального государства. Или, как говорит Зиновьев, стать святым в условиях греховного производства.

Задача тем самым приобретает парадоксальный вид: как вписать себя в тот ад коммунальности, в котором он оказался в качестве гомо советикуса. Ее решение и становится содержанием жизненного эксперимента Зиновьева. Исходный и он же основной принцип состоял в том, чтобы отказаться от борьбы за социальный успех, но таким образом, чтобы оставаться в гуще жизни, заняв в ней маргинальную

позицию свободного исследователя или отщепенца, что одно и то же. Это своего рода активный эскапизм, своего рода негативное присутствие. Человек присутствует и даже включен в крысиные гонки за власть, позиции, деньги, другие выгоды, но не участвует в них, т. е. мог бы участвовать, но не делает этого. И именно это дает ему пространство морального выбора: угождать начальству ради своей выгоды или нет, гнаться за дорогими вещами или нет, довольствоваться малым или стремиться к большему и т. п. Зиновьев разработал для себя систему житейских правил, их было много (среди них были и общеизвестные типа: сохраняй личное достоинство, вини во всем себя; и специфические, как, например: никогда не рассчитывай, что люди оценят тебя объективно, не действуй во имя и от имени других; и чисто технические типа: как сидеть на стуле, подниматься по лестнице и т. п.), они важны не сами по себе, а именно тем, что выработаны им самим, постоянно культивируются, призваны обеспечить ему экстерриториальность среди людей.

* * *

Об обществе не судят по его идеологии. Точно так же о человеке не судят по тому, что он о себе думает. С этой точки зрения все высказанные выше суждения о личности Зиновьева можно было бы поставить под сомнение в той части, в какой они основывались на его собственных обобщениях и оценках. В данном случае, однако, существуют по крайней мере два дополнительных момента, в силу которых Зиновьеву можно верить на слово.

Первый — это присущая ему исключительная честность в самом прямом, почти аристотелевском смысле, когда о том, что есть, говорится, что есть, а о том, чего нет, говорится, что нет. Зиновьев сознавал себя в первую очередь исследователем, а поиск истины считал важнейшей добродетелью, поэтому говорить правду несмотря ни на что, невзирая ни на какие лица и обстоятельства было для него безусловным приоритетом. Он, по моим наблюдениям, всегда придерживался

фактов. Он мог промолчать, не ответить на вопрос, но сказать о чем-то неправду не мог, не мог просто физически. А зачем?! У него было достаточно проницательности, достоинства и мужества, чтобы не поступать так. Это была эпистемологическая установка, столь органично соединившаяся с нравственной нормой, что она стала его антропологическим качеством. Это не значит, что его суждения всегда были абсолютно правильными и поступки непременно нравственно безупречными, но это значит, что он в своих словах и действиях всегда был искренен. Многое он видел по-своему, при его логической точности и остроте ума, богатом воображении, тонкой интуиции это не могло быть иначе. Но именно в своем видении человека и мира он бывал особенно тверд. Однажды Александр Александрович нарисовал мой портрет. На мое замечание, что не вижу себя таким, он безапелляционно сказал: «Нет, Вы именно таковы, каким я Вас нарисовал».

Второй момент заключается в следующем. Факты, существенно характеризующие его жизнь, прямо коррелируют с событиями его времени. Перипетии и изгибы его личной судьбы удивительным образом совпадают с историческими изломами судьбы страны и народа. Феномен Зиновьева запечатлел в себе феномен эпохи, что стало свидетельством его наполненности истинным содержанием. И себя он воспринимал и судил так, как если бы именно от него зависел общий ход дел в обществе. Предлагаю ряд из предложений, в которых первая часть обозначает события истории страны, а вторая — события личной биографии Зиновьева.

Торжество реального коммунизма в форме сталинизма и война — участие в юношеском заговоре против Сталина, скитание и уход в армию.

Десталинизация жизни, оттепель — кандидатская диссертация, логические труды, академическая карьера, любимец московской философской среды.

Стабилизация общества, исторические амбиции реального коммунизма — роман «Зияющие высоты», полное вытеснение из публичного пространства и изгнание из страны.

Разгар холодной войны — серия литературных социологических романов и повестей, философское эссе «Коммунизм как реальность», жизнь в эмиграции и осознание своих возможностей и места в обществе.

Перестройка как коммунистическая смута — противостояние всеобщему восхищению и надеждам, связанным с политикой Горбачева и Ельцина, повесть «Катастройка», эссе «Горбачевизм» и др.

Конец холодной войны и крах СССР — исследование социальной системы Запада и начавшейся глобализации, монография «Западнизм», роман «Глобальный человейник», анализ причин поражения Советского Союза и фактора исторического предательства высшего руководства страны.

Становление нового строя в России — возвращение в Москву, сотрудничество с левыми патриотическими силами и КПРФ, оппозиционная публицистическая деятельность.

Закрепление результатов холодной войны и укрепление новой социальной системы — анализ гибридного характера социальной системы новой России, ее мрачных перспектив, итоговая монография «Фактор понимания».

Достаточно сопоставить друг с другом эти части, чтобы увидеть их каузальную соотнесенность. Можно спорить, как складывались отдельные обстоятельства и эпизоды жизни Зиновьева, можно ставить под сомнение его собственную интерпретацию этих обстоятельств и эпизодов, но невозможно оспорить сам факт соответствия между событиями истории страны и событиями его биографии. Это соответствие как ничто другое доказывает масштаб личности Зиновьева.

ПОСТРОИТЬ ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В СЕБЕ САМОМ*

Александр Зиновьев известен как логик, социолог, литератор. Вне внимания и исследователей, и широкой общественности осталась его этика, как, впрочем, и нравственный пафос его жизни, взятой в единстве творчества и личностной судьбы. Более того: так как Зиновьев был приверженцем последовательного и жесткого научного рационализма, признавал только такие утверждения, которые опираются на факты и проверяются ими, то он весьма скептически относился к философии во всех ее частях, за исключением научной методологии и логики. В действительности он создал продуманную и очень, как мне кажется, значительную этическую систему, этическое учение, которое называл учением о житии, зиновьйогой. Есть еще одно название — лаптизм, по имени главного героя его повести «Иди на Голгофу» Ивана Лаптева. Этим Александр Александрович хотел подчеркнуть русское происхождение своего учения. Этика Зиновьева изложена и в его поэмах: «Мой дом, моя чужбина», «Евангелие для Ивана», а также в его произведениях «Иди на Голгофу», «Живи», «Исповедь отщепенца». Кратко его жизненное учение,

---

* Впервые опубликовано: Зиновьевские чтения в Московском университете. Материалы Международной научной конференции (6–7 ноября 2008 г.) / Под ред. В. В. Миронова. М.: Современные тетради, 2009. С. 26–31.

его этика выражена в знаменитом утверждении: «Я есть суверенное государство». В основном обращают внимание на эпатирующую дерзость этого суждения, но мало кто задумывается над тем, что оно направлено против широко известного мнения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. «Можно, — говорит Зиновьев, и в этом состоит суть его жизненной позиции. — Я и есть суверенное государство». Прежде всего, здесь предполагается полная ответственность человека за свое существование. Даже более того, устроение собственной жизни — это и есть, согласно Зиновьеву, единственный предмет заботы человека и единственный предмет его ответственности.

Еще одно известное суждение Зиновьева: «Плевать мне на галактики, на звезды, на общество, моя собственная жизнь мне намного важнее и интереснее». Человек должен не просто отвечать за себя, но сам задавать программу своего существования. Согласно Зиновьеву, человек в своем нравственном выборе не должен руководствоваться какими-либо внешними нормами, кем бы они заданы ни были. Он должен самого себя рассматривать как некий источник, относиться к себе так, как если бы он нес в самом себе критерии различения добра и зла.

Человек обязан стремиться к полноте жизни, но в особом смысле. Зиновьев дает несколько понятий совершенства: совершенство как совокупность положительных качеств, некое идеальное состояние, и совершенство в другом значении, а именно как полнота всех качеств, свойств, без изначального расчленения этих качеств на положительные и отрицательные. Как в государстве, говорит Зиновьев, есть разные виды деятельности, разные функции, и они могут структурироваться по разным критериям, однако они никогда не структурируются по критериям добра и зла. Какая бы функция в рамках этого государства ни существовала, она имеет свое законное право и оправдание. Даже палач в государстве, которое практикует смертную казнь, не является злодеем, это обычный человек, который находится на государственной

службе. Итак, человек есть суверенное государство. Эта позиция Зиновьева вписывается в некий общий контекст развития европейской этики.

В принципе, в европейской этике было две крупные эпохи, два качественных состояния, которые одновременно представляют собой две тенденции и две линии напряжения моральной жизни вообще. Одна из них представлена именем Аристотеля, там этика понимается как учение о добродетелях, и сама этика сводится к добродетельности индивидов и к добродетельным поступкам. При этом в этике не находится места для неких общих правил, общих норм, ибо, согласно Аристотелю, нас интересует не вообще, что такое добродетель, а что такое добродетель в каждом отдельном случае. А раз так, то в каждом отдельном случае существует и своя мера. Даже знаменитый принцип середины Аристотеля не может считаться общим принципом, потому что середина применительно к каждой отдельной добродетели требует своего уточнения, она требует уточнения даже применительно к каждому конкретному человеку, который действует. Таким образом, здесь этика представлена именно в многообразии индивидуальных поступков.

Вторая крупная эпоха связана с именем Канта, который этику и мораль понимал как совокупность принципов и основное усилие направил на поиск всеобщего закона, управляющего нравственным поведением человека. Поиск абсолютного закона — это основная установка Канта. Он считал, что именно абсолютность закона поведения и является критерием нравственности этого закона. И Кант открыл этот нравственный закон, который применительно к человеческим разумным существам имел форму категорического императива.

Закон появился, но исчезли поступки, ибо особенность морального закона по Канту состоит в том, что он не может реализоваться в поступках. И даже, может быть, говорит Кант, не было ни одного поступка, который бы соответствовал этому закону и который был бы совершен ради долга. Возникает

противоречие: там, где были поступки, нет морального закона, нет правила, там, где появился закон, исчезли поступки. И этические усилия, и не только этические, но и практические, нравственные усилия людей в эпоху после Канта были направлены на то, чтобы вернуть в этику поступок, но вернуть таким образом, чтобы не отказываться от идеи морального закона, от идеи общезначимых норм, которыми руководствуются люди. Эти усилия привели к различным теориям, к различным практическим опытам, но тем не менее удовлетворительного решения не существует до сих пор.

Зиновьев предложил свое решение проблемы. Оно состоит в следующем: Иван должен стать философом, то есть каждый человек, отдельный индивид, должен сделать то, что делали философы, создавая этические учения как нормативные программы, достойные жизни. Философы пытались создать этические учения для всех людей, причем и в качестве абстрактных теорий, а каждый человек должен создать этическое учение для самого себя. И не для того, чтобы знать, что такое достойная жизнь, а для того, чтобы достойно жить. Задача выработки программы достойного поведения, нравственно оправданного существования является привилегией и обязанностью каждого человека. Именно таково значение формулы — «Я есть суверенное государство».

Человек должен как бы свою жизнь превратить в эксперимент. Он при этом не претендует на открытие последней истины. Согласно Зиновьеву, претензия человека является более высокой. А именно, он претендует на то, чтобы своей жизни придать достоинство окончательной истины. Такое понимание соответствует общей тенденции развития общественной морали. Смысл тенденции заключается в том, что решение вопроса, что есть добро, что есть зло, общество постепенно, и чем дальше, тем больше, делегирует самой личности, то есть опускает на конкретный индивидуальный уровень. Но возникает вопрос: как соотносится этика Зиновьева с его социологией, и прежде всего с идеей социальных законов?

По Зиновьеву, законы социальности — это законы организации, функционирования, развития больших масс людей. Законы эти объективны, они действуют без каких-либо исключений, действуют так же, как природные законы. И тот факт, что человек обладает сознанием, не отменяет объективности законов, а еще более усугубляет их. Именно благодаря сознанию эти законы как бы обнаруживаются более адекватно, то есть меньше оказывается каких-либо случайностей и разнообразия в их проявлении.

Более того, согласно Зиновьеву, социальная эволюция меньше зависит от субъективного фактора именно тогда, когда она становится управляемой. Он полагает, что именно на стадии сверхобщества эволюция становится управляемой и именно поэтому она меньше всего зависит от тех, кто управляет этим процессом.

Идея объективности социальных законов открыта не Зиновьевым, но, пожалуй, никто другой не отнесся к этому факту со всей обязывающей серьезностью и не сделал из этой констатации тех практических выводов, которые сделал Александр Александрович. Строгие законы социологии, или человеческих объединений, возникают, по Зиновьеву, из того простого факта, что эти объединения представляют собой объединения многих людей. То есть факт множества уже создает с неизбежностью некую строгость их функционирования. Скажем, любое объединение должно делиться на управляющих и управляемых, начальников и подчиненных. Оно должно сразу разнообразиться в функциях, должны появляться органы, которые эти функции выполняют. Эти объединения превращаются в «человейники», поскольку они живут исторически долго, обладают памятью, находятся на какой-то территории. И социальные законы, по которым функционируют объединения, и законы, которым подчинены социальные субъекты, есть законы экзистенциального эгоизма. Суть этих законов состоит в том, что они заставляют социального субъекта действовать исходя из своей социальной позиции, таким образом, чтобы сохранять эту позицию,

расширять ее возможности или занять более высокую позицию. Действовать в своих интересах внутри «человейника» и в интересах своего «человейника» в отношениях с другими «человейниками» — такова основа социальности.

Зиновьев приводит такой пример. Из двух работ, одна из которых оплачивается больше, чем другая, при всех прочих равных условиях человек всегда выберет ту работу, которая оплачивается выше. Отсюда вытекают некоторые следствия. К примеру, если человек выбрал менее оплачиваемую работу, он это сделал не потому, что она является менее оплачиваемой. Если он выбрал работу более оплачиваемую, то это могло быть только по той причине, что она является более оплачиваемой. Закон не имеет исключений. И в этом смысле он ничем не отличается от закона инерции Ньютона и других законов подобного рода.

Вывод, который делает Зиновьев: все те явления, которые мы морально квалифицируем, в том числе и те, которые мы квалифицируем как негативные, такие как эгоизм, ложь, продажность, демагогия, лицемерие, наряду с теми, которые характеризуются позитивными характеристиками, являются формами самоутверждения индивидов. Эти явления не что иное, как способ существования этих социальных законов, и возникают они не вопреки социальности, они и есть сама социальность. Именно социальность порождает все эти явления.

Однако социальные законы нельзя путать с нормами морали, права. Нормы морали, права человек и вырабатывает, чтобы защититься от этих законов, защититься от самого себя. Их действенность относительна. Они могут смягчить ситуацию, но чаще всего они сами становятся моментом действия этих законов.

Социальный мир, как и природный, такой, какой он есть, с ним ничего сделать нельзя. Это принципиальная установка Зиновьева. Не в том смысле, что его нельзя улучшить. Его можно улучшить, но нельзя улучшить таким образом, чтобы были устранены все те проявления социальности, которые людей не устраивают. Его нельзя улучшить таким образом,

чтобы исчезло неравенство, исчезла несправедливость, исчезла бедность. Точно так же, как и природное существование человека можно совершенствовать путем развития медицины, экологии, но его нельзя усовершенствовать таким образом, чтобы вообще не было болезней, не было смерти и т. д. Это обстоятельство нужно принять со всей жесткостью.

Надо сказать, что такое понимание социальности, общественных законов — это важная веха на пути выработки человеком более трезвого взгляда на самого себя и важная веха на пути разрушения иллюзий человека о самом себе. В этом направлении человечество прошло через ряд серьезных испытаний и кризисных состояний. Разрушение иллюзий было связано с открытием Коперника, когда выяснили, что Земля — это не центр Вселенной, вокруг которого всё вертится, а, напротив, лишь одна из планет, наряду со многими.

Следующий кризис самосознания связан с открытием Дарвина того, что человек не царь природы, а всего лишь звено в эволюционном процессе, которое возникло в результате определенных природных законов.

Но оставалась еще одна иллюзия и основание человечеству гордиться собой — как разумное существо, человек создал некую надприродную среду, которая являет собой царство разума и которая, по крайней мере в этом качестве, возвышает человека над остальной природой. Зиновьев разрушает и эту иллюзию. Он утверждает, что законы, по которым функционирует общество, есть такие же законы экзистенциального эгоизма, которые ничуть не отличаются от природных законов, в которые втянуты другие живые существа.

В этой связи я вспоминаю беседу с Александром Александровичем незадолго до его болезни. Мы гуляли вокруг университета, беседовали, и когда заговорили о том, что жизнь тоже кончится, я ему сказал, что нет у меня такого представления о человеке и мире, чтобы сам факт смерти поместился в это представление, чтобы он нашел там свое законное место. Такое представление, чтобы я мог оправдать сам факт смертности человека. И он мне ответил: «Я не хочу

даже думать об этом. Так это устроено в жизни — и всё». Это была его позиция.

И тут возникает вопрос: что же делать? Означает ли это, что жизнь в идеале невозможна? Означает ли это, что человек должен отказаться от представлений о моральном достоинстве как от каких-то иллюзий? Ответ Зиновьева: жизнь в идеале возможна, но за пределами социальности. Внутри «человейника», но не по законам «человейника» возможна как редкий случай, как борьба, как героизм.

«Если вы хотите противостоять законам тяготения, то вы строите самолет» — это его сравнение. Вот что-то подобное должно быть сделано и применительно к социальным законам.

Здесь возможны две линии поведения: или вы включаетесь в эту борьбу, в эту жизненную гонку, или вы уклоняетесь. И тот, кто все-таки придает какое-то значение идеальным представлениям, принимает всерьез моральные цели, у него нет другого пути, как уклоняться. Уклоняться — это не значит уйти в леса, или замкнуться в какую-то приватную сферу, или найти какую-то другую форму самоизоляции. Уклониться в этом смысле невозможно, поскольку человек живет в социальных объединениях, он подчиняется этим социальным законам, и не может не подчиняться. Точно так же, как мы в качестве природных существ подчиняемся природным законам, здесь нет никакого выбора. Уклонение состоит в другом, в том, чтобы, оставаясь в рамках социальности, жить по тем ценностным основаниям, которые человек себе задает. Зиновьев говорил, что социальные законы создают силовые линии, которые разворачивают мозги людей в одном и том же направлении. Эта одна из особенностей существования социальных законов. И поэтому нужно совершать поворот мозга, как бы выходить из строя.

О Зиновьеве говорят, что он всегда шел против течения, являясь великим вопрекистом. Это «вопреки», стремление идти против течения, не только индивидуальная, психологическая особенность Зиновьева, это и продуманная позиция,

поскольку именно законы социальности создают такие силовые поля, которые в определенном направлении настраивают мозг. Уклонение здесь может состоять в том, чтобы противостоять этому, чтобы находить противопринципы.

Зиновьев сформулировал эти противопринципы: «Будь терпим, сопротивляйся насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной энергией. Иди к людям, потому будь один. Имей всё, потому отдай всё. Смиряйся, бунтуя; бунтуй, смиряясь». Вот направление, в котором, с его точки зрения, должна была развиваться нравственная линия поведения человека в условиях жестких социальных законов. Этика Зиновьева опирается на его социологию, но в определенном смысле. Она вырастает как отрицание и противостояние, как индивидуальная борьба с социальными законами. Я завершу свое выступление развернутой выдержкой из его работы «Русский эксперимент», она четко формулирует его позицию.

«У меня нет никакой позитивной программы социальных преобразований. Но не потому, что я не способен что-то выдумать на этот счет, а в принципе. Любые положительные программы социальных преобразований имеют целью, и отчасти даже результатом, построение некоего земного рая. Но опыт построения земных раев всякого рода говорит о том, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий. Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинств. А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразование общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом, совершенствование в духе моего собственного идеала человека. По этому пути я фактически и шел до сих пор», — писал Зиновьев в 1995 г. Мы можем сказать, что по этому пути он прошел до конца.

УЧЕНИЕ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА*

Александр Александрович Зиновьев получил всемирную известность прежде всего как логик, социолог, писатель, обозначивший своим творчеством новые вехи в каждой из этих областей человеческой культуры. В логике он переосмыслил сами ее основы таким образом, чтобы она могла служить потребностям эмпирических наук; он предложил теорию логического следования, исключающую парадоксы, и сделал фундаментальное открытие, согласно которому в науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики. В социологии он впервые создал научные теории коммунизма, понимая под ним общество советского образца, и западнизма, понимая под ним соотнесенную с коммунизмом и альтернативную ему линию эволюции, которая воплотилась в сверхгосударственно-глобалистских тенденциях развитых капиталистических стран, ставших наиболее очевидными после Второй мировой войны. В литературе он создал новый жанр социологического романа, что позволило освободить художественное познание человека от деформирующих оков морализма и придать ему точность, сопоставимую с точностью научных выводов.

Выдающийся вклад Зиновьева в названные выше области культуры признан и в прямой форме авторитетных

---

* Впервые опубликовано: *Гусейнов А. А.* Предисловие // *Зиновьев А. А.* Иди на Гологофу. СПб.: Нева, 2004. С. 4–24.

суждений многих специалистов, и, что может быть еще более показательно, в косвенной форме целенаправленного замалчивания со стороны официального истеблишмента. Зиновьев явил себя обществу также в качестве поэта и художника. Сам он в целом, лишенный того, что именуется ложной скромностью, и стремящийся в оценках самого себя быть столь же беспощадным и искренним, как и в суждениях о других людях и обстоятельствах, не склонен придавать какое-то особое значение своим достижениям в этих областях деятельности. Исследователи его творчества в данном отношении также сдержанны. Как бы то ни было, однако, и поэзия, и изобразительное искусство вычленены в качестве самостоятельных аспектов того, что именуется феноменом Зиновьева[1]. Наряду с этим есть еще одна исключительно важная (возможно, даже самая важная) область его творчества, которая осталась в тени, хотя она составляет пафос всего его литературно-социологического творчества от «Зияющих высот» (1976) до «Русской трагедии» (2002). Ее можно обозначить как этику или, если иметь в виду новейшие тенденции развития этической теории и практики, как прикладную этику. Сам он называет ее учением о житии, в другом варианте — зиновьйогой.

Жизнеучение Александра Зиновьева изложено в поэме «Евангелие для Ивана» (1984), повестях «Иди на Голгофу» (1985), «Живи» (1988), поэме «Мой дом — моя чужбина» (1983), а также в автобиографическом сочинении «Исповедь отщепенца» (1990). Первые два из них вошли в данный сборник. В отличие от логики и социологии, которые суммированы — первая в сборнике «Очерки комплексной логики»[2],

[1] См. об этом выпущенную к его восьмидесятилетию и наиболее адекватно представляющую его творчество одноименную книгу: Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002.

[2] *Зиновьев А. А.* Очерки комплексной логики. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

а вторая в монографии «На пути к сверхобществу»[3], автор до настоящего времени не свел свое этическое кредо в привычную для европейской интеллектуальной традиции форму систематически построенного текста. И еще вопрос — поддается ли оно вообще такому обобщению, ибо, как говорит сам Зиновьев устами воплощающего авторскую позицию литературного героя, его можно изучать, излагать и даже практиковать в любом порядке. Свое учение он характеризует как принципиально бессистемное, ибо оно «имеет целью не вырвать человека из его привычного образа жизни, а улучшить его жизнь в рамках выпавшего на его долю жизненного пути»[4]. Имея в виду эту особенность, я ограничусь его общей характеристикой и буду при этом опираться главным образом на повесть «Иди на Голгофу», которая в интересующем нас аспекте является основной, можно сказать, программной.

I

Среди множества необычных суждений Зиновьева, пожалуй, самым необычным является его утверждение о том, что он есть суверенное государство. И это — не фигуральное выражение, а установка, которой, как уверяет Зиновьев, он придерживался всю жизнь. Когда французский король говорил: «Государство — это я», то это поддавалось рациональной интерпретации в том смысле, что все государство обслуживает короля, нацелено на него. В конце концов, речь шла о короле. А как понять обратное утверждение: «я — это государство», сделанное к тому же человеком, который не распоряжается ничем, кроме самого себя?! Тех, кто недоумевает по данному поводу, ждет еще более суровое умственное и моральное испытание, ибо выясняется, что

[3] *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000.

[4] Цит. по: *Зиновьев А. А.* Иди на Голгофу. СПб.: Нева, 2004. Здесь и далее ссылки на работы А. А. Зиновьева даются по этому изданию без указания страниц.

Зиновьев — не только самостоятельное государство. Он — еще и Бог. Относительно последнего тезиса следует оговориться, что оно корректно в той только мере, в какой автора можно отождествлять с литературным персонажем, являющимся основным и прямым носителем авторской идеи. Автор и его литературный герой — не одно и то же. Однако насколько ошибочно целиком приравнивать их друг другу, настолько же и даже еще более неверно полностью разводить между собой. И если герой не совпадает с автором, то часто в том смысле, что он — в большей мере автор, чем сам автор, ибо в его случае автор предстает не тем, кто он есть, а тем, кем он хотел бы быть и старается быть. Одна из особенностей Зиновьева-мыслителя состоит в том, что он более всего буквален и серьезен как раз в тех утверждениях, которые на первый взгляд кажутся самыми невероятными, парадоксальными, шутливыми. Отождествление героем самого себя с Богом относится именно к таким. Его внимательный анализ тем более важен, что проясняет действительный смысл жизненной формулы самого Зиновьева. Вообще степень соотнесенности автора с героем в случае учения о житии Зиновьева является особенно высокой, так как оно, о чем, в частности, мы узнаем из автобиографических свидетельств в «Исповеди отщепенца», было разработано Зиновьевым для самого себя и направляло его жизнь с такой полнотой, что последнюю можно считать экспериментом по отношению к этому учению.

Итак, главный герой повести «Иди на Голгофу», являющийся автором, носителем и проповедником учения о житии, считает себя Богом. В каком смысле? Что скрыто за этим предельным в своей дерзости утверждением?

Анализируя свою жизнь, Зиновьев выделяет следующий эпизод детства. Это случилось в 1929 г., когда он пошел в школу. Тогда регулярно проводился гигиенический осмотр детей, для чего надо было раздеваться догола. Узнав об этом, маленький Зиновьев снял нательный крестик и выбросил его. Его мать, глубоко религиозная женщина, не наказала его за это, но сказала ему следующее: наступило время безбожия.

Не надо ломать голову над тем, существует Бог или нет. Главное — жить так, как будто какое-то существо видит каждый твой поступок и читает каждую твою мысль. Оно оценивает их, одобряет всё хорошее и осуждает всё плохое. Зиновьев, как он признается, старался всю жизнь следовать этому наставлению матери. Также действует и герой его повести: «Для меня, — сказал я, — нет проблемы, существует Бог или нет. Верить в Бога и верить в существование Бога — не одно и то же. Я принимаю принцип: живи так, будто некое высшее существо наблюдает каждый твой шаг и помысел». Есть онтология знания. И есть онтология веры. Они принципиально различны. Онтология знания означает, что нечто реально существует. Мы можем знать только то, что на самом деле есть. Сперва бытие, потом знание. Онтология веры прямо противоположна: сперва вера, потом бытие. Вера сама создает реальность. В отличие от знания, которое вторично по отношению к реальности, она первична по отношению к ней. Герой Зиновьева говорит об этом так: «Вера не имеет никаких оснований вообще. Кто-то выдвинул формулу: верую, ибо это абсурдно! Он был близок к истине, но еще не был в самой истине. Я иду до конца. Я говорю: верую без всяких "ибо"». Быть Богом есть предельный случай веры. Это и есть вера в чистом виде. Человек может считать себя Богом в той мере, в какой он смотрит на себя глазами Бога. Он является им тогда, когда он живет и действует так, как если бы он был Богом.

Герой Зиновьева является Богом в качестве последовательного, законченного атеиста. Атеизм как безбожие еще не есть отсутствие Бога. Он означает лишь отрицание Бога. Тем самым Бог в какой-то форме допускается. «Если нет Бога, то нет и безбожников». Подобно тому, как вера в Бога, понимаемого в качестве отделенного от верующего существа, предполагает сомнение в его бытии и нуждается в помощи знаний (доказательств существования Бога), так атеизм, поскольку он является отрицанием Бога, имеет своей предпосылкой постулат о существовании Бога, допускает веру в него. Есть единственный случай, когда верующий человек является атеистом или,

что одно и то же, атеист — верующим человеком: если он сам есть Бог. «Бог не может верить в свое бытие, ибо он не может относиться к себе как к чему-то вне его самого». И в то же время он не может не верить в свое существование, поскольку он существует. Нет другого ответа на вопрос о том, как быть верующим без мракобесия, в качестве современного человека, то есть человека научной эпохи, атеиста, или, как будучи атеистом и оставаясь им, стать верующим, кроме того единственного решения, когда человек, перед которым стал этот вопрос, сам является Богом. Вот открытие, которое герой повести называет фундаментальным: «Он нужен именно потому, что Его нет и никакой загробной жизни не будет. Если бы Он был, Он был бы не нужен — вот основной парадокс бытия». Это говорится о Боге. Поистине: Зиновьев не для ленивого ума!

Герой, далее, о чем мы узнаем с первых же страниц повести, является Богом в силу бесконечного одиночества и абсолютной безнадежности, в силу обреченности на страдания. Когда человеку плохо, он оставлен всеми и ему не на что надеяться, он может обратиться к Богу. Это означает, что он еще не брошен полностью и не потерял все надежды. А к кому может обратиться Бог? Ему не к кому обратиться. Когда человек безысходно страдает, он может верить в то, что его страдания облегчит Бог. А кто облегчит страдания самого Бога? Их облегчить некому. Это означает, что когда человек находится в положении полного одиночества, без каких бы то ни было надежд, когда никто и ничто не может избавить его от страданий, тогда он находится в таком положении, в котором может находиться только Бог. «Быть богом — это значит идти на Голгофу».

Современный отечественный философ Э. Ю. Соловьев (один из немногих среди них, кто остался верен идеалам философского свободомыслия) высказался однажды так: «Если даже Бога нет, человек все равно не Бог». Зиновьев (по крайней мере, в повести, о которой идет речь) рассуждает иначе: если Бога нет, то это еще не основание отказываться от идеи Бога. Как человеку остаться верным Богу в ситуации,

когда он точно знает, что Бога нет? Тут нет другого пути, кроме как создать Бога, самому стать им. Предлагая такое решение, Зиновьев идет по пути, на котором у него были великие предшественники. Материалист Спиноза назвал субстанцию Богом. Фейербах, низвергший Бога с небес, создавал религию любви. Л. Н. Толстой, специальным определением Синода поставленный вне христианского православия, считал себя более истинным и последовательным христианином, чем его церковные хулители. Однако у Зиновьева есть одно существенное отличие. Прежние философы, которые не отказывались от идеи Бога, хотя и отвергали его богословскую версию, продолжали мыслить о нем онтологически. Зиновьев же подходит к идее Бога сугубо психологически и этически.

В психологическом плане осознание человеком себя в качестве Бога означает высшую ступень его личностного самоутверждения. Причем в двух смыслах. Во-первых, в том смысле, что он живет для себя. Речь идет не об эгоистической замкнутости индивида на своих интересах и выгодах, а о полном принятии им жизни в тех ее конкретных проявлениях, которые выпали на его долю, таком отношении к жизни, как если бы он был ее единственным носителем. Существует известное кантовское сопоставление нравственного закона в нас и звездного неба над нами, в котором первый бесконечно возвышается над вторым. Нечто подобное говорит и герой Зиновьева, правда, своим, менее выспренним языком: «Плевать мне на Галактики, звезды и общества. Для меня моя жизнь важнее и интереснее, чем, например, эволюция некой звездной системы за тридевять земель». Во-вторых, в том смысле, что он сам является основой своей жизни. «Всё дело в Вас самих», — говорит герой Зиновьева, перефразируя знаменитое изречение Иисуса Христа. Он в одном из своих необычных рассуждений под заглавием «Форма обращения к Богу» задумывается над тем, почему вообще надо обращаться к кому-то вне нас. Это, полагает он, связано с тем, что мы являемся продуктом европейско-христианской цивилизации, которая исходит из наличия в человеке некой субстанции «Я».

Каждый из нас есть «Я» от рождения и в ряде поколений. Нам, в отличие, например, от восточных людей, не надо сосредоточиваться на себе, чтобы породить, сформировать в себе некое «Я». «Оно в нас и без этого есть. Оно само прет из нас вовне. Нам нужны внешние опоры, дабы образумить свое внутреннее "Я"». И современный, образованный, научно мыслящий европеец, понимающий, что Бога вовне не существует, должен в себе породить Бога как некую инстанцию, удерживающую его рвущееся наружу и ни с чем не считающееся «Я». Или, как пишет уже сам Зиновьев в «Исповеди отщепенца», характеризуя место Бога в зиновьйоге, «одно из моих "Я" должно было стать моим собственным Богом со всеми его атрибутами»[5]. Вера человека в Бога связана с решением (это уже цитата из «Иди на Голгофу») «таких и только таких его проблем, решение которых зависит целиком и полностью от самого данного человека». Бог есть завершение человеческого «Я». Такое его завершение, при котором «Я» примиряется с миром и одновременно рассматривает себя в качестве его реформатора. Однажды, будучи на Кубе, я оказался в квартире служителя одного из африканских языческих культов. У него в прихожей стоял сервант, заполненный разными предметами (камнями, травами, палками и т. п.), среди которых было, между прочим, и изображение Девы Марии. На мой вопрос, что это такое, хозяин кратко ответил: «Это — мои боги». Человек христианской культуры отличается от этого замечательного язычника тем, что у него один Бог вместо многих и находится он внутри, а не вовне.

Основная функция Бога по Зиновьеву — этическая, моральная. Быть Богом для него — не удача, и еще менее награда. Это скорее страдание и мука. Богом личность не кончается. С него она только начинается. Бог есть начало. Когда говорится: некто есть Бог, то это лишь означает, что он сам определяет программу своего существования и живет в мире, который сам же создал. «"Я" есть учение о житии», — говорит

[5] *Зиновьев А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1989. С. 389–390.

Зиновьев вместе со своим героем. Собственно говоря, человек может считаться Богом только в той мере, в какой у него есть свое учение о житии, есть своя религия. Вот как рассуждает герой повести, который живет по своей системе и пользуется в своем городе славой всесильного врачевателя человеческих тел и душ: «Если Бог, по определению, есть существо, создающее религию, то я, по определению самого понятия Бога, есть Бог. Какая примитивная логическая операция, и какой грандиозный вывод!» Этот силлогизм, кстати заметить, не очень отличается от того, как официальные служители христианских церквей обосновывают свое право на пастырскую деятельность. Последние связывают это право с тем, что они являются законными, через поколения восходящими прямо к Христу истолкователями и хранителями его учения. А если человек сам создал такое учение и сам его проповедует, то он выступает в том же качестве, в каком выступал Христос.

II

Учение о житии Зиновьева исходит из фундаментальной предпосылки, что мир, включая и человеческое общество, объективен. Он живет по своим законам. Улучшая его, можно ухудшить, а ухудшая — улучшить. Во всяком случае тот, кто собирается усовершенствовать его, должен быть готов к тому, что, как говорится в одном из стихотворений из «Зияющих высот», он к старым мерзостям добавит лишь свои собственные. Мир, в том числе и самого себя в качестве части мира, надо принимать как факт — как жесткий факт, с которым никто, в том числе и Бог, ничего поделать не может. Человек (и в этом проявляется его божественное начало) может изменить отношение к миру, в реальном мире и поверх него создать свой собственный. Бомжующий Бог Зиновьева из «Иди на Голгофу» сравнивает себя и свою миссию с тем, кем был и что делал Христос, считает себя соразмерным ему. Вот что мы читаем в главе под названием «Суть христианской революции»: «Именно это и делал Христос — он оставлял без

внимания данный ему мир (он не нарушал законы его!), но изобретал такой новый разрез жизни в рамках этого мира, который означал максимально глубокую революцию в образе жизни людей. Он изобретал новый мир для людей!.. Я тоже хочу повернуть мозги людей в ином направлении». В каком?

Прежде всего надо открыть в себе душу как некое шестое чувство. Она не поддается и не требует естественно-научного объяснения. Тот, кто открыл ее в себе, знает, что это такое. Кто не открыл, тому рассказать о ней невозможно, как слепому нельзя объяснить, что собой представляют световые ощущения. Душа обнаруживается в поведении. Она совпадает со способностью различать добро и зло, делать добро и радоваться ему, препятствовать злу и печалиться ему. Душа — исток и пространство ценностного мира человека. Применительно к душе лишены смысла понятия смерти и бессмертия, которые относятся только к телу, хотя именно к одушевленному телу. Душа ориентирована на вечность. Она является пуповинной связью человека с вечностью — связью, которую цивилизация стремится обрубить.

Душа должна стать не просто центром забот человека, но единственной его заботой. И выражается это в том, как он относится ко всему тому, что не является душой. «Если мы не можем изменить обстоятельства, то мы можем изменить самих себя так, что обстоятельства потеряют смысл». Разъясняя, что это значит, герой апеллирует к Екклезиасту. Его знаменитое изречение «Суета сует, всё — суета и томление духа» проходит рефреном через всю повесть. Правильное отношение к душе обнаруживается через деятельное признание того, что всё остальное бренно, ничтожно, есть суета. «Моя претензия быть Богом, — читаем в повести, — есть максимальное из всех возможных человеческих претензий. Она неизмеримо выше желания стать миллионером, знаменитостью, диктатором. Она предполагает всемогущество и всеобладание… Потому никакие страдания и потери не могут остановить меня, ибо они — ничто в сравнении с тем, что я потенциально имею в качестве Бога».

К распятому Иисусу Христу злорадная толпа обращалась с выкриками «Спаси себя, если ты Бог». То же самое говорили ему завистливые книжники. Ужасным парадоксом Ницше назвал «Бога на кресте». Все они смотрели на ситуацию глазами человека. Они не поняли, что Иисус смотрел на вещи иначе, что в разрезе его взгляда на мир жалости был достоин не он, страдающий вверху на кресте, а они, радующиеся внизу этому факту, что он, как удачно выразился тот же Ницше в другом месте, своей смертью доказывал истинность своего учения.

Перед человеком, говорит Зиновьев, открываются два пути: «Либо окунуться в борьбу за жизненные блага по законам данного общества, либо уклониться от этой борьбы». Его решение однозначно: уклониться. Но уклониться — не значит анахоретствовать, изолироваться, замкнуться в искусственно созданную среду, ограничить общение узким кругом «своих» и т. п. И даже не значит уйти в себя. Речь идет о совершенно особом роде уклонения, когда человек глубоко укорененен в общественном быте, погружен «целиком и полностью в трясину жизни», но при этом духовно находится в особом мире и руководствуется собственными критериями ценностей и оценок. Зиновьйога отвечает на вопрос о том, «как быть святым без отрыва от греховного производства». В отличие от тех, кто ставил задачу перейти из земного ада в небесный рай, и тех, кто хотел преобразовать земную жизнь из адской в райскую, здесь ад и рай соединены в один неразрывный клубок. Позиция Зиновьева состоит в следующем: никуда человек из земного мира с его муками бренного существования уйти не может, ибо никакого другого мира, кроме этого, не существует. Ничего с земным миром, полным мук и страданий бренного существования, он поделать не может, ибо мир этот таков, каков он есть; его не то что нельзя улучшить, его нельзя улучшить, не ухудшая, нельзя улучшить таким образом, чтобы в нем не было страданий, болезней, смертей, бедности, подлости, зависти, всех прочих несчастий и мерзостей. Поэтому, если человек вообще не хочет отказаться от мечты о райской жизни, от своих идеалов, он должен научиться жить

райской жизнью, оставаясь в аду. Вот как об этом сказано в повести: «Допустим, — говорю я, — Царство Божие наступило. А дальше что? Как в этом Царстве Божием пребывать, то есть прожить по-человечески? Эта проблема потруднее той, какая стояла перед Христом». Такая постановка вопроса была порождена советской действительностью, которая прокламировала себя как воплощение вековых надежд человечества. Она, однако, сохраняет актуальность и в новых условиях российской демократии, которая хотя и не маркируется как земной рай, тем не менее считается, что это есть лучшее из всего возможного. А либеральное завершение истории, до которого додумались западные идеологи — разве оно не из того же ряда фактов?! Всё это нельзя рассматривать только как иллюзию сознания или идеологическую фальсификацию реальности. Действительно, современные передовые общества достигли такого научного, технического, медико-биологического уровня развития, такого материального благополучия и жизненного комфорта, которые многократно превосходят ожидания и мечты прошлого. Обычный обыватель сегодня имеет больше удобств, чем раньше их имели цари. В этом смысле нашу современную жизнь вполне можно считать осуществленным идеалом, воплотившейся утопией. Так что парадокс Зиновьева — как достойно прожить в уже состоявшемся земном рае, или, что одно и то же, как стать святым, оставаясь грешным, — вполне отражает дух времени. Что же он предлагает? Прежде чем обратиться к конкретике учения о житии, рассмотрим еще одну его особенность.

III

Главного героя повести «Иди на Голгофу» зовут Иван Лаптев. Его учение соответственно — это «лаптизм». Имена у Зиновьева (как собственные, так и символизированные типа «балбес», «претендент», «шизофреник», «болтун» и т. п.) всегда несут смысловую нагрузку, обозначают основную идею (роль, функцию, социальную позицию), которую воплощает

соответствующий персонаж. В данном случае он хотел подчеркнуть национальный характер, русскость своего этического учения. К тому же Иван Лаптев, этот русский Бог, прямо говорит от имени русских и для русских.

Замкнутость учения о житии на своеобразие русского образа жизни Зиновьев познал, оказавшись на Западе. Он пишет, что создавал это учение не как замену прежних концепций такого рода и не как некую истинную систему для людей вообще, а как свод правил для себя и людей такого же социального типа, как он сам. Причем свод таких правил, которые сразу пускались в дело в качестве практической платформы собственной жизни. Вот его слова по этому поводу (из той опубликованной во Франции в 1990 г. части книги «Исповедь отщепенца», которая по-русски еще не издавалась):

> Мало придумать свою систему жития, нужно иметь еще опыт жизни согласно правилам этой системы, тренировку. В Советском Союзе я такой опыт имел ежедневно в изобилии. Мои тренировки заключались в определенном поведении в советском коллективе и советском обществе в целом. Помимо упомянутых выше тренировок в моем стремлении быть гражданином моего типа нужны были еще другие условия. Важнейшие из них: 1) гарантированное положение в обществе; 2) возможность демонстрировать окружающим мои гражданские качества, быть признанным в этих качествах; 3) убеждаться в том, что я сохраняю эти качества и в окружении моем есть люди, которые это ценят. Позиция, выражаемая формулой «я есть суверенное государство», была позицией не изоляции от людей, но позицией поведения среди людей. Более того, она предполагала даже более интенсивные, разнообразные и широкие общения, чем обычная позиция человека в обществе.

На Западе это учение оказалось непригодным. Зиновьйога — дерево, которое плодоносит на русской почве. Что же такого особенного заключено в этой почве?

Сразу надо оговориться: Зиновьев ни в коей мере не является русским почвенником и еще меньше русским националистом в этническом смысле или в смысле квасного патриотизма. Такого рода жизненные позиции он категорически отвергает. Говоря о своеобразии человеческого материала, создавшего Россию и русскую историю, он имеет в виду прежде всего и исключительно образ жизни, социологически обусловленные стереотипы поведения. Русские, по его мнению, отличаются гипертрофированностью коллективных форм быта, тем, что в их общественном строе коммунальный аспект жизни явно превалирует над деловым и формально-юридическим. Это было характерно для досоветской России, характерно для современной — постсоветской — России, однако свои развитые, классически упорядоченные формы это имело в России советской. Советский коллектив как первичная социальная клетка и организация всего общества, представляющая собой сложную, внутренне структурированную и иерархизированную систему отношений в форме коллективов — вот что более всего подходит русскому народу (как бы его ни называть — православным, советским, российским) и предоставляет наилучшие шансы для его развития. Это — не преимущество России. И не ее недостаток. Это — ее особенность.

«Общинность», «соборность», «коллективизм» — эти понятия для большинства мыслителей, стремящихся выразить духовный строй русского народа, его национальную идею, являются вдохновляющими. Ими они описывают моральную добротность народа, его высокую миссию в истории. Беспощадно трезвый Зиновьев смотрит на вещи совершенно иначе. Для него превалирование коллективного начала во всем жизнеустройстве означает разгул социальности, сущностью которого является экзистенциальный эгоизм. Это — не столько благо, которое нужно лелеять, сколько социодарвинистская стихия, от которой надо защищаться. Человек в этих условиях оказывается постоянным объектом лицемерия, обмана, зависти, подсиживания, жалости, заботы,

интриг, демагогии и т. п. И он сам, поскольку он принадлежит к социальному объединению, действует по тем же законам, подобно тому, как в качестве природного существа он живет по биологическим законам. Зиновьйога — защита человека от себя, других людей, социальных групп и организаций. Это учение действенно не для обществ с атомизированной структурой, а для обществ именно российского типа, где социальность в разных формах коллективности навязывает себя индивидам, не отпускает их из своих теплых, родных объятий.

Есть еще одна особенность российского быта, которая связана с учением о житии, в частности с заключенным в нем способом противостояния социальности (уклонения от борьбы за социальные блага). Это — пьянство. («Есть в жизни удивительное постоянство. / Весь мир сто раз, как в Октябре, перетряси, / Но все равно веселием Руси / Вовек останется безудержное пьянство».) Позволю себе одно личное воспоминание, связанное с Александром Александровичем Зиновьевым. Мы как-то вдвоем были у него дома, выпивали понемножку и разговаривали о всякой всячине. Это была чисто дружеская встреча. Речь как-то зашла о том, что американцы увлечены бегом трусцой, вообще зациклены на здоровье. «У каждого народа, — сказал Александр Александрович, — есть свой способ сходить с ума». — «А как же сходят с ума русские?» — спросил я. «А вот так, как мы сейчас с Вами», — ответил он.

Иван Лаптев, который впервые появляется на страницах повести отсыпающимся в детской песочнице после очередного перепоя и который называет себя «инициатором и вдохновителем пьяных сборищ», «теоретиком и поэтом пьянства», — большой специалист по части пьянства. Да и сам Зиновьев, по его собственному признанию и по свидетельствам его друзей, не является в этом деле дилетантом. В данном случае опять-таки нельзя обманываться словом. Под пьянством автор понимает определенный образ жизни. Это — не медицинское явление в смысле физиологической тяги

к спиртному, не моральное состояние распущенного, порочного поведения, хотя, разумеется, и то, и другое сопряжено с пьянством. Это — и не момент социальной борьбы за выживание, хотя случаи его использования в целях подсиживания, карьеры не являются редкими. Пьянство как русский феномен есть род символического поведения. Вот как об этом рассуждает Иван Лаптев:

> Пьянство, как такое, есть только у нас. Это не алкоголизм (как у американцев, финнов, шведов) и не форма питания (как у французов и итальянцев), а наша фактически национальная религия, адекватная нашему духу и образу жизни. Конечно, наше пьянство переходит в свинство. Но и свинство есть наша национальная черта. Пьянство без свинства — это вовсе не пьянство, а выпивка в западном стиле. Или грузинство. Русский человек пьянствует именно для того, чтобы впасть в свинство — и учинить свинство. Выпивка предполагает выбор компании, душевное состояние и прочее. Пьянство ничего не предполагает. Пьянство — это когда попало, где попало, что попало, с кем попало, о чем попало. Это — основа для всего прочего: и для компании, и для душевной близости, и для любви, и для дружбы…

Сурово! Такие слова не говорят о великом народе. Но, с другой стороны, нужно принадлежать к великому народу и быть соразмерным ему, чтобы уметь и сметь сказать такое.

Итак, что же символизирует пьянство? Об этом мы узнаем из гениальной поэмы «Евангелие для Ивана». В ней мы находим настолько полное описание и глубокий анализ данного феномена, что к этому вряд ли что-либо могли бы добавить психология и социология с их традиционными методами. Она нуждается в специальном, в том числе философско-эстетическом, исследовании. Я ограничусь лишь общей характеристикой того, как в ней преломилось учение о житии. С этой точки зрения интерес представляют три

вопроса, причудливое сочетание которых составляет внутренний идейный пафос поэмы: 1) от чего и кого, 2) с кем, 3) ради чего люди уходят в пьянство?

Первый вопрос является основным. На него автор отвечает неспешно, с эпической полнотой и любовью к деталям. С самого начала мы узнаем основную причину «иванского учения». Она состоит в том, что «Век поэтический остался позади, / А впереди, увы, не светит веком прозы». Люди уходят в пьянство из ада и от ада. От того, что «не люди сущность бытия, а лишь эпохи», что приходилось убивать и самому гореть. От воспоминаний о лейтенанте, истекающем кровью. От сплошного обмана историков и философского лжемудрия. От болтушек из ЦеКа. От дрянной жены. От скучной работы. От начальства, что «то гнида, то сука». От гнусных щей и вонючих котлет. От отчаяния, непереносимой тошноты жизни («Криком кричать бы, / Завыть бы истошно: / Тошно, товарищи, / Как же мне тошно!»). От того, что «о душу окурки тушат». От трудовых вахт и починов. От того, что приходится сгибаться «перед всякой чиновной вошью». От женских измен. От опустившихся женщин. От невыносимых соседей. От стукачей. От властей, которые от Бога. От рож сослуживцев. От поучений свыше. От не признанности. От клеветы. От вынужденного холуйства. От постоянной неудачливости. От несбывшихся мечтаний. От страха смерти. От «ликующего прогресса». От томления духа. От ожидания нового Степана Разина. От изломанности дороги жизни. От того, «А чтоб здоровый коллектив / Меня исправить не пытался». От занудного серого дня работы. От того, чтобы не превозносить кретинов «И обязательств не давать / Прожить пять лет в четыре года». От предательства друзей. Словом, от «мерзости бытия». Такой мерзости, перед которой не устоял бы сам Господь: «На месте моем, — я скажу ему, — Боже, / И ты бы напился до одури тоже». Такой мерзости, что, оказавшись на небе перед Высшим Судьей, остается только просить его о том, чтобы остаться мертвым. На вопрос Бога честно рассказать, что ты там натворил, следует ответ:

Честно? Этому, Господи, я не учен.
Лучше сам загляни в свои книжки — гроссбухи,
Сам увидишь, что я — заурядный злодей,
Не протягивал слабому помощи рук.
Признаюсь, обижал безнаказно людей.
И душою кривил, признаюсь, многократно.
Доносил добровольно и в силу причин.
Клятву верности брал, приходилось, обратно.
Зад лизал с целью выйти в желаемый чин.
Лицемерил один. Клеветал коллективно.
Подпевал демагогии высших властей.
Руку жал проходимцам, хоть было противно.
Так что видишь, Всевышний, прожил я безгрешно.
Если хочешь добром или злом наградить,
Если просьбы уместны при этом, конечно,
Прикажи меня впредь никогда не будить.
Мне известно, что мертвым не больно, не стыдно.
И не мучает совесть их, как говорят.
Ну а главное — мертвым не слышно, не видно,
Что на свете живые с живыми творят.

Ответ на второй вопрос связан с первым. Пьянствуют со всеми, с кем придется. То есть практически с теми же, кого хотят забыть. В поэме это — бывшие летчики, полковник, историк, социолог, поэт, интеллигент, инвалид, старикан, молодые, либералы, старый писатель, атеист, распутник, праведник, сосед, стукач, сослуживец, непризнанный гений, бунтарь, самоубийца, неудачник. Словом, пей «С бухгалтерами, токарями, / Пей с комс- и партсекретарями, / Пей с мусульманином, буддистом, / С завхозом пей, с попом, с артистом, / Пей в одиночку, пей в компашке, / Пей из горла, из банки, чашки, / Пей лучше много, а не мало, / Пей где, когда и с кем попало».

Состав индивидов, с которыми пьянствуют, один к одному совпадает с теми, из-за которых (чтобы забыть которых) они это делают. Это понятно, ибо других не существует. Данное обстоятельство очень показательно. «Иванское учение» есть не уход из мира (из него уйти нельзя, ибо другого мира не существует), а особая позиция в нем. Оно утверждает мир

в форме его отрицания, в другом его качестве. И здесь мы переходим к вопросу: «Для чего?»

Ответ прост: для того, чтобы послать всех «на» и выйти «в иное, высшее пространство!». Пространство это представляет собой особое «людское братство»; кабак в поэме именуется храмом, где можно ощутить «души родство с таким, как сам, народом». Другая его особенность — в нем живут не завтрашним днем, а сегодняшним. Здесь достигается полнота переживания жизни как «здесь» и «теперь», как данного остановившегося мгновения: «Пока живой, одно усвой: / Живи сейчас, пока живой». Еще одна — быть может, самая важная — черта пьяного зазеркалья состоит в ощущении свободы, которая, правда, обнаруживается и в малоприятной предметной форме, когда собутыльники могут изрезать друг друга в кровь и тут же без всякой паузы начать обниматься («Меня ты уважаешь, я тебя спрошу, / А хочешь я влеплю тебе по харе?!»), но прежде всего, конечно, в говорении, трепе, изливании душ. «И с собутыльником на пару / Позволь трепаться до утра», — говорится в одной из молитв «Евангелия для Ивана». И неважно, что этот собеседник является, например, стукачом: «Сидящий в одиночестве был рад и палачу». Пьянство — это уход от одиночества, от самого страшного, безнадежного одиночества в массе, в «любящем» тебя коллективе. Парадокс жизни состоит в следующем. Пьянство, которое прямо и очевидным образом разрушает личность, итогом которого оказывается, что «Нету должности, денег, семьи, / Все друзья — алкаши да пропойцы», является в то же время формой утверждения человеческого достоинства, попыткой вырваться из клетки, из которой вырваться нельзя, улыбнуться в ситуации, в которой можно только выть. В поэме есть главка под названием «Национальная программа». Там дан исчерпывающий ответ на вопрос «для чего?».

К концу подходит наш двадцатый век.
Хотя бы вы поймите, выпивохи:
Иван есть тоже человек,
А не орудие эпохи.

IV

Этика есть взгляд на действительность сквозь призму противоположности добра и зла. С этой точки зрения учение о житии является настолько необычным, что возникает оправданное сомнение относительно того, можно ли его вообще считать этическим. Насколько мне известно, Зиновьев не высказывался развернуто по данному вопросу. Эскизно, на уровне методологического основоположения, его позиция сформулирована устами Ивана Лаптева следующим образом: «Зло за зло — вот практически действующий принцип нашего жития. Бог уже не в силах противостоять этому… Я не учу ни добру, ни злу. Я учу тому, как жить в таком разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла». Стремясь понять, как это возможно и что это значит, можно указать на три момента.

Во-первых, учение о житии Зиновьев (как и его литературное альтер эго Иван Лаптев) разработал не для того, чтобы осчастливить человечество, а для самого себя. Приведенная выше цитата была из главки «Добро и зло», а в другой расположенной рядом главке, «Снова о добре и зле», точно сказано: «То, что человек делает лично для себя, не есть добро и не есть зло». Богом, если под этим понимать инстанцию, задающую поведению вектор добра, является в индивиде одно из его «Я». А у него наряду с этим есть другие «Я», десятки, сотни, а может быть и тысячи других «Я». Индивид в его сокровенной духовной сущности — не одно из его «Я», пусть даже самое высшее в нем, а их целостная совокупность, составляющая уже его индивидуальное «Я». Индивидуальное «Я» человека как душу, противоречивую, объемную целостность, следует отличать от его абстрактных, плоских ролевых «Я».

Зиновьев говорит, что есть два понятия совершенства. В одном значении совершенный человек — идеальный человек, состоящий из одних положительных качеств. Во втором значении «абсолютно совершенный человек — это существо, которое в потенции обладает всеми мыслимыми качествами, причем не только хорошими, но и плохими. Совершенный

человек в этом смысле способен приспособиться к любой ситуации, выжить в любой ситуации, жить в любых условиях». Такой совершенный человек реализуется в массе человечества. Учение о житии имеет в виду совершенство во втором значении; его предмет — как распорядиться богатством абсолютно совершенного существа (исторически сформировавшимися потенциями человечества) в индивидуальном опыте.

В свете сказанного намного ясней становится смысл зиновьевского утверждения: «Я есть суверенное государство». Государство — сложное, многоаспектное, иерархизированная конструкция; в ней есть разные формы и уровни власти (а не только законодательная), разные занятия, разные территории и т. д. Эти элементы можно квалифицировать по удельному весу, официальному статусу и иным признакам, но не по критерию добра и зла; в государстве, практикующем смертную казнь, даже палач не считается злодеем. В «Я», которое есть суверенное государство, есть все то, что практикуется в современных государствах, представляющих собой организованную жизнь миллионов людей, но только в том виде, в каком оно («Я») само считает правильным. Это не значит, что любой индивид и на любых принципах может построить суверенное государство. Чтобы построить суверенное государство, нужно как минимум руководствоваться идеей суверенности, что задает совершенно иную шкалу ценностей и оценок, чем та, по которой строится жизнь массы и поведение индивида в массе.

Во-вторых, учение о житии предназначено не для того, чтобы плохой мир сделать хорошим или опереться в мире на хорошее, избегая плохого, а для того, чтобы уклониться от мира, оставаясь в нем со всей его грязью (негативное отношение к реальности и его неприятие является предпосылкой всякой этики — в противном случае был бы непонятен сам этический взгляд на мир). И если, предположим, уклонение от мира, в его этически зафиксированном негативном качестве, сам способ этого уклонения считать добром, а деятельное пребывание в нем — злом, то человек даже тогда, когда

он достигает уровня Бога («суверенного государства»), будет таким клубком добра и зла, конца которого невозможно распутать. Сама исходная диспозиция учения о житии предполагает, что добро делается через зло, и в этом смысле выводит за рамки этой противоположности, по крайней мере в ее традиционном толковании, когда одно начисто отделяется от другого как в формуле: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого — от лукавого». Поэтому логическая противоречивость становится нормой учения:

> Будь терпим — потому сопротивляйся насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. Иди к людям — и потому будь один… Имей все — и потому отдай все. Смиряйся, бунтуя. Бунтуй, смиряясь. Короче говоря, на каждый принцип есть противоречащий ему, через который он и осуществляется.

В-третьих, «лаптизм, строго определяя стратегию жизни, представляет человеку полную свободу тактики жизни. Разумеется, в пределах, очерченных общими принципами». Определить в общем смысле, что есть добро, а что есть зло, нельзя. Нужны каждый раз конкретные решения для конкретных индивидов в конкретных ситуациях, для чего нет иного пути, как самому стать критерием добра и зла. Это не значит, что образцы и заповеди не имеют значения. Имеют, только их должно быть много, «может быть, сотни или тысячи» (в этом отношении учение Зиновьева — Лаптева ближе к Моисею, чем к Христу). Кроме того, они должны быть столь точны, чтобы «советы для конкретных случаев получались как их следствия», т. е. чтобы они заново и самостоятельно создавались самим действующим индивидом.

Учение о житии заключает в себе огромное количество (по-видимому, сотни) правил применительно к разным сферам жизни и обстоятельствам, а также анализ почти такого же количества типовых случаев. Всё это вместе образует целый человеческий мир, ценный не своей логической

строгостью, эстетической красотой, выраженностью неких моральных принципов, а тем прежде всего, что он есть, есть в качестве действенного, человечески осмысленного мира, сотворенного вот этим человеком — Александром Зиновьевым, Иваном Лаптевым. Иван Лаптев — не Бог, который создает мир по своему подобию, а Бог, которому случилось жить в мире, не знающем никакого подобия. Он творит не мир, а самого себя.

Из всей совокупности правил «лаптизма» наибольший интерес с точки зрения его интерпретации в качестве этического учения представляют правила, объединенные рубрикой «Я и другие» (они также буквально воспроизводятся Зиновьевым в «Исповеди отщепенца» в качестве собственного кредо). Назову только некоторые из них: *Держи людей на дистанции. Относись ко всем с уважением. Не привлекай к себе внимания. Свою помощь не навязывай. Не лезь к другим в душу, но и не пускай никого в свою. Не поучай. В борьбе предоставь противнику все преимущества. Не насилуй других. Вини во всем себя*. Эти правила, на первый взгляд, как будто бы можно обобщенно свести к моральной заповеди любви к ближнему. В действительности здесь речь совсем о другом. В многочисленных текстах Зиновьева можно встретить разные утверждения, но чего в них точно нет и в принципе не может быть, так это этической максимы любви к ближнему. Цитировавшийся выше свод правил отношения к другим начинается с правила «Сохраняй личное достоинство» и кончается правилом «Никогда не рассчитывай на то, что люди оценят твои поступки объективно… Помни: Ты есть единственный и высший “объективный” судья своего поведения, ибо оно есть твое поведение, и ты волен судить его по своему усмотрению».

Совокупность правил отношения к другим, по Зиновьему, предназначена для того, чтобы блокировать исходящие от них опасности. Парадоксальный реализм его мысли состоит в утверждении, что своим уважительным отношением к другим мы защищаемся от них. Каждое живое существо

предохраняет себя по-особому: источая определенные запахи, становясь незаметным, демонстрируя агрессивность, быстро убегая и т. д. Человек делает это с помощью сознательных, согласованных и общепризнанных норм поведения — норм, которые, собственно говоря, и создают зону их безопасного совместного существования. Идеи Зиновьева в этом вопросе похожи на концепцию социогенеза Томаса Гоббса. Разница состоит в следующем. Гоббс полагал, что естественное для людей состояние войны всех против всех преодолевается созданием государства. С точки зрения Зиновьева, государственно организованная социальность жизни имеет неистребимую конфликтогенную природу и если отличается от естественного состояния, то только тем, что здесь борьба становится еще более жестокой и опасной. Выход состоит в том, чтобы каждому становиться своего рода суверенным государством. Какой бы необычной позиция Зиновьева в данном вопросе ни казалась, следует признать, что это один из немногих в истории философии рационально аргументированных ответов на вопрос о том, почему индивид, озабоченный единственно тем, чтобы самому стать совершенным, выверить свою жизнь в некой абсолютной перспективе, должен еще думать и заботиться о других людях.

V

В заключение — несколько слов о том, как учение о житии связано с социологией самого Зиновьева и насколько оно вписывается в общий контекст развития европейской этики.

Вопрос о связи с социологией выше уже был затронут. Социальные законы (законы социальности), представляющие собой законы организации, функционирования и развития больших масс людей (человейников), являются такими же объективными, жесткими в своей объективности, как и законы природы. Тот факт, что социальные субъекты (человеческие индивиды, рассмотренные в качестве членов и в составе социальных объединений) обладают сознанием,

не противоречит объективности социальных законов. Более того, он способствует уменьшению случайности и разнообразия в проявлении законов социальности до такой степени, что социальная эволюция стала менее всего зависимой от субъективных факторов, сознательных решений и действий отдельных лиц именно тогда, когда она стала управляемой — на современной стадии сверхобщества.

На базе законов социальности и в пространстве их действия нет места ни для человеческой свободы, ни для морали. И то и другое возникли только, во-первых, как индивидуальный способ существования, во-вторых, за пределами социальности, как уклонение от ее законов. На этих предпосылках и строится учение о житии. Подобно тому, например, как человек строит самолеты, чтобы вырваться из железных тисков законов тяготения (сравнение Зиновьева), и при этом он это делает, действуя в их же рамках, точно так же он создает идеальное общество в самом себе, чтобы вырваться из-под гнета общества, и он может это делать, оставаясь в обществе и через его посредство. Можно сказать так: законы социальности содержат в себе возможность морали в отрицательном смысле, т. е. в том смысле, что последняя возможна только как их отрицание.

Учение о житии Зиновьева продолжает и дополняет его социологию. Без него последняя была бы беспросветной. Более того, в индивидуальном жизненном замысле Зиновьева, по его собственному признанию, сама социология была разработана для того, чтобы выработать адекватное учение о житии и найти в жизни место самому себе в качестве идеального коммуниста. Таким же является и их объективное соотношение между собой. И если верно, что учение о житии находит свою негативную обоснованность в социологии, то еще более верно, что социология Зиновьева может быть адекватно понята и разумно осмыслена только с учетом и в свете его учения о житии.

В одном из своих рассуждений Иван Лаптев говорит, что Бог есть самоучка. То же самое можно было бы сказать

о Зиновьеве как авторе учения о житии. Последнее непосредственно не соотнесено ни с какими философскими, этическими учениями. Автор если и учитывал их, то, видимо, только в том общем смысле, что он их все отбросил. И тем не менее учение о житии может быть рассмотрено сквозь призму той проблемно-теоретической ситуации, которая возникла в ходе развития философской этики.

Европейская этика прошла две крупные стадии, которые являются в то же время двумя ее важнейшими тенденциями. Первая связана с именем Аристотеля и сводит мораль к моральным поступкам. Человека интересует не что такое добродетель вообще, а что такое добродетель в данном конкретном случае и не как относиться к людям вообще, а как относиться к данному конкретному индивиду, с которым приходится иметь дело сейчас и в данных обстоятельствах. Не существует общих критериев и правил, позволяющих отличить добродетельный поступок от порочного. Каждый поступок имеет свою собственную нравственную меру, и она выявляется (задается) самим действующим индивидом. В этой теории нет ответа на вопрос о том, как сделать так, чтобы совершаемый индивидом добродетельный поступок был бы таковым и для всех тех, кого он касается. Этот вопрос является существенным, ибо поступок тем отличается от намерений, что выводит индивида в мир людей, область отношения с другими. Чтобы поступок был приемлем для двух и более индивидов, он должен быть абстрагирован от каждого из них в отдельности или особенности и рассмотрен как подчиненный некоему общему, признаваемому ими всеми правилу.

Поиск правил (принципов) морали стал основной линией развития этики Нового времени, что нашло свою кульминацию у Канта. Кант свел мораль к моральному закону, который обладает абсолютной необходимостью, является единым и единственным для всех разумных существ. В случае человека он приобретает форму категорического императива. Категорический императив тождествен доброй (чистой в смысле отсутствия каких-либо иных мотивов) воле

и функционирует исключительно как долг, который противостоит склонностям. Он не может найти адекватного воплощения в поступке и в строгом смысле слова не нуждается в этом. Долг Канта — это долг перед человечеством, долг человечности, а не долг перед конкретными индивидами, с которыми приходится иметь дело в повседневной жизни. Кант решил проблему общезначимости морали, но ценой того, что из нее исчезли поступки.

По Аристотелю, есть единичные моральные поступки, но нет общего морального закона. По Канту, есть всеобщий моральный закон, но нет конкретных моральных поступков. Эти позиции очевидным образом односторонни. Развитие этики после Канта было стремлением вернуть в этику поступок, но таким образом, чтобы не отказываться от идеи общезначимости морали. Она до настоящего времени не нашла решения этой проблемы. Учение о житии дает свое совершенно неожиданное ее решение и соединяет концы, которые в истории философской этики остаются разорванными. Это решение состоит в следующем: Иван должен стать философом. Каждый человек должен сделать то, что философы хотели сделать для всего человечества: выработать этическое учение как нормативную программу достойной человеческой жизни. Разница заключается в том, что философы создавали такие программы для людей вообще, в качестве абстрактных теорий, претендуя каждый раз на истину в последней инстанции. Реальные же люди (Иваны) создают их каждый раз для себя, создают не для того, чтобы знать, что есть достойная жизнь, а для того, чтобы достойно жить. Они руководствуются каждый своим жизнеучением с такой полнотой, что превращают собственную жизнь в эксперимент, своего рода испытательное поле по отношению к нему. Строящий свою жизнь таким образом человек не претендует, подобно философам, на то, что он открыл последнюю, окончательную истину. Его претензия бесконечно выше: он придает своей жизни достоинство последней, окончательной истины.

Есть еще одна коренная проблема человеческого существования, над которой билась и бьется (пока что безуспешно) этическая теория: как соединить человеческую жажду счастья и его стремление к добродетели. Предлагались различные варианты такого соединения. Одни говорили, что нужно правильно и полно наслаждаться и это сделает жизнь добродетельной. Это — программа гедонизма. По мнению других, нужно правильно понимать добродетель и противопоставить ее в качестве внутренней стойкости различным превратностям судьбы, что автоматически сделает жизнь счастливой. Это — программа стоицизма. Третьи говорили, что нужно научиться правильно рассчитывать свою пользу и тогда счастье каждого сольется в общую добродетель как наибольшее счастье для наибольшего числа людей. Это — программа утилитаризма. Были и другие варианты. Один из самых интересных, например, предложил и опытом своей жизни реализовал Альберт Швейцер. Он считал, что первую половину жизни человек должен жить для себя (для счастья), а вторую — для других (для добродетели). Учение о житии и в этом случае предлагает оригинальное решение вековечной проблемы: оно учит тому, как стать святым (добродетельным), без отрыва от греховного производства (счастья). С точки зрения Зиновьева, соединение добродетели и счастья, недостижимое в масштабе общества и по общей формуле, вполне возможно в масштабе личности и по индивидуальной формуле. Ведь Иван Лаптев, если рассматривать его как художественный образ, следуя созданному им же учению о житии, живет по-своему счастливой жизнью — является видной в городе фигурой, пользуется успехом как поэт, проповедник и целитель, не обделен вниманием женщин, живет в свое удовольствие, ничуть не страдая от того, что эти удовольствия по общепринятым меркам могут считаться ничтожными, как, например, просто возможность растянуться на раскладушке.

Учение о житии есть учение о том, как быть личностью. Как быть личностью не тогда, когда ты занимаешь привилегированное положение в обществе, имеешь слуг, живешь

в собственном доме, тебя охраняет полиция и т. д. А тогда, когда у тебя ничего этого нет. Как быть личностью, несмотря ни на что. Как быть ею среди мерзости бытия. Достоевский показал, что если нельзя убивать старую, никому не нужную, всем вредную старуху-процентщицу, то это значит, что нельзя убивать никого. Зиновьев показал, что если можно быть личностью в условиях оргии коллективизма и коммунальности, то это значит, что ею может быть любой и всегда. И кто из либералов, какой Поппер, Хайек, Фридман подняли идею личности на такую высоту, на какую ее поднял «коммуняка», критик и певец коммунизма Александр Зиновьев?!

ЖИВИ И ЗАБУДЬ![*]

И ниже земли невозможно упасть.
А. Зиновьев

Один из исследователей назвал Александра Зиновьева человеком ренессансного типа, имея в виду многогранность его гения. Действительно, в нашу эпоху все более заужающейся специализации Зиновьев поражает широтой творчества. Его достижения в области логики, социологии и художественной литературы составили веху в каждой из этих областей духовной деятельности. Наряду с этим он является выдающимся философом-моралистом, поэтом, художником. Однако многогранность не исчерпывает своеобразие феномена Зиновьева и даже, может быть, не является в нем самым примечательным. Более важным и удивительным, с моей точки зрения, является то, что он замечательным образом соединяет, синтезирует разные виды творчества. Более того, ориентация на синтез, целостность видения мира является его сознательной установкой. Свою логику он назвал комплексной. Комплексностью характеризуется также его социология, в которой общество как форма и результат жизнедеятельности масс рассматривается в неразрывном и обуславливающем друг друга единстве делового, коммунального и идеологического (менталитетного) аспектов. Комплексность (правда,

[*] Впервые опубликовано: *Гусейнов А.А.* Предисловие // *Зиновьев А. А.* Живи. СПб., 2004. С. 4–18.

еще плохо выявленная критиками) составляет особенность его эстетического метода, имея в виду присущее последнему и единственное в своем роде сочетание гротеска и обыденщины, натурализма и романтики, сатиры и эпической назидательности. Наконец, комплексным является созданный им и впервые воплощенный в «Зияющих высотах» (1976) новый жанр произведений, получивший название социологического романа (повести). Как явствует из названия, речь идет о соединении социологического и художественного исследования. На самом деле в романах и повестях Зиновьева еще всегда присутствует и логический анализ. В этом смысле первое слово названия сотворенного им жанра надо было бы писать через черточку: социо-логический.

Повесть «Живи» (1988), поэма «Мой дом — моя чужбина» (1982), помещенные в данный сборник, являются типично зиновьевскими произведениями: в них литература, социология и логика переплелись между собой столь органично, что создают совершенно новое качество, которое намного больше, чем сумма его составляющих, и которое совершенно невозможно понять, если смотреть на него сквозь привычные очки, независимо от того, идет ли речь об «очках» эстетических, социологических или логических. В них, однако, появляется еще один дополнительный момент: они являются исповедями. Повесть «Живи» имеет подзаголовок «Исповедь инвалида». Поэма «Мой дом — моя чужбина» состоит из двух частей, первая из которых называется «Рассказ провинциального диссидента», а вторая — «Рассказ столичного эмигранта». Исповедальность придает этим произведениям также философско-этический, нравственный смысл. Я остановлюсь именно на этом аспекте, и не только потому, что хочу остаться в границах своей компетентности. Он для данных сочинений является, на мой взгляд, основным. Кроме того, в них наряду с повестью «Иди на Голгофу» и поэмой «Евангелие для Ивана», этические идеи и переживания Зиновьева развернуты в целостную, концептуально осмысленную картину.

* * *

«Нет повести печальнее на свете, / Чем повесть о Ромео и Джульетте» — такими словами Шекспир завершает свою знаменитую трагедию. Прочитав повесть Зиновьева «Живи», можно сказать, что есть такая повесть. Вот уже действительно: печальнее не придумаешь. У Шекспира романтическая любовь юноши и девушки раздавлена социальностью, которая выступает в форме ссоры двух семей. Зиновьев имеет дело с более развитой, изощренной и мощной социальностью, которая смогла не просто разрушить любовь, но и не дать ей вообще зародиться. Она ей, как и вообще нравственно-возвышенному началу в человеке, закрывает дорогу на самых дальних подступах, в ее природных основах. Зиновьевская социальность есть социальность, которая выходит на финишную прямую, ведущую к тому, что законы коммунальности полностью воплотятся в механическую принудительную силу технических устройств. Она движется к своему идеальному состоянию, а «самая идеальная социальная организация получается лишь тогда, когда образующие ее элементы суть безразмерные математические точки, т. е. суть ничто в социобиологическом смысле». Описываемая в повести стадия социальности есть стадия нарастающего появления социально и технологически обусловленных физических уродств.

Главный герой, Андрей Иванович Горев по прозвищу Робот, от рождения лишен обеих ног, он стал первой жертвой города, возникшего вокруг атомного предприятия, его ближайшие друзья один («Теоретик») лишен рук, другой («Слепой») — глаз. Он, изначальный неудачник, ни на минуту не забывающий о своей неудаче, которая состоит в том, что ему не удалось не родиться, «неудачник эпохального масштаба», как он сам говорит о себе, не может рассчитывать на полноценную взаимную любовь. Единственное, что ему еще доступно — это потребность любви.

Как ни мала потребность в любви по сравнению с самой любовью, Горев держится за эту малость, живет ею, превращает ее в большое чувство, образующее стержень его

личности. Он живет мечтой о Единственной и Неповторимой, которая была бы его и с ним навечно. В другом виде и качестве ему женщины не нужны. Его чувства направлены на женщину по имени Анастасия, Настя, Настенька, которую, однако, все кличут Невестой. Так ее прозвали за то, что у нее было много ухажеров, которые собирались на ней жениться, но женились на других. Сейчас она в том же статусе живет с соседом Горева по прозвищу Солдат. Солдат, кстати, однажды предложил ее Гореву на ночь за пять рублей. И получил от него достойную мужскую отповедь. Когда Горев рассказал об этом Невесте, та прореагировала очень коротко: «Ну и дурак». Не Солдат дурак, который сделал гнусное предложение, а Горев, который отказался. Для характеристики Невесты показателен такой эпизод. Горев постоянно предлагал ей выйти за него замуж, Невеста отказывалась, т. к. она ищет «чего-нибудь особенного, яркого». Но однажды, когда и Солдат ее бросил, она предложила ему сделку: она выходит за него замуж, но без обязательства быть верной. Горев ответил твердым: «Нет. Мне ты нужна целиком и полностью. Я тебе отдам себя тоже без остатка». Невеста завела очередной нелепый роман.

Горев, в отличие от Ивана Лаптева, героя повести «Иди на Голгофу», имеет дело не только с уродующим воздействием социального устройства жизни, но и с физическим уродством. Эти два вида уродств не только умножаются за счет сложения, они еще взаимно усиливают друг друга. Физическое уродство, тяжелое само по себе своей ненормальностью, усиливается сознанием того, что оно есть продукт жизнедеятельности здоровых, а еще больше тем, что обреченные на него индивиды в качестве нормы и образцов имеют достижения и возможности здоровых людей. Социальное уродство, понимаемое как личностно разрушающая сущность социальности, обнаруживает себя наиболее отвратительным и неотвратимым образом именно в случае инвалидов. Общество, с одной стороны, делает очень много для того, чтобы с помощью дополнительных технических устройств, особых льгот

и т. д. поднять инвалидов до уровня, когда они могут жить и работать нормальными людьми, вписаться в социальную структуру (так, Горев работает изобретателем и испытателем на протезном комбинате, являющемся образцово-показательным предприятием). С другой стороны, оно это делает для того, чтобы они, как и все остальные, окунулись и жили в грязи социальности (соседи завидуют Гореву, поскольку он как инвалид имеет отдельную комнату; старая женщина, у которой болят ноги, говорит ему: вам хорошо, у вас протезы; начальство оттирает его от поездки за границу, хотя он по профилю работы является единственным, кто должен был бы поехать; и т. п.). Общество в этом отношении напоминает хулигана, который поднимает с земли и ставит на ноги свою обессилевшую жертву, чтобы снова ударить ее в челюсть и повалить обратно. Словом, объективные условия, среда, в которых приходится жить Гореву, самые неблагоприятные.

Символическим фоном повести являются червяки. В частности, червяки, которые в сырую погоду ползут по дороге, а их давят, при всем даже старании не могут не давить прохожие. «Черви и люди», «червячный эксперимент», «мысли червяка» — это названия маленьких главок. Герой называет свою идеологию идеологией червяка, если бы червяк мог иметь какую-то идеологию. Она заключается в вере, что он сможет проползти кусок жизни без того, чтобы его раздавили на полпути. Человек-червяк — ну что может быть ниже?! И если уж он сможет сохранить человеческое достоинство и явить себя в качестве личности, то это сможет сделать любой индивид. В этом произведении, как и в других, и в нем, пожалуй, больше, чем во всех остальных, Зиновьев экспериментирует на пределе возможного, являющемся вместе с тем и пределом ясности.

* * *

В повести «Живи» есть такой эпизод, который является типичным для изображаемой Зиновьевым из произведения в произведение человеческой комедии. Стоял вопрос

о выдвижении Горева на более высокую должность заведующего отделом, сопряженную с рядом очевидных благ (более высокая зарплата, квартира и т. п.). Окружающие («родной коллектив») не хотели, чтобы ему выпала такая удача. И вот кто-то написал анонимку в партбюро, по комбинату распустили слух, будто он наркоман, развратник и т. п. Словом, заработал привычный для таких случаев и весьма эффективный механизм, который, кстати заметить, и на этот раз привел к нужному результату. Горев должности не получил, хотя несомненно ее заслуживал. Он потому и не получил, что ее заслуживал. По личным данным он проходил, но не проходил по законам коммунальной жизни, по тем самым законам, по которым, как говорится в одной восточной притче, человек в ситуации, когда он мог выбрать все, чего захочет, при условии, что его сосед получит вдвое больше того же самого, попросил, чтобы ему выкололи один глаз. Рассуждая о клеветнической анонимке на Горева, безрукий Теоретик говорит в повести: «Клевета есть воля масс людей, воля коллектива. Клевета есть идеальный образ человека в сознании окружающих». Жить по законам коллектива — не значит, что всегда надо клеветать. Но обязательно значит, что надо уметь делать это, надо иметь клевету в арсенале возможных средств борьбы. Это касается и всех других качеств, которые обычно проходят по разряду моральных пороков. Условия коллективной жизни имеют к морали только то отношение, что они подчиняют ее целям экзистенционального эгоизма, формируя в индивидах способность как попирать справедливость, так и защищать ее. Горев ясно это понимает. «В наших условиях позиция морали вообще есть ложная позиция», — говорит он.

Первый, основополагающий выбор индивида на пути к личности состоит в том, чтобы перенести центр тяжести решений и действий извне вовнутрь. Опереться не на волю коллектива (в какой бы форме она ни выступала), а на свою собственную волю. С удивлением открыв, что окружающие добры к нему до тех пор, пока он не стремится возвыситься

над общим уровнем, не обнаруживает свою самость, Горев сделал единственно правильный вывод: он может стать и сохраниться личностью, имея в качестве опоры и критерия лишь самого себя. Он показал, что «бессмысленно рассчитывать на справедливый суд со стороны окружающих — такого суда нет и быть не может в принципе… Ты сам есть высший и справедливый судья самого себя».

Осуществимо ли, возможно ли человеку опираться на самого себя, быть внутренним одиночкой? Ведь он не может не жить среди людей, не может не считаться с ними. И дело не только в этом. Существовать в нравственном смысле — значит не иметь, а быть. Не брать, а отдавать. Горев-Зиновьев: «Существовать — значит существовать для других». Горев превращает свою жизнь в эксперимент по поиску выхода из этой, казалось бы, безвыходной ситуации. Существенными в его эксперименте, на мой взгляд, являются следующие два момента.

Во-первых, он дисциплинирует свою жизнь таким образом, что подчиняет ее некоторым принципам. Это — не принципы абстрактной морали, хотя они, как мы увидим, в чем-то коррелируют со знаменитыми Десятью заповедями. Они (за исключением гимнастики и других процедур, поддерживающих физическую форму) представляют собой запреты. Именно запреты, поскольку только в такой форме человек может обнаружить свою автономию. Когда он что-то делает, он всегда зависит от внешних воздействий. Когда он что-то не делает, он может этого не делать, исходя из принципа, и ни от кого не зависеть. Запреты Горева вполне конкретны и направлены на блокирование тех действий, в которых и через которые окружающие (коллектив, социальность в широком смысле слова) оказывают преимущественное разлагающее влияние на личность. Основными среди них являются следующие три. Не пить, что особенно важно в связи с особой ролью пьянства в русско-советской среде и применительно к особому случаю Горева, у которого нет ног. Не иметь половых отношений с женщинами,

если они не являются выражением любви. Третий принцип можно сформулировать как отказ от участия в том, что американцы называют «крысиными гонками» — от борьбы за более выгодные жизненные позиции. Он означает не аскетическое ограничение удовольствий и что-либо в этом роде, а всего лишь готовность довольствоваться тем уровнем благ, на которые дает согласие коллектив в том смысле, что они достаются без видимого соперничества и с точки зрения коллектива (общественного мнения, устоявшихся норм, позиции начальства и т. п.) считаются приемлемыми для человека в данном положении. Эти принципы Горев называет своими подпорками. Подобно тому как физически ему нужны протезы, чтобы стоять, так нравственно ему нужны принципы, чтобы внутренне выпрямиться. Они, разумеется, не выводят из окружающей трясины; это вообще невозможно, да и не нужно (так, например, Горев хотя и не пьет, но тем не менее в пьянствующих компаниях охотно участвует, ибо они представляют собой арену раскованного, свободного общения, являющегося русским андерграундом и русским симпозионом одновременно). Тем не менее они создают некое внутреннее пространство, позволяющее человеку быть самим собой.

Второй важный момент горевского эксперимента заключается в его программной, стратегической жизненной установке, которая выражается одним словом, вынесенным в название повести: «Живи!» Не любить жизнь, ибо, как точно замечает логик Зиновьев, любовь к жизни есть позиция (самозащитная реакция) тех, кому живется плохо, а просто жить. С этим «Живи!» Горев просыпается и засыпает, это — его молитва: «Живи! Раз возник, живи. Живи, несмотря ни на что. Родился крысой — живи крысой. Родился орлом — живи орлом. Придет твой срок, и ты исчезнешь навечно. А пока живешь — живи, и радуйся самому факту жизни».

В случае Горева такая нравственная программа означает: жить, несмотря на отвратительное уродство безногого

существа. Можно подумать, что она имеет смысл для особых индивидов, являющихся уродами. Это и так, и не так. Это так, поскольку требование «живи» может возникнуть только там, где сама жизнь содержит негативные импульсы, ставящие под сомнение ее целесообразность и оправданность, т. е. заключает в себе некое уродство. Это не так, поскольку все являются в каком-то смысле уродами. Норма всегда представляет собой усредненную величину, по отношению к которой все ее отдельные случаи являются отклонениями. В повести приводится пример пианиста, уродство которого состояло в совершенно невидимом дефекте руки, не позволяющем вытягивать мизинец на необходимое для пианиста расстояние. В еще большей мере сказанное относится к моральной норме. Здесь уже само уродство является нормой. Рисуя моральный облик человека как социального существа, Зиновьев пользуется только темными красками. Его мизантропичность известна. В данной повести она выражена особенно сочно: «мы — червяки, способные извиваться во всех возможных измерениях»; «нет во Вселенной более гнусной твари, чем человек»; «нет более жестокого врага для людей, чем их ближние». Уроды типа Горева и его друзей, как говорится в повести, являются уродами второго уровня, и они отличаются от уродов, какими являются все остальные индивиды, только тем, что им более, чем другим, нужны нравственные принципы и им намного труднее, чем другим, следовать им. Без них они вообще не могут держаться прямо. Требование «живи!» — это их евангелие.

Как песню держит припев, так эту повесть держит молитвенное заклинание: «Живи!» Очень важный нюанс: «Живи без всяких объяснений, обоснований, оправданий! Живи!» Философы много потратили усилий на обоснование морали, хотя один из самых проницательных среди них хорошо заметил, что, обосновывая, они подрывают ее. Они тем самым ставят под сомнение изначальность морали как жизнеорганизующего личностного принципа. Жизнь не требует своего оправдания. Она оправдана тем, что она есть. Она есть факт.

К тому же факт, предшествующий всем прочим фактам. Свою исповедь Горев (а вся повесть «Живи» и есть его исповедь) начинает для того, чтобы очиститься и продолжать «жить, не претендуя на что-то большее, чем сам факт жизни». Пожалуй, нигде свойственная Зиновьеву научная трезвость и логическая требовательность не проявились столь концентрированно и полно, как в том, что он свел основополагающую этическую формулу к одному слову «Живи!». До него никто из многочисленных философов, формулировавших моральные законы, до этого не додумался.

«Живи!» означает необходимость быть адекватным жизни в ее конкретном фактическом статусе (отсюда — и странные на первый слух слова из молитвы Горева: «Родился крысой — живи крысой. Родился орлом — живи орлом»). Применительно к человеку это означает, что он должен жить не какой-то превращенно-соборной жизнью, а жизнью в единичности и единственности индивидуального существования. А человеческий индивид может жить своей жизнью, опираясь на самого себя, жизнью индивидуально-ответственной, личностно выраженной только в том случае, если он сможет оградиться моральными принципами от «любви» окружающих (понимая под окружающими и ближних, и дальних, и государство, и коллектив, словом, всех, кто не есть данный конкретный человек). Только в том случае, если он зажжет в себе внутренний свет, не довольствуясь спорадическими лучами, которые могут быть на него направлены со стороны. Он при этом, разумеется, освещает все пространство своего личностного присутствия (окружает себя «нимбом»), создает очаги тепла в ужасающем холоде социальной жизни. Именно этот факт, между прочим, создает иллюзию, в силу которой философы ищут объективные корни морали, а моралисты читают проповеди о любви к ближнему.

В число окружающих, защищаясь от которых индивид поднимается до личностно-нравственных высот, входят также прошлые и будущие поколения. У человека нет непосредственных моральных обязанностей перед ними. Вернее,

сами прошлое и будущее его ни к чему не обязывают. Если у него есть обязанность перед прошлым и будущим, как и вообще перед окружающими, то только те, которые вытекают из нравственно-обязующего факта его собственной жизни. Отсюда становится понятной еще одна большая странность этического учения Зиновьева по сравнению со всеми другими этическими учениями. «Живи и помни» — так назвал свою повесть (к слову сказать, замечательную) писатель, стоящий на позициях соборно понятой морали. «Живи и забудь» — так можно было бы назвать точку зрения Зиновьева в данном вопросе. В «Зияющих высотах» над выходом из камеры крематория были начертаны слова: «Уходя, забери урну со своим прахом с собой!» Это — не просто потрясающая сатира. Это еще и продуманная жизненная позиция. По Зиновьеву, из жизни надо уходить, не оставляя никому никаких забот о себе. Поистине: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. В романах и повестях Зиновьева, в том числе и в помещенных в данный сборник, нет ничего похожего на то, что называется хеппи-эндом. Произведение жизни кончается не так, как музыкальное произведение или голливудский фильм. В нем нет заключительного аккорда. Нет добра, побеждающего зло. Это, помимо всего прочего, означает, что личность кончается там же, где она и начинается. У жизни и у нравственных поступков, в которых она в своей индивидуальной подлинности воплощается, нет иной награды и ценности, кроме той, которая заключена в них самих. Герой повести Горев был брошен родителями, он не имеет корней. У него нет никаких родственников и, соответственно, обязанностей перед ними. Данный факт символичен в том смысле, что если жизнь в биологическом смысле есть нить, тянущаяся, по крайней мере с одной стороны, в бесконечность, то в нравственном смысле она всегда есть новое начало. Человек в нравственном смысле, как личность, не продолжает то, что делали другие, а заново начинает делать то, что делали все личности — строить свое государство, свой мир из одного человека.

* * *

В поэме «Мой дом — моя чужбина», как это ни странно для стихотворного произведения, сильно выражен социологический аспект. Ей вполне можно было бы даже дать подзаголовок этико-социологического трактата в стихах. В частности, в ней раскрыта анатомия советского диссидентства в обеих (отечественном и зарубежном) своих частях. Концептуально диссидентство осмысливается как идеологически-диверсионная операция в рамках холодной войны, что в свете последующих событий (личной судьбы многих диссидентов, интегрировавшихся в западный мир, их равнодушия к демократическим преобразованиям в России и т. д.) выглядит вполне правдоподобно, но тем более удивительно в книге, изданной в 1982 г. Еще одна сбывшаяся интуиция автора обращает на себя внимание. Лирический герой — провинциальный диссидент — наутро после попойки, когда невыносимо раскалывается голова, задумывает сочинить реформаторскую программу о том, «как режима сбросить бремя». Вот что у него получилось:

Для советского народа,
Молвил я, нужна свобода
Слова, совести, печати.
Секса (ясно, без зачатий),
Переездов, демонстраций,
Партий, сборищ, эмиграций.
И прописку отменить.
Тунеядцев не теснить.
Добровольность быть солдатом.
Прочь анкету с пунктом пятым.

Программа эта охватывает очень многое из того, что произошло потом, в 1991 г. Но самое интересное состоит в другом. Слушатели, перед которыми вещал диссидент, стали быстро развивать его идеи:

«Надеюсь я, не будет возражений / Насчет свободы непечатных выражений?»; «Предлагаю в документ сделать

дополнения: / На заводах учредить самоуправление»; «Предлагаю для начала все колхозы разогнать. / Землю ж, что освободится, мужикам в аренду сдать»; «Надо пьянство, как и церковь, с государством разделить. / И свободой пить от пуза всех трудящих наделить»; «Хватит грязь в глуши месить! / Время Запад колесить».

Народ, словом, так разошелся, что даже у самого автора программы возникли сомнения: «Ну, а ежели свободы он по-своему поймет? / Если он реформы наши против нас же обернет?» Разве бывает более точное предвидение и своевременное предупреждение?! И разве есть более строгие критерии научности социологии, чем такие сбывшиеся прогнозы?!

Основная смысловая нагрузка поэмы «Мой дом — моя чужбина», как и повести «Живи», заключена в названии. Название, по-видимому, можно читать с разными акцентами. Один вариант: человек оказался в ситуации, когда чужбина стала ему домом. О другом возможном прочтении говорится в поэме: «Пойми в конце концов, дубина, / Твой дом везде, но он везде — чужбина». Но более правильным с точки зрения адекватного истолкования текста является такое понимание. Дом и чужбина при всей их связанности четко разводятся, и герой не путает свой родной российский дом с западной чужбиной. Но трагизм его положения заключается в том, что его дом является чужбиной. Не в том только смысле, что он оказался не дома и ему хочется вернуться: мол, дома всегда лучше. Сам дом является чужбиной — вот в чем главная суть дела. У героя сильно желание вернуться в родной дом из немилой чужбины, но еще сильнее страх перед такой перспективой, ибо он знает, что дом его — такая чужбина, которая хуже всякой чужбины. Так, он с грустью думает о наших солдатах, унавозивших собой европейскую землю, и словно слышит их голоса. «Здесь в теплой земле наши кости истлели. / И всё же нам русские снятся метели». Для него ужасна перспектива разделить их судьбу. А перспектива не разделить ее еще хуже: «Предложили бы мне возвратиться

домой, / Что наделал, тебе всё простится. / От одной только мысли кошмарной такой / Я готов лучше тут удавиться». Позицию автора и героя поэмы еще лучше передает следующее четверостишие:

На свете нет, поверь мне, сброда
Подлее нашего народа.
Но на других его, паскуду,
Не променяю, жив покуда.

Описываемая Зиновьевым ситуация амбивалентно противоречива. Охарактеризовав эту ситуацию таким образом, мы не столько объясняем ее, сколько фиксируем как необъяснимую. Не случайно в поэме появляются сами по себе чуждые творчеству Зиновьева психологические мотивы, то, что именуется копанием в душе. Говорится о ностальгии, об отцами обжитой земле. В повести «Живи» мы читаем, что на Западе плюют в урны, а у нас — в души. Считается, что плевать в души — лучше, ибо хотя бы таким образом, через плевки души оказываются связанными. О чем-то таком говорится и в поэме. На чужбине, например, нет пьяных компаний: «Мне нужен (как воздух, как хлеб) выпивоха. / Здесь без него ужасающе плохо». Выходящая за рамки разумного понимания противоречивость переживаний героя состоит в том, что он не просто видит недостатки своего дома и тянется к нему, несмотря на них, следуя в этом традиции русских революционеров любить Родину с открытыми глазами. Нет, он видит недостатки Родины и любит ее благодаря им. Это — скорее лермонтовская ситуация («Люблю Отчизну я, но странною любовью»).

Необъяснимая странность душевного состояния героя, по-видимому, объясняет стихотворную форму произведения. Стих с его музыкальностью, дополнительным эмоциональным эффектом, сопровождающим прямой смысл слов и предложений, более, чем прозаический текст, подходит для того, чтобы выразить, и не столько даже выразить, а зафиксировать невыразимую иррациональность человеческой жизни.

Если это верно, то становится понятным, почему «Зияющие высоты» и другие прозаические произведения Зиновьева насыщены стихами. Они являются составным элементом его комплексной методологии, позволяющей схватить действительность всестороннее и объемно.

Поэма, в которой герой из дома уезжает на чужбину, хотя и боится оказаться там, а с чужбины тянется домой, хотя и страшится этого, дает почти наглядное представление об отношении индивида и общества как его понимает Зиновьев. Индивида можно уподобить зернышку, а общество — тяжелым, с безжалостной методичностью работающим жерновам. Зернышко оказалось между жерновами и, обреченное на то, чтобы быть размолотым, мечтает каким-нибудь образом выскочить оттуда.

В миропонимании Зиновьева нет ничего более далекого друг от друга, чем мораль и социальность. И нет ничего более связанного друг с другом. Они напоминают двух сцепившихся борцов, которые держатся еще на ногах только благодаря своим усилиям повалить друг друга. Мораль существует как отрицание социальности. Она не имеет иной предметности, кроме этого отрицания. Социальность релятивирует мораль, чтобы можно было легко переходить от добра ко злу и обратно, используя эти оценки в целях экзистенционального эгоизма. Без этого она вообще едва ли могла бы считаться формой и результатом человеческой деятельности.

III

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЗИНОВЬЕВЕ И ЕГО СОЦИОЛОГИИ*

Ничто не дается людям так тяжело, как правда о самих себе. В свое время люди были глубоко потрясены и возмущены открытием Коперника. Они не хотели допустить, что их Земля — не центр мироздания, а его периферия, всего лишь одна из многих затерявшихся во Вселенной планет. Точно так же они реагировали на учение Дарвина. Утверждение, что человек произошел от обезьяны, они восприняли как недопустимое оскорбление. В этом же ряду находится социология Зиновьева, которая поставила людей перед необходимостью признать еще одну неприятную правду — правду об обществе. В самом общем виде ее можно сформулировать так: всё то, что люди громогласно отвергают как мерзость — эгоизм, ложь, бездушие, подсиживание, карьеризм и т. п., — на самом деле является нормой их жизни в качестве социальных индивидов, естественным следствием законов социальности. Эту истину, которая полностью переворачивает все привычные представления об обществе и лишает человека последних иллюзий о себе, люди готовы принять еще меньше, чем истины Коперника и Дарвина. Она особенно раздражает своей

* Предисловие к книге А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу». М., 2000, заметки в журнале «Новая Россия», представляющие новые книги Зиновьева «Запад. Феномен западнизма» в № 1 (1996) и «Глобальный человейник» в № 4 (1997). Публикуется по: Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 243–259.

очевидностью. И потому отрицается с порога (такая реакция, впрочем, предполагается отвергаемой социологической теорией и тем самым лишь подтверждает ее).

После Коперника у людей оставалось то утешение, что по крайней мере на самой Земле они занимают исключительно привилегированное положение. После Дарвина они могли сказать: зато мы создали надприродное, разумно организованное пространство совместной жизни. Зиновьев со своей социомеханикой лишает человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда — и отношение к нему. Сторонников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его замалчивают.

* * *

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 г. в Костромской области в многодетной крестьянской семье. По окончании школы он в 1939 г. поступил в московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории — основной гуманитарный вуз университетского типа в те годы), который, по его свидетельству, он вынужден был бросить, так как стало известно о вынашиваемых им заговорщических замыслах, имевших целью убийство Сталина (этот эпизод в литературно прикрытой форме описан в повести «Искушение»). От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушел в 1940 г., где и прослужил до 1946 г. А. А. Зиновьев прошел всю войну в качестве боевого летчика и закончил ее в 1945 г. в Берлине, выйдя в отставку в чине капитана. В 1946–1954 гг. он — студент, а затем аспирант философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1955 г. он становится научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, где проработал до 1976 г. Академическая карьера А. А. Зиновьева складывается удачно. Уже его кандидатская диссертация, посвященная логике «Капитала» К. Маркса» (1954), получила широкий резонанс. На основании

личных воспоминаний могу сказать, что во второй половине 50-х гг. для нас, студентов философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, имя А. А. Зиновьева наряду с именами Э. В. Ильенкова и некоторыми другими было символом новых идей, борьбы против догматизма. В 1960 г. А. А. Зиновьев защитил докторскую диссертацию, вскоре после этого он получил звание профессора и стал заведовать кафедрой логики в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. В рамках философии А. А. Зиновьев занимался самой трудной и строгой ее частью — логикой. Он применяет средства логики к анализу языка науки, разрабатывает собственную логическую теорию. Результаты его логических исследований опубликованы в следующих книгах: «Философские проблемы многозначной логики» (1960); «Логика высказываний и теория вывода» (1962); «Основы научной теории научных знаний» (1967); «Комплексная логика» (1970); «Логика науки» (1972). Логика — строго профессионализированная область знания, и о ней могут компетентно судить только узкие специалисты. Поскольку я к таковым не принадлежу, то ограничусь констатацией того, что А. А. Зиновьев в логике и методологии науки достиг успехов, высоко оцененных в профессиональной среде, получивших международное признание. Из шести его монографий тех лет пять тут же (с перерывом в один-два года) были переведены на английский или немецкий, а «Комплексная логика» — сразу на оба языка, и изданы на Западе — явление исключительное как в те годы, так и в наши дни. Я лично знаю многих активно работающих, имеющих имя отечественных и зарубежных профессоров в области логики, которые считают себя и гордятся тем, что являются учениками А. А. Зиновьева.

В 1976 г. произошло событие, обозначившее новое направление интеллектуальных усилий А. А. Зиновьева и круто изменившее его жизнь. Он неожиданно для всех выступил с книгой «Зияющие высоты», представлявшей собой выполненное в художественной форме критическое исследование советского социального строя; все понимали, что за жизнью

и нравами вымышленного Ибанска подразумевался совсем не вымышленный советский строй. Она была опубликована «там», на Западе. Этот факт решающим образом предопределил общественное восприятие книги. На нее стали смотреть сквозь призму эпохального противостояния коммунистической и антикоммунистической идеологий. А. А. Зиновьеву отвели роль антикоммуниста, со всеми вытекающими в те годы последствиями: он был исключен (причем единогласно) из партии, выгнан с работы, выслан из страны, лишен гражданства, всех научных степеней, званий, наград, в том числе военных. О характере созданной вокруг него атмосферы может свидетельствовать такой факт: даже простые библиографические ссылки на его логические работы становились источником партийных и служебных наказаний. Его запрещалось даже ругать. Всё было организовано так, как будто вообще не существовало такого человека. Можно ли было придумать более наглядное доказательство правдивости «Зияющих высот»?! И тем не менее есть ли достаточно оснований автора этой книги считать антикоммунистом, имея в виду, что под коммунизмом понимается реально существовавший в Советском Союзе социальный строй? Я думаю, что это так же неверно, как неверно было бы, например, Гоголя как автора «Мертвых душ» считать русофобом. В данном случае, на мой взгляд, более прав близко знавший в те годы А. А. Зиновьева и изображенную им среду социолог Б. А. Грушин, когда он в одной из злых (по отношению к Зиновьеву) газетных публикаций сказал, что действительными борцами с коммунизмом и советской властью были такие люди, как профессор Ю. А. Замошкин и его друзья, а не Зиновьев, который в их кругу был человеком случайным и чужеродным. Именно об этом, по сути дела, и все «Зияющие высоты», в которых являющаяся предметом сатиры передовая интеллигенция Ибанска духовно вся устремлена на Запад и в своем кругу поднимает тост за то, «чтобы Ибанск последовал этому примеру», в то время как противостоящий им Болтун (одна из многих авторских ипостасей) говорит, что не мыслит себе

жизни вне Ибанска. Грех или лавры (кому как нравится) антикоммуниста присуждены А. А. Зиновьеву по ошибке. Справедливость требует признать, что сам он никогда, ни раньше, ни теперь, не соглашался и не соглашается с такой оценкой своей личности и позиции. Но, как бы то ни было, репрессиям как антикоммуниста и антисоветчика подвергли именно его, и если это случилось за чужие грехи, то их следует признать вдвойне несправедливыми.

С 1978 г. начинается эмигрантская жизнь А. А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все эти годы он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом, не имея постоянного места работы и источника доходов. В 1980 г. выходит его научный труд «Коммунизм как реальность», излагавший основы разработанной им теории реального коммунизма и охарактеризованный известным социологом и советологом Раймоном Ароном как единственная действительно научная работа о советском обществе. Одновременно с этим появляется огромное количество научных и публицистических статей, докладов, интервью, излагающих, уточняющих и развивающих его теоретические и социальные позиции; они лишь отчасти опубликованы в сборниках «Без иллюзий» (1979); «Мы и Запад» (1981); «Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983). Особо следует отметить его научно-литературные произведения, замечательную серию социологических романов и повестей того периода: «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979); «Желтый дом» в 2 томах (1980); «Гомо советикус» (1982); «Пара беллум» (1982); «Нашей юности полет» (1983); «Иди на Голгофу» (1985); «Живи» (1989). В них он продолжает то, что начал в «Зияющих высотах» — в свойственной ему художественно-сатирической манере исследует советский социальный и человеческий опыт.

А. А. Зиновьев своим творчеством создал новый жанр социологического романа (социологической повести), в котором научно-социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как

средства художественной литературы, а последние в свою очередь применяются как средства науки. Следует заметить, что глубокие писатели всегда тяготели к серьезной социальной теории, и тогда, когда не находили ее в готовом виде, пытались сами восполнить этот пробел, чтобы создать полноценные художественные произведения. Типичные примеры этого: философско-историческая концепция Л. Н. Толстого в IV томе «Войны и мира», концепция свободы («Легенда о великом инквизиторе») в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, эссе о творчестве Н. Г. Чернышевского в «Даре» В. Д. Набокова. Во всех этих случаях теоретические части искусственно вкраплены, по сути дела просто приложены к художественным текстам и могут быть изъяты без особого ущерба для последних. А. А. Зиновьев органически соединяет одно с другим, его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удается, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально-личностный аспект жизнедеятельности, а с другой — изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учетом их глубокой социально-закономерной обусловленности. Социологический роман — знаменательное явление культуры, требующее специального изучения.

После 1985 г. начинается новый период в творчестве А. А. Зиновьева. На горбачевскую перестройку он откликнулся тем, что расширил исследовательскую тематику, обратившись к изучению современного Запада, и одновременно с этим изменил акценты и тональность в описании и оценке советского коммунизма. Свой уникальный талант социального сатирика он теперь направил в сторону Запада, а при анализе советского опыта в его трудах стало доминировать заинтересованное понимание. Всё началось с того, что А. А. Зиновьев с самого начала обозначил свое резко отрицательное отношение к перестройке, которую он тут же окрестил катастройкой. Следует обратить внимание: он сделал

это тогда, когда и в Советском Союзе, и на Западе, во всем мире перестройка воспринималась как долгожданная эпоха гуманистического обновления социализма, когда едва ли не все ученые, писатели, философы, деятели культуры, артисты, журналисты, прочие известные люди через бесчисленные средства массовой информации в состоянии всеобщей эйфории приветствовали перестройку, когда миллионы людей в нашей стране и во многих других пришли в состояние радостного возбуждения — ходили на митинги, спорили, строили планы, лихорадочно что-то делали. Чтобы пойти против такого потока, недостаточно одного мужества. Надо еще иметь знание истины. И, как показал опыт, к сожалению, подтвердивший все печальные прогнозы Зиновьева, он имел такое знание. Его позиция, если ее выразить предельно кратко, состояла в следующем. Кризис, в котором оказался к середине 80-х гг. Советский Союз, есть специфический кризис коммунистической системы, кризис управления. Он требует своих особых средств разрешения. Экономическая реформа и либерализация для этих целей не подходят, они являются сугубо западными методами и могут привести лишь к краху советского социального строя, а вместе с ним и к краху страны. Чтобы обосновать эту свою позицию, он, с одной стороны, провел исследование эволюции социальной системы современного Запада. Его результаты опубликованы в изданных теперь уже в Москве работах «Запад» (1995) и «Глобальный человейник» (1997). Первая из них написана в форме научного эссе, а вторая представляет собой социологический роман и удачно его издателем Л. И. Грековым была названа «Зияющими высотами капитализма». И для существа дела, и для биографии А. А. Зиновьева показательно, что его работы, критически анализирующие и разоблачающие советский коммунизм, впервые появились на Западе, а работы, посвященные исследованию и критике Запада — в России. С другой стороны, А. А. Зиновьев стал показывать скрытые угрозы и неадекватность методов перестройки, выявляя одновременно с этим огромный для истории России, по его

мнению, ничем не заменимый потенциал коммунистической системы. Об этом — его многочисленные работы этих лет: «Горбачевизм» (1988), «Катастройка» (1988), «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1994). А. А. Зиновьев свою позицию также активно заявлял в многочисленных научных и публицистических статьях, интервью, выступлениях на радио и телевидении.

Перестройка, как бы ее ни ругал А. А. Зиновьев, имела по крайней мере одну положительную сторону, которую не смог бы отрицать даже он. Она дала возможность ему вернуться на Родину, в Россию, хотя, правда, уже и в другую Россию, чем та, которую он покинул. Если выдворение А. А. Зиновьева из страны государство взяло целиком на себя, то его возвращение оно интерпретировало как его личное дело, ограничившись официальным актом восстановления в гражданстве (1990). А. А. Зиновьев, как показывает опыт, — человек, который умеет писать книги, но не умеет устраиваться в жизни. И ему понадобилось много лет, чтобы создать практические предпосылки для возвращения. В июне 1999 г. А. А. Зиновьев вернулся на постоянное жительство в Россию, в Москву. Начинается новый этап его жизни и творчества.

Такова биография А. А. Зиновьева в ее самом общем внешнем, событийном аспекте (хочу обратить внимание, что речь идет именно об общих контурах его биографии, так как многие факты, аспекты жизни, труды остались за скобкой, неизвестны, плохо изучены, и об общих контурах его деятельности только как ученого и отчасти писателя, в своих заметках я не касаюсь его поэзии, драматургии, изобразительного искусства). Что касается ее внутреннего, психологического, личностного аспекта, то он отражен в литературных произведениях автора, в которых под тем или иным именем, часто под многими, он выводит самого себя, а также в очень выразительных художественных автопортретах. Иногда об этом он высказывается в интервью, побуждаемый вопросами собеседника. Отмечу только некоторые его суждения о самом себе.

Самое броское и часто повторяемое из них: я сам есть целое государство. Все видят эпатирующую дерзость этого утверждения, но не замечают его полемической заостренности против расхожего суждения, согласно которому нельзя жить в обществе и быть независимым от него. Можно, говорит А. А. Зиновьев. А в своей социологии он даже доказывает, что, только обретя такую независимость, человек становится Человеком. Речь идет не о независимости пренебрегающего общественными условностями циника, или всё себе подчиняющего хозяина жизни, или спрятавшегося в свой уютный изолированный мирок мещанина, или увлеченного собиранием бабочек чудика и т. п. Его независимость есть независимость бунтаря, который не хочет признавать над собой ничьей власти и меньше всего — власть общественного мнения, и независимость идеалиста, который заново, по своим образцам, перепроектировал мир и живет по этим новым канонам, по которым, собственно, никто другой и не может жить, так как это — его мир, его выдумка; поэтому, между прочим, утверждение А. А. Зиновьева можно обернуть и сказать, что в его государстве есть только один гражданин — он сам.

Зиновьев называет себя человеком из Утопии, имея в виду и советскую реальность с ее жестокостями, грязью, вшами, стукачами и т. п., и советскую идеологию с ее высокими гуманистическими ценностями. Он умеет их соединить таким образом, что второе не является лицемерным прикрытием первого. Зиновьев лучше, чем кто-либо другой, понимает, что утопия коммунистической идеологии имела мало общего с реализовавшейся утопией советской действительности. Но если общество нельзя переделать в духе утопии, то это вовсе не означает, что и отдельный индивид не может сделать этого. Для его позиции (в смысле внутренней интенции, настроения), на мой взгляд, показателен следующий стих Клеветника из «Зияющих высот»:

Пускай дневальный снова закричит: «Подъем!»
Пусть старшина, как прежде, заорет: «Вставайте, разгильдяи!»

Пусть будет шагом марш. Пусть с места «Бронепоезд» запоем.
Пусть даже будет, чтобы в нас со всех сторон стреляли.
До слез обидно. Но не оттого, что жрали мы говно.
И не из-за того, что матерей своих пришлось забыть давно,
Что бесконечно темными бессонными ночами
Беседы сокровенные за жизнь вели со стукачами.
И не из-за того, что первую любовь с блядями мы делили.
Обидно потому, что всё осталось так, как будто мы не жили.
Как будто не клялись мы: погодите, мы придем
И в хвост и в гриву всех Их разъебем.
Мы Им покажем, где зимуют раки.
Мы влепим Им сполна за Их дела и враки.
Ах, если бы опять дневальный закричал: «Подъем!»
И старшина спросонья заревел: «Живее, раздолбаи!»
Тогда бы мы…
Тогда мы снова «Бронепоезд» пропоем.
К Их старым мерзостям еще Свои добавим.

Еще Зиновьев называет себя искусственным созданием, результатом эксперимента, который он всю жизнь совершает над самим собой. Такой человек, как он, считает Зиновьев, не может сложиться естественным образом. А в одном из романов («Глобальном человейнике») он появляется в образе инопланетянина. В «Зияющих высотах» он, помимо Болтуна, является еще Крикуном, Шизофреником, Неврастеником, Уклонистом, Учителем. Зиновьев — парадоксалист и большой острослов. Все эти самоаттестации можно было бы считать шуткой, если бы мы не узнали вдруг от него (в «Русском эксперименте»), что он вообще не умеет шутить. И я ему склонен верить. Дело в том, что банальность жизни, на которую натыкаются высокие стремления, что и составляет основу комикса, шутки, он рассматривает как ее самую серьезную и существенную характеристику. Он не умеет шутить в том смысле, что для него нет ничего более серьезного, чем шутка. В его шутках нет ничего шутливого. Например, все мы думали, а многие до настоящего времени думают, что в «Зияющих высотах» он шутил, высмеивал, сатирически изобличал. А сам Зиновьев считает, что это — самое серьезное,

более того, научное, хотя и выполненное в художественной форме, исследование советского общества. Здесь, может быть, уместна аналогия с С. Паркинсоном, «Законы Паркинсона» которого почему-то все воспринимают как английский юмор, а не точный и глубокий анализ бюрократического механизма.

Больше и чаще всего, и прямо, и косвенно, через литературные образы, А. А. Зиновьев характеризует себя как исследователя. Логик по изначальной профессии, он остается им и по жизни, стараясь руководствоваться аристотелевским принципом «Платон мне — друг, но истина дороже». Если бы Зиновьев не был столь чуток к нарушениям логических правил, я бы сказал, что он верит в истину.

* * *

Книга А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу» в систематической форме излагает оригинальную социологическую теорию автора. Она является итоговой по отношению ко всем его предшествующим исследованиям в этой области. Зиновьевым впервые рассмотрены методологические и логические основы его социологии, окончательно оформляется категориальный аппарат, позволяющий охватить ход истории в целом, обобщенно суммируются, уточняются и развиваются теория реального коммунизма, теория западнизма, современные тенденции развития человечества.

Изложить взгляды Зиновьева популярней и короче, чем это сделал он сам в данной книге, невозможно. Его текст является предельно ясным, точным и очень популярным (кстати заметить, одно из требований отстаиваемого им научного подхода и состоит в том, чтобы «сделать тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний»[1]); он популярен в том же смысле, в каком можно считать популярной, например, таблицу умножения.

[1] *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 34. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте.

Одновременно с этим он настолько краток, экономичен и лишен беллетристичности, что в этом отношении, на мой взгляд, достигнут максимум возможного. Поэтому, представляя книгу читателю, я ограничусь некоторыми идеями, с моей точки зрения, наиболее неожиданными и потому особенно важными для осуществления того «поворота мозгов», которого требует и на который нацеливает социология Зиновьева.

Начнем с самого понятия «поворота мозгов». Еще в «Зияющих высотах» высказана мысль, что социальные законы порождают тенденцию к одноплановой ориентации сознания и «возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении»[2]. Для научного взгляда на социальную жизнь необходимо вырваться из этого силового поля. Чтобы понять социальные законы, надо взглянуть на них со стороны, не изнутри, а извне, не жить в них и ими, а подойти к ним так, как если бы человек от них не зависел. Нужно освободить свой взгляд от давления авторитетов, общепринятых мнений, модных идей, различных идолов, бесчисленных словесных ухищрений, предназначенных для обмана и самообмана, страха, стыда, советов благоразумия и многого-многого другого, чтобы научиться прямо смотреть на социальную действительность, увидеть ее в неприглядном (неприукрашенном) виде. Прежде всего необходимо вырваться из сетей «интеллигентски-обывательского способа мышления», который стремление к ясности и истине подменяет желанием произвести впечатление, создать видимость знания. Надо встать на позиции того наивного мальчика из сказки Андерсена, который не знал придворного этикета и сказал то, что все скрывали: а король-то — голый.

Устраиваться в обществе и понимать его — разные, даже противоположные виды деятельности. Если для первого нужно быть внутри, жить соответственным интересом, уметь защитить себя, стремиться к лучшей позиции и т. д., то для

[2] *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. Кн. 1, 2. М.: Независимое изд-во ПИК, 1990. Кн. 1. С. 34.

второго, напротив, требуется вырваться вовне, занять такую независимую позицию, словно ты не член данного общества, а инопланетянин, с любопытством разглядывающий это странное скопление странных существ. Известно, что человек видит то, что он хочет видеть. Научный подход, напротив, состоит в том, чтобы освободить взгляд от этого привходящего и искажающего «хочет», чтобы «хотеть» то, что видишь. Такую смену диспозиции по отношению к социальной действительности, изменение точки ее обзора Зиновьев называет научным «поворотом мозгов», и в своей логической социологии он формулирует те принципы, которые для этого необходимы.

Один из этих принципов состоит в экспликации понятий — особой, им же самим впервые описанной и сознательно примененной логической процедуре, имеющей целью добиться определенности и однозначности терминологии в социальном познании. Все основные описывающие социальную реальность понятия, такие как «общество», «государство», «экономика», «власть», «культура» и т. д., являются многозначными, расплывчатыми. Существуют десятки и сотни их определений. Уже по одной только этой причине, не говоря о всех других, рассуждения с употреблением этих понятий оказываются приблизительными, а то и вовсе превращаются в сплошной обман. Экспликация состоит не в том, чтобы перечислить все значения и выбрать какое-то одно для словоупотребления (подобрать объект для слова), а в том, чтобы «выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина» (с. 32). При этом существенно важно, что в качестве термина используется старое многомысленное, расплывчатое выражение; тем самым подчеркивается, что речь идет о новом понимании тех же самых объектов, к которым в той или иной степени относятся привычные слова. Ведь объект познания ученого-социолога обладает сознанием, разумом и в этом смысле сам является познающим,

поэтому он не может открыть чего-то, что не было бы вообще известно объектам его интереса — людям, он может лишь по-новому взглянуть на это, «повернуть мозги». «В случае экспликации понятий читателю сообщается новый способ понимания объекта, о котором у читателя уже накоплена какая-то сумма знаний, можно сказать — уже имеется интуитивное представление о предмете» (с. 33). Поэтому основная трудность социального исследования, как пишет далее Зиновьев, состоит в том, чтобы «увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений, осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности грандиозных исторических процессов и огромных человеческих объединений» (с. 33).

Самым известным и до настоящего времени обескураживающим многих (прежде всего среди марксистов) примером этого логического приема является введение Зиновьевым термина «коммунизм» как экспликата этого слова в обыденной речи, когда он стал называть коммунизмом реальный социальный строй, классической (наиболее развитой) формой которого была советская система. В тридцатые годы И. В. Сталин объявил, что в СССР построен социализм. Тем самым он соединил понятие социализма с реальностью советского общества. На первый взгляд, он сделал то же самое, что и Зиновьев (в данном случае от различия между социализмом и коммунизмом можно отвлечься, тем более что сам Зиновьев считает это различие бессмысленным). Но только на первый взгляд. В действительности здесь наблюдается диаметрально противоположный ход мыслей, показывающий различие между идеологией и наукой. Сталин полагал, что коммунизм (на его первой фазе) осуществился в Советском Союзе, и тем самым распорядился именовать социальную реальность СССР коммунизмом и смотреть на нее сквозь призму уже существующих представлений о коммунизме. Так возникает идеология о самом счастливом обществе. Зиновьев говорит нечто совершенно иное: то, что осуществилось в Советском Союзе, и есть коммунизм, и другого коммунизма не бывает. Тем самым он ориентирует на то, чтобы строить

теорию коммунизма как социальную теорию советского общественного опыта вместо того, чтобы смотреть на этот опыт сквозь розово-утопические очки выдуманного коммунизма. Другой, тоже очень показательный пример экспликации связан с понятием общества. Это слово, которое в разговорном языке имеет много смыслов, он употребляет как термин, обозначающий определенную стадию (этап, форму) социальной жизни людей со своими строгими признаками (наличие государства как формы политической власти, экономики как формы хозяйствования, идеологии как формы коллективного менталитета и т. д.). Такая экспликация очень важна для того, чтобы правильно понять историчность человеческой жизни и строго обозначить ту смену ее качественных состояний, которая происходит на наших глазах.

Центральной в социологических взглядах Зиновьева является, пожалуй, идея законов социальности. Объектом его изучения (социальными объектами) являются люди и их объединения; при этом люди рассматриваются не во всем многообразии их свойств, каковых очень много, а только в тех проявлениях, которые вытекают из факта их принадлежности социальным объединениям. Такое ограничение объекта исследования является, разумеется, идеализацией, ибо в реальности ни таких чистых социальных индивидов, ни их объединений не существует; живые люди характеризуются не только тем, что они являются членами объединений, у них есть масса других, биологических, психологических и иных свойств. Но это — вполне законная и совершенно необходимая идеализация. Социальные индивиды и их объединения в этом отношении не менее реальны, чем точки, линии и фигуры в геометрии.

Жизнь индивидов, поскольку они принадлежат человеческому объединению и действуют в его рамках, как и жизнь самих объединений, представляющих собой множество индивидов, протекает по строгим законам. Прежде всего (это самый важный и необходимый признак) возникает разделение множества людей на «мозг» и «тело», на начальников,

управляющих и подчиненных, управляемых. Происходит разделение функций, возникают органы для их выполнения, отношения между ними регулируются законом взаимной адекватности. Имеет место также дальнейшее, всё нарастающее усложнение жизни объединения, охватывающее как вертикаль, так и горизонталь отношений. Объединения людей приобретают особое качество и называются человейниками, если они а) живут совместно исторической жизнью (из поколения в поколение); б) действуют как целое; в) имеют внутри себя сложное строение с разделением функций; г) занимают определенную территорию и относительно автономны во внутренней жизни; д) обладают внутренней и внешней идентификацией.

Термин «человейник» вызывает ассоциацию с муравейником. Это — больше чем ассоциация, она сыграла решающую роль в выборе термина, ибо, по мнению автора, стада и стаи животных в эволюционной классификации предшествуют человейникам; в «Зияющих высотах», например, фигурируют два трактата — трактат об обществе и трактат о крысах, которые удивительным образом совпадают. В этом смысле теорию Зиновьева можно было бы назвать не только социомеханикой, но еще и социозоологией. Так как людей в человейнике много и они вынуждены вступать в отношения друг с другом просто из-за того единственного факта, что их много, то они действуют в силу социальных законов, которые автор называет законами экзистенциального эгоизма. Это — такие законы, которые заставляют социального индивида действовать исходя из его собственной социальной позиции, чтобы сохранить ее, по возможности умножить или занять более высокую позицию. Действовать в своих интересах внутри человейника и в интересах своего человейника в отношениях с другими человейниками — такова основа социальности. Так как люди в социальном поведении действуют сознательно, то законы экзистенциального эгоизма выступают в виде законов рационального расчета. Речь идет, если говорить кратко, об осознанном эгоистическом интересе.

В качестве иллюстрации социальных законов Зиновьев часто ссылается на такой пример: если человеку предложить на выбор две работы, из которых одна оплачивается выше, чем другая, то при всех прочих равных условиях он непременно выберет ту, за которую платят больше. Это правило есть следствие законов социальности и действует с такой же неотвратимостью, с какой, например, выпавший из руки предмет падает на землю. В реальности, конечно, не бывает лабораторных условий, предполагаемых этим правилом; помимо величины платы есть масса других факторов, которые учитываются индивидами при выборе работы, и очень часто они выбирают менее оплачиваемую работу. Но это не отменяет само правило в его непререкаемости. Правило не говорит о том, что человек всегда выбирает работу с более высокой платой. Оно говорит о том, что такой выбор неотвратимо совершается только при определенных условиях, а именно при равенстве всех других факторов, влияющих на выбор, или отсутствии таких факторов. Это правило можно было бы разбить на следующие два: если индивид предпочитает менее оплачиваемую работу более оплачиваемой, то это он делает не потому, что она является менее оплачиваемой; если индивид предпочитает более оплачиваемую работу менее оплачиваемой, то это он может делать только по той причине, что она является более оплачиваемой. В данном случае механизм действия социального закона является таким же, как и механизм действия любого естественно-научного закона; например, тело сохраняет равномерное прямолинейное движение, если на него не действует никакое сопротивление; однако известно, что сопротивление есть всегда, и в этом смысле никакое эмпирическое тело равномерно не движется.

Законы социальности не следует путать с нормами морали, права и другими сознательно задаваемыми регулятивами поведения. Последние выработаны людьми как средства защиты от законов социальности, от самих себя. Разумеется, эффективность этой защиты является относительной, ибо мораль и связанная с ней совокупность разнообразных

правил может лишь в какой-то мере смягчить, нейтрализовать следствия законов социальности, но не отменить их действие. Более того, они сами могут стать моментом действия социальных законов. Такова в общих чертах концепция социальности Зиновьева. Его предшественниками в этом вопросе (предшественниками не в смысле прямой преемственности, а в смысле идейных ассоциаций), на мой взгляд, можно было бы считать Макиавелли с его трезвым анализом искусства государственного правления, Гоббса с гипотезой о естественном состоянии войны всех против всех как исходном пункте и постоянной основе государственно организованного социума, Мандевиля с его «Басней о пчелах» и выраженной в ней мыслью о том, что общее благо складывается из частных зол.

В человейнике Зиновьев различает три аспекта: деловой, коммунальный и менталитетный. Это различие (наряду с различием между «мозгом» и «телом» человейника) является своего рода несущей конструкцией его теории. Первый аспект охватывает действия людей и формы их организации, направленные на обеспечение средств существования, создание материальной культуры. «Во втором аспекте люди совершают поступки в зависимости от того, что их много, что их интересы не совпадают, и они вынуждены с этим считаться» (с. 127). Третий аспект охватывает то, что касается сознания (психики, менталитета) человека. Это — аспекты человейника, но не его части; они всегда существуют в единстве, хотя характер единства может быть различным и колебаться от слияния до достаточно четко дифференцированного, почти автономного функционирования. Зиновьев высказывается против того, чтобы в рамках социологической теории выдвигать какой-то фактор в качестве определяющего, критикуя, в частности, марксизм за преувеличение роли производства материальных благ. Это же, видимо, касается и различных аспектов жизни человейника. И тем не менее складывается впечатление, что в авторской концепции удельный вес коммунального аспекта значительно выше удельного веса двух

других аспектов. Так, законы социальности реально функционируют как правила коммунального поведения. И оба других аспекта становятся объектом социологии в той мере, в какой они вовлекаются в сферу коммунальности.

Человейник в процессе эволюции, считает А. А. Зиновьев, проходит три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Если апеллировать к привычным ассоциациям, то предобщество соответствует тому, что в марксистской теоретической схеме именовалось первобытно-общинным строем; общество — государственно-цивилизационным формам жизни (рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациям), сверхобщество — коммунизму.

Состояние человейника в XX в. характеризуется тем, что осуществляется переход от общества к сверхобществу. Этот переход протекал в двух эволюционных линиях и в ожесточенной борьбе обществ, представлявших эти линии. Обе эти линии сложились в рамках западноевропейской цивилизации, которая уникальна (и в этом смысле отлична от других цивилизаций) в том отношении, что она способна к смене собственных качественных состояний; «она убивает сама себя и делает это на пути баснословного прогресса» (с. 278). Одна линия была представлена человейниками коммунистического типа и наиболее цельно воплотилась в Советском Союзе, ее особенность состояла в том, что она опиралась по преимуществу на коммунальный аспект жизнедеятельности. Вторая линия, именуемая в книге западнистской, воплотилась в наиболее «чистом» виде в США, странах Западной Европы, в ней преимущественное развитие получил деловой аспект жизнедеятельности человейника.

> Западный и коммунистический миры стали «точками роста» в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидера мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в XX в., особенно во второй его половине (с. 279).

В этой борьбе победил Запад, блестяще выиграв холодную войну против советского блока. Вопрос о том, является ли эта победа окончательной, автор в целом пока еще оставляет открытым, хотя и признает, что Россия из игры выбыла и деградировала до уровня колониальной демократии. Неизвестно, становится ли благодаря этому переход к сверхобществу более ускоренным, но зато совершенно ясно, что он оказывается более плоским, рискованным и трагичным.

Сверхобщество — не будущее, а в значительной мере уже настоящее. Оно складывается после Второй мировой войны и уже не просто сосуществует с обществами, а начинает играть доминирующую роль. Что такое сверхобщество? Оно, как и все другие понятия социологии Зиновьева, является очень строгим, содержит много признаков, охватывающих все аспекты, уровни, формы жизнедеятельности человейника. Об этом — вся книга. Чтобы дать хотя бы приблизительное представление читателю, я ограничусь несколькими признаками, дающими представление о мироустройстве на стадии сверхобщества.

Развитие истории переходит из естественно-исторической фазы в планово-управляемую. Сама эволюция становится сознательным актом, ее можно планировать наподобие того, как планируется какое-то сложное, масштабное дело. Но это вовсе не означает, что ход развития становится произвольным и его можно повернуть в любую сторону по желанию людей, представляющих «мозг» сверхобщества. Наоборот, мера объективности и предопределенности эволюционного процесса, его жесткости увеличивается подобно тому, например, как человек с компасом меньше будет отклоняться от направления, ведущего к цели.

На стадии сверхобщества складывается единый, глобальный человек, в отличие от предыдущих стадий, которые представляли собой множество человеческих объединений, миры человейников, и прежде всего в отличие от стадии общества, представленного сотнями обществ, стянутых в ряд цивилизаций. По мнению Зиновьева, в настоящее время

исчезли условия для возникновения новых цивилизаций, а те, что сохранились, в том числе западноевропейская, обречены на исчезновение. Они не соответствуют современным условиям жизни в масштабе человечества. «В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течение длительного времени» (с. 277).

Сверхобщество, с точки зрения Зиновьева, устанавливается как господство Запада. Этот процесс протекает на основе и в соответствии с законами социальности, в силу которых другие (незападные) народы и страны будут занимать подчиненное и периферийное положение.

Данное выше изложение социологии Зиновьева является общим и выборочным. Это — вводные замечания, чтобы заинтересовать читателя. Сама же эта социология требует внимательного, неспешного, вдумчивого чтения и изучения. Ведь помимо того, что Зиновьев по-своему интерпретирует едва ли не все используемые им общеупотребительные понятия государства, идеологии, власти, общества, экономики, морали, цивилизации и т. д., он еще вводит много новых понятий и терминов типа социальной комбинаторики, исторической паники, феодов, одноклеточных — многоклеточных социальных объединений и т. п. Подводя итог, следует заметить, что, как бы ни оценивать научное содержание книги «На пути к сверхобществу», совершенно несомненно одно: социология Зиновьева в современной отечественной и мировой науке является уникальной в том отношении, что она предлагает целостную теоретическую концепцию общества и его развития. Зиновьев развивает свою оригинальную концептуальную схему типа тех, которые предлагали Маркс, Конт, Дюркгейм, Вебер, Тойнби, Сорокин, и тем самым стимулирует совсем затухающие исследования и дискуссии по теории общества. Он идет, однако, дальше и предлагает теорию, которая соединяет точность социологического (в узком, эмпирическом смысле слова) знания и широту философско-исторических обобщений, заявляя тем самым претензию на науку об обществе.

* * *

Зиновьев пишет: «Всеобщая враждебность к научной истине в отношении социальных явлений есть один из самых поразительных (для меня) феноменов нашего времени, сопоставимый с аналогичной враждебностью к науке вообще в эпоху средневековья» (с. 292). Эта враждебность в рамках логики автора вполне закономерна и, честно признаться, не должна была бы его удивлять; она является простым следствием законов социальности, по которым живут люди (или «человьи», как он их иногда остроумно называет). Возникает вопрос: оправданна ли претензия автора на научный подход, если, разумеется, отбросить предположение, что он является инопланетянином. Ведь он сам есть социальный индивид и как таковой ограничен в понимании мира как своим личным интересом, так и интересом своего человейника. Не сталкиваемся ли мы здесь с парадоксом лжеца, которому нельзя верить даже тогда, когда он утверждает, что он лжет? Один из персонажей «Зияющих высот» говорит Болтуну: «…не выпендривайся, ты такое же дерьмо, как мы». Вопрос: «Почему это не так?»

А. А. Зиновьев понимает обозначенную трудность, и в его работах мы находим ответ, который, по крайней мере, в формально-логическом плане позволяет ее обойти. Но, я думаю, этот ответ имеет и фактическую убедительность. Он сводится к двум пунктам. Во-первых, в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траектории поведения индивидов в человейнике, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это — позиция аутсайдера, человека, который отказался (не может, не хочет) принимать участие в «крысиных» гонках. В «Зияющих высотах» уже знакомый нам Болтун рассказывает о себе такую историю. В армейской столовой «интеллигентный по виду парень» взялся делить на восемь человек одну буханку хлеба. Он отрезал один большой кусок, второй чуть поменьше, остальные как попало. Затем он воткнул нож в самый большой кусок со словами: «хватай»,

> …для меня, — продолжал Болтун, — наступил момент, один из самых важных в моей жизни. Или я подчиняюсь общим законам социального бытия и постараюсь схватить кусок по возможности побольше, или я иду против этих законов, то есть не участвую в борьбе… я взял тот кусок, который остался лежать на столе. Самый маленький. Эта доля секунды решила всю мою последующую жизнь. Я заставил себя уклониться от борьбы[3].

Во-вторых, деловой, а отчасти коммунальный и менталитетный аспекты деятельности социальных индивидов предполагают такие моменты, которые требуют объективных знаний, в результате чего производство научных знаний становится особой, необходимой для самосохранения общества социальной функцией. Разумеется, в ходе выполнения этой функции индивиды действуют вполне по законам расчетливого, осознанного эгоизма (кстати заметить, анализ нравов в научной среде стал одним из живых источников пессимистических социальных и антропологических обобщений Зиновьева), и поэтому здесь наряду со знаниями производится и огромная масса предрассудков. Но тем не менее знания тоже производятся.

Оба обозначенных мной момента связаны между собой. Законы социальности предполагают в небольшом количестве индивидов, выключенных из борьбы, для которых сама эта выключенность оказывается своего рода социальной позицией. Это необходимо для эффективности социального организма. Типичный пример: безработица как условие эффективного хозяйствования в рамках рыночной экономики. Конкретные причины выпадения могут быть разными, одна из типичных и в рамках нашего рассуждения самых важных состоит в том, что механизм социальности вытесняет часто наиболее продвинутых, выделяющихся в сторону превышения нормы (так, например, в иных странах

[3] *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. Кн. 1. С. 250.

и в иные периоды безработных инженеров и профессоров может быть больше, чем безработных слесарей или посудомоек). Остракизм как изгнание наилучших не является специфическим фактом античной демократии, он органичен всякой человеческой коммунальности, только проявляется в разных формах и масштабах; в последующей истории он осуществляется чаще всего в прикрытом виде. Занятия самих выпавших (изгнанных), как правило, определяются родом деятельности в той сфере, из которой их выдавили. К производству знаний более всего приспособлены те индивиды, которые выбиты из социальной борьбы, уклонились от нее в рамках науки: они занимаются наукой, потому что это их дело и чаще всего ни на что другое они не способны, и занимаются ею успешно, так как у них нет привходящих (социальных) интересов, искажающих истину. Для них умение понимать реальность лучше, чем другие, становится источником человеческой гордости и своего рода социальной позицией. В этом смысле вполне понятно, почему Зиновьев настойчиво подчеркивает, что он — исследователь и так отчаянно борется за собственный «государственный суверенитет», дающий ему возможность говорить правду, как он ее понимает.

* * *

«Дело не в том, чтобы открыть правду о себе. На это много ума не нужно. Дело в том, как после этого жить», — читаем мы в «Зияющих высотах»[4]. Одна из парадоксальных особенностей социологии Зиновьева состоит в том, что она отвлекается от внутренней жизни человека, обходится без понятия личности, а в сознательном характере деятельности видит лишь фактор, усиливающий социальную детерминированность поведения. Тут-то и возникает вопрос: как же жить после этого? Куда девать идеалы? Ответ на него, который объективно вытекает из всей логической социологии

[4] *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. Кн. 1. С. 296.

Зиновьева и который он сам формулирует, состоит в следующем. Жизнь в идеале вовсе не лишена смысла. Она и есть истинно человеческая жизнь. Но возможна она за пределами социальности. Внутри человейника, но не по его правилам. Она возможна как исключение, редкий случай и всегда как индивидуальный героизм. Где-то у Зиновьева есть фраза: когда хотят плюнуть на законы тяготения, тогда строят самолеты. Эту формулу можно считать типовой для его нравственной позиции.

Вот цельное рассуждение А. А. Зиновьева на эту тему:

> У меня нет никакой позитивной программы социальных преобразований. Но не потому, что я не способен что-то выдумать на этот счет, а в принципе. Любые положительные программы социальных преобразований имеют целью и отчасти даже результатом построение некоего земного рая. Но опыт построения земных раев всякого рода показывает, что они не устраняют жизненных проблем, драм и трагедий.
>
> Наблюдая жизнь и изучая историю, я убедился в том, что самые устойчивые и скверные недостатки общества порождаются его самыми лучшими достоинствами, что самые большие жестокости делаются во имя самых гуманных идеалов. Нельзя устранить недостатки того или иного общественного строя, не устранив его достоинства…
>
> А раз так, то главным в моей жизни должна быть не борьба за преобразование общества в духе каких-то идеалов, а создание идеального общества в себе самом, самосовершенствование в духе моего идеала человека. По этому пути я фактически и шел до сих пор[5].

[5] *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. М.: L'Âge d'Homme — Наш дом, 1995. С. 122.

* * *

«Запад. Феномен западнизма»[6] — первая книга выдающегося социального мыслителя современности Александра Александровича Зиновьева, посвященная анализу общественного строя западных стран. До сих пор А. А. Зиновьев как социолог и писатель интересовался только Россией, советским обществом и коммунизмом, об этом — десятки его книг, в том числе и самая последняя, «Русский эксперимент» (1995). И вдруг 72-летний ученый заинтересовался Западом. Почему? Тому есть очень существенная причина. Развал коммунистического блока и Советского Союза мгновенно превратил в рухлядь многие «научные» истины. И среди них — представления о роли внутренних и внешних факторов в развитии конкретных обществ и стран. В самом деле, осмысливая причины случившегося, одни говорят, что социализм рухнул сам по себе, в силу своей внутренней нежизнеспособности; другие, напротив, виной всему считают деятельность мировой закулисы. И те, и другие глубоко убеждены в своей правоте и имеют на то весомые аргументы. Но сам этот спор свидетельствует о том, что изменилась общая ситуация в мире. Сегодня внешние и внутренние факторы развития не отделены друг от друга столь определенно и отчетливо, как это было еще в начале или даже середине нашего века. Идет глобализация социальных процессов в масштабе всего человечества. Александр Зиновьев фиксирует этот процесс с одним существенным и исключительно важным дополнением: в его установлении господствующее положение занимает западный мир. Дело зашло настолько далеко, что теперь уже судьба отдельных стран, в особенности таких крупных, как Россия, вписана в контекст гегемонистских притязаний Запада на всю планету. И глобализация сводится не к горизонтальным контактам («диалог культур»), а к единой иерархии, где есть единый центр и обслуживающая его

[6] *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.

многоярусная периферия. Об этом пишет в своей книге профессор Зиновьев, и пишет, как всегда, аналитично, доказательно, системно. Более того, он предлагает цельную теорию, объясняющую характер современных социальных процессов в западных странах.

То, что А. А. Зиновьев пишет о Западе, совершенно не похоже на расхожие представления о нем, бытующие в наших головах, независимо от того, являются ли эти головы «демократическими», «националистическими» или «коммунистическими». И не похоже на то, что пишут о Западе сами западные философы и политологи и другие специалисты (их автор считает в целом идеологами и пропагандистами, полагая, что они немногим лучше бывших советских или нынешних демократических идеологов в нашей стране).

Исследовать какой-либо объект — значит проникнуть в его скрытую суть, за оболочку, то есть разоблачить его, разрушить поверхностные представления о нем. Применительно к обществу исследование всегда и неизбежно оборачивается критикой, преодолением предрассудков, ложных, чаще всего приукрашенных, представлений, которые люди, группы людей и общество в целом создают о самих себе. «Умение жить в обществе и умение понимать его не только не совпадают, но являются в какой-то мере взаимоисключающими» (с. 8). Настоящий исследователь поэтому, как правило, бывает неугоден властям, третируем общественным мнением. Его вытесняют на задворки общественной жизни или даже вовсе изгоняют из своей страны. Так в XVI в. вынудили покинуть родину Джордано Бруно, в XVII в. — Томаса Гоббса, в XVIII в. — Жана Жака Руссо, в XIX в. — Карла Маркса, в XX в. — Александра Зиновьева.

На Западе, а теперь и у нас, вошло в моду называть «аналитическими» или «исследовательскими» центрами учреждения, которые интеллектуально обслуживают власти. Называть так эти духовные притоны — значит совершать самое кощунственное насилие над понятиями. Когда группа профессоров обсуждает вопрос о том, как поднять рейтинг

президента или удержать инфляцию, то в такого рода деятельности не больше исследования и аналитики, чем в размышлениях грабителей, думающих о том, как бесшумно очистить банк. А. А. Зиновьев исследовал советское общество и был самым глубоким его критиком. Он не был его противником, что полностью подтвердилось его отношением к перестроечным и постперестроечным делам.

Он исследует западное общество, исследует глубоко, всесторонне и именно поэтому беспощадно критикует и разоблачает его. Он — не противник западного общества. Когда говорят, что вот, мол, Зиновьев является неблагодарным, что он прожил на Западе 18 лет, пользуется благами этого общества и в то же время ругает, то в этих упреках слышится мещанское непонимание и неприятие зиновьевской позиции. В своем диагнозе западного общества А. А. Зиновьев так же мало виноват, как и врач, который находит у больного разросшуюся раковую опухоль.

«Целились в коммунизм, попали в Россию», — сказал А. А. Зиновьев несколько лет тому назад в одном из телевизионных интервью. Это фраза стала крылатой. Ее быстро «оседлали» политики и публицисты из так называемой непримиримой оппозиции, а некоторые модники слова стали практиковать буквально. Сам Зиновьев не несет ответственности за недобросовестную эксплуатацию хлесткой фразы. В отрывке «Холодная война» он показывает, что на самом деле-то и целились в Россию, коммунизм был предлогом и прикрытием. Коммунизм стал мишенью, видимой целью хорошо продуманной, глубоко эшелонированной атаки лишь постольку, поскольку он отождествлялся с Россией, был формой ее социального бытия. А сам по себе — как учение и общественный идеал, как историческая тенденция — коммунизм мало беспокоил Запад. Более того, в каких-то целях и дозах он ему даже нужен. Достаточно посмотреть, как быстро угас ажиотажный интерес и изменилась тональность западной науки и публицистики по отношению к марксизму после краха коммунизма в России в странах Восточной

Европы! Или еще: в государственных, академических и иных кругах США было очень много штатных критиков коммунизма и советологов, которые консультировали борьбу против СССР. Разве они остались без работы? Разве им пришлось переучиваться? Еще одно замечание. Оно касается существенного для концепции А. А. Зиновьева термина «западнизм». Этот термин обозначает современный социальный строй стран Запада, который начал складываться после Второй мировой войны. Он происходит от слова «Запад», а не «западня». Хотя усиленная и, скорее всего, уже бесповоротная западнизация планеты для многих народов, в том числе и русского, вполне может обернуться настоящей западней. И это искренне беспокоит Александра Зиновьева. Именно она, эта мысль, стучит в его сердце. Ведь «Запад» — не просто труд выдающегося ученого. Это еще и взгляд русского человека на современный мир.

* * *

Часто мы меньше всего знаем людей известных, потому что читать и прочитать — не всегда одно и то же. Например, многие читали в начале прошлого века философский труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», впервые опубликованный в 1818 г. Однако прочитали его впервые и поняли, что Шопенгауэр есть Шопенгауэр, только через полвека. Нечто подобное происходит и с Зиновьевым: мы смотрим на него и не видим, читаем и не прочитываем. Укажу всего лишь два факта.

Со школьных лет нам твердили, что эпоха универсальных гениев-энциклопедистов прошла, настало время узких специалистов — не вообще ученых, а гуманитариев или естественников, не вообще естественников, а физиков или химиков, не вообще химиков, а химиков органиков или неоргаников и т. д. Но вот является талант, который ярко заявляет себя в литературе, социологии, логике, изобразительном искусстве… И никто не замечает этого чуда. И все остаются при мнении, что Леонардо да Винчи и Ломоносовы остались там, в прошлом.

На наших глазах одна за другой выходят книги: «Смута» (1994), «Русский эксперимент» (1995), «Запад» (1995), «Глобальный человейник» (1997). Называю только те из книг, которые написаны А. А. Зиновьевым в возрасте после 70 лет. К тому же надо учесть, что до этого он не сидел сиднем и не спал беспробудным сном, а находился в непрерывном и необычайно продуктивном творческом процессе более сорока лет, если вести отсчет с кандидатской диссертации, явившейся событием в философской жизни страны. И никто этой творческой неиссякаемости, нравственной самоотверженности, этой фантастической работоспособности, наконец, не замечает, как будто речь идет о заурядном явлении, как будто наше информационное пространство не заполнено примерами, когда вместо новых произведений мы слышим глубокомысленные рассуждения «мэтров» о работе над ними, как будто не надоели глубокомудрые академики, про которых никто толком не знает, что они сделали.

Определенно: Россия еще не прочитала А. А. Зиновьева, не увидела масштаба этого человека. Масштаб этот, пожалуй, чувствуется только в том, как дружно, со злой молчаливостью и глухим упорством наш духовный истеблишмент отторгает Зиновьева. Здесь напрашивается аналогия с гадким утенком из известной сказки. Поистине, А. А. Зиновьев — гадкий утенок нашей культуры.

Представлять книгу «Глобальный человейник», как и ее автора, так же и легко, и трудно. Легко, потому что она похожа на другие работы автора, в частности, как точно отмечено в предисловии редактора, на «Зияющие высоты» — с тем отличием, что «Зияющие высоты» — о советском коммунизме, а «Глобальный человейник» — о Западе. Трудно, потому что другие его работы сами являются неразгаданной головоломкой.

Когда характеризуешь какое-либо произведение, то первое и элементарное требование состоит в том, чтобы указать на его родовой признак, отнести к какому-либо жанру. Применительно к «Глобальному человейнику» это сделать крайне

трудно. С жанрами в русской литературе всегда были сложности. Л. Н. Толстой, говоря о «Войне и мире», предостерегал от того, чтобы сие творение называть романом. Он полагал, что ни одно значительное произведение русской литературы XIX в. не выдерживает жанровой специфики. В самом деле, ведь не из-за желания оригинальничать назвали Пушкин «Евгения Онегина» романом, а Гоголь «Мертвые души» — поэмой! В особенности жанровое «хулиганство» сказалось в русской поэзии, едва ли не все блестящие успехи которой достигнуты при полном игнорировании традиционных канонов. Но все-таки жанровая неопределенность не выходила за рамки художественной литературы. Зиновьев пошел дальше и придал этой путанице качественно новый вид, в результате чего уже мы не можем сказать, относятся ли его произведения к литературе художественной или научной. Он создал новый жанр социологического романа. Этот жанр можно было бы назвать также художественной социологией. В «Глобальном человейнике» грань между научно-социологическим трактатом и литературно-художественным произведением крайне условна, одно легко и незаметно переходит в другое, в результате чего мы имеем и полновесный, стопроцентный роман, и полновесное, стопроцентное научное исследование. Как такое получается — непонятно.

Это и есть Зиновьев. Он — весь на ладони и одновременно непонятен. И особенно тогда непонятен, когда тебе кажется, что ты его уже понял.

Не меньше трудностей доставляет и содержательная характеристика, оценка «Глобального человейника». Насколько неопределенными были в прошлом жанровые границы лучших образцов русской литературы, настолько же четкими были в них разграничительные линии между добром и злом. Даже у парадоксалиста Достоевского Алеша Карамазов есть Алеша Карамазов, а Смердяков есть Смердяков. И как говорится, вместе им никогда не сойтись. В произведениях Зиновьева грань, отделяющая добро от зла, является тонкой, если не отсутствует вовсе. У него одно неотличимо сливается

с другим. Сказать про его героев, кто добрый, а кто злой, кто положительный, а кто отрицательный, где Пьер Безухов, а где Анатоль Курагин, — невозможно. Он видит жизнь и людей таким образом, что лучшее у него вдруг оказывается худшим, а худшее — лучшим. В этом смысле Александр Александрович Зиновьев, несомненно, открывает новую эпоху в русской литературе. Надо заметить, что он — не единственный. Одновременно с ним постморалистический прорыв сделал другой замечательный писатель Венедикт Ерофеев своим произведением «Москва — Петушки».

Читая Зиновьева, нельзя понять, где он беспощадно издевается, а где строго анализирует. Его произведения — это и сатира, и исследование одновременно. К примеру, он говорит: «Человек есть на всё способная тварь». Наше ухо сразу фиксирует: это — уничижительная характеристика человека. Тварь уважать нельзя, в особенности если от нее можно ждать всё что угодно. А теперь давайте еще раз вчитаемся и вдумаемся в эту фразу и отвлечемся от нашего восприятия. Вспомним, что «тварь» — лишь старинное слово, обозначающее творение, вникнем, что «быть способным на всё» — значит обладать ничем не скованной способностью к творчеству. Давайте вникнем в прямой смысл предложения: «Человек есть на всё способная тварь». Согласитесь: здесь всё точно. Поразительная оборачиваемость аналитики и сатиры, суждения и осуждения в «Глобальном человейнике» обнаруживается, пожалуй, более органично, чем в других произведениях Зиновьева. Само название «Глобальный человейник» сразу вызывает ассоциацию с муравейником. Ассоциация усиливается, когда автор именует субъектов общества на стадии глобального человейника человьями. Казалось бы — чистая сатира, форменное издевательство. Но не тут-то было. При более вдумчивом чтении обнаруживается, что это название инспирировано также научным пониманием общества, которое представляет собой органическое целое и не только не является суммой или совокупностью индивидов, но в своем истинном содержании сверхиндивидуального образования

может быть правильно понято только в том случае, если вообще отвлечься от деятельности индивидов как свободных и разумных существ, т. е. если смотреть на них как на муравьев, а на их массу — как на муравейник. Зиновьев смотрит на людей и гневным взором моралиста, и беспристрастным взглядом зоолога.

Одна из страшных особенностей общества будущего, выкроенного по западным образцам и названного Зиновьевым глобальным человейником, состоит в том, что оно является искусственным. Всё в нем рационально рассчитано, спроектировано, сведено к научно-техническим параметрам, до скуки упорядоченно и предсказуемо. Люди сливаются с роботами до неузнаваемости. Здесь всё не просто машинообразно, а заменено машинами — биотехнические любовники, роботы-воспитатели, компьютерные души и т. д. У главного героя, которого зовут *Ал*, есть робот-двойник, которого зовут *Ла*. Словом, сплошной ужас.

И вдруг мы узнаем, что на эту искусственность можно и даже должно взглянуть с другой стороны, в результате чего она выглядит выдающимся достижением человечества. В ответ на тоску главного героя по подлинности, естественности его коллега, любовница и самая умная собеседница *Ро* говорит:

> В чем ты видишь разницу между естественным и искусственным? Всё человеческое искусственно. Когда наш предок впервые взял в руки палку или камень, он встал на путь искусственности. В его природе это не было предусмотрено как нечто естественное. И вместе с тем всё то, что человечество изобрело искусственного, было достигнуто в рамках всё той же природы, в соответствии с теми же ее законами.

Книга «Глобальный человейник» — художественное по форме и научное по существу произведение о Западе в наиболее специфичных его чертах, образующих западную

цивилизацию. Автор рисует картину будущего Запада, которая является слепком с настоящего. Он показывает, что будет с обществом, построенным по чертежам западной цивилизации, когда Запад до конца развернет свою сущность и получит безраздельную гегемонию над миром. Зиновьев-писатель и Зиновьев-ученый говорит людям и у нас, и на Западе: смотрите, что будет, если всё будет развиваться так, как развивается сейчас. Вот вам картина такого будущего, и это не утопия, не вымысел. Это точный прогноз, потому что всё это уже есть. Смотрите и решайте: хотите вы этого или нет.

ЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ*

Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) — мыслитель и поэт, человек ренессансного типа, оригинально заявил себя в различных областях интеллектуальной деятельности: **философской методологии** («Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса, 1954)», логике («Философские проблемы многозначной логики», 1960; «Логика высказываний и теория вывода», 1962; «Логика науки», 1972; «Очерки комплексной логики», 2001, и др.), **социологии** («Коммунизм как реальность», 1980; «Запад», 1995; «Глобальный человейник», 1997; «На пути к сверхобществу», 2001; «Логическая социология», 2002, и др.), **художественной литературе** («Зияющие высоты», 1976; «Светлое будущее», 1978; «Желтый дом», 1980; «Катастройка», 1988; «Смута», 1994, и др.), **этике** («Иди на Голгофу», 1985; «Живи», 1988; «Мой дом — моя чужбина», 1983; «Евангелие для Ивана», 1984, и др.), **изобразительном искусстве** (наиболее полный альбом «Рисующий писатель Александр Зиновьев», 2016, содержит большую часть сатирических портретов современников, в том числе российских философов Э. Ильенкова, Б. Грушина, М. Мамардашвили, Ю. Замошкина, П. Копнина, Ю. Бородая, Э. Соловьева, В. Толстых, М. Митина и др.). Жизнь его была

---

* Впервые опубликовано: *Гусейнов А. А.* Александр Александрович Зиновьев: логическая социология // Философия во множественном числе / Сост. и отв. ред. А. В. Смирнов, Ю. В. Синеокая. М.: Академический проект, 2020. С. 173–178.

исключительно напряженной и драматичной: отличник советской средней школы, боевой офицер во время Великой Отечественной войны против фашизма, по окончании с отличием философского факультета и аспирантуры Московского государственного университета им. Ломоносова работал 21 год научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, после публикации в 1976 г. в Швейцарии (лозаннском издательстве Дмитриевича «L'Âge d'homme») романа «Зияющие высоты», представлявшего собой сатиру на советскую реальность, лишен всех научных степеней, званий, государственных наград и гражданства, 21 год провел в эмиграции в Мюнхене, зарабатывая литературным трудом, в 90-е гг. восстановлен в гражданстве, вернулся на Родину и последние шесть лет жизни провел в Москве, активно ведя научную, профессорскую и публицистическую деятельность, работал в Московском университете и ряде других научных и образовательных центров, в том числе родном Институте философии, не принял новый социальный строй России. Зиновьев был неугоден и в Советском Союзе, и на Западе, и в современной России, его судьбу можно описать словами поэта: «Я всеми признан, изгнан отовсюду» (свой жизненный путь он описал в книге «Исповедь отщепенца», последнее дополненное издание 2005 г.). Разные грани творчества Зиновьева дополняют друг друга и как бы составляют одну большую книгу. Зиновьев собрал их в компактном виде, представив в одном томе в качестве своего научного мировоззрения, назвав «Фактор понимания» (издана посмертно в 2006 г.).

Объединяющим центром разносторонних изысканий Зиновьева является социология, понятая как научное исследование своей эпохи. Юношей он оказался перед дилеммой, перед которой оказывались многие из числа его честных, думающих современников: они принимали коммунистические идеалы, вдохновлялись ими, но реальность, которую они видели перед собой, была иной, удручающей. Человек цепкого ума, сильной воли и огромного бесстрашия, Зиновьев стал думать, почему это так. Основное направление критической

мысли связывало главную причину недостатков жизни с тем, что люди, прежде всего руководители, отступают от социализма, от выверенных марксистских истин, официальная государственная идеология в свою очередь была склонна сводить причины недостатков и деформаций общественной жизни к вредителям, пережиткам и влиянию капитализма. Ни одно, ни другое объяснение не устраивало Зиновьева, он уже знал одну твердую философскую истину: сознание выводится из бытия, а не наоборот. Поэтому необходимо начать с познания самой жизни, исследовать реальное общество, в котором мы живем, а не руководствоваться пожеланиями и мечтаниями. Человек рожден разумным существом, он должен, следовательно, прежде всего разобраться в самой действительности, понять истину своей жизни. Так определился его философский путь исследователя. Быть верным истине и свидетельствовать ее стало девизом Зиновьева.

Мастер начинает с инструмента. Первый этап исследовательской деятельности Зиновьева начался с методологии и логики. На примере методологии «Капитала» Маркса Зиновьев показал, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному сам является конкретным, он не может сводиться к общим схемам, а предполагает и требует уточнения применительно к эмпирическим наукам. Отсюда — его занятия логикой и их направление. Предмет логики он уточняет как язык, рассмотренный только в одном качестве — искусственно изобретенной с целью фиксировать, хранить, перерабатывать и наращивать знания и отделенной от тела знаковой системы. Она выделяет в языке компоненты, составляющие структуру знаний (термины, высказывания, операторы и другие обслуживающие и производные от них элементы знаний), подвергает их особой обработке и устанавливает правила оперирования с ними. Зиновьев был одним из пионеров развития математической логики в Советском Союзе, предостерегая одновременно от подмены логики математикой. Он считал логику самостоятельной наукой, которая лежит в основе всех других наук, включая также математику. Его

принципиальная установка состояла в том, что в науке не должно быть проблем, неразрешимых по причине недостатка средств их логического выражения. По мнению Зиновьева, общая ориентация основ логики состоит в ориентации на обслуживание целей эмпирических наук. Соответственно, социология также требует своей логики.

Зиновьев делает следующий шаг — приступает к исследованию языка социологии с целью его строгой логической обработки. Социология есть объединение многих людей, то есть сам факт множества людей создает с неизбежностью некую строгость их функционирования: они объединяются, складываются в целостности, человейники (по терминологии Зиновьева), поскольку они живут исторически долго, обладают общей памятью, занимают определенную территорию. Человейники живут по столь же объективным законам, как и законы природы. Социология имеет дело с индивидами только в качестве социальных субъектов, то есть в качестве членов социальных объединений. Существуют законы социальности, которые являются законами функционирования больших масс людей. Следование им является необходимым условием эффективной деятельности людей в качестве социальных субъектов (например, любое социальное объединение разделяется на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется; распределение благ индивидов в нем осуществляется в соответствии с местом социальных субъектов во властной иерархии). Законы социальности суть законы экзистенциального эгоизма, которые отличаются от законов зоологического индивидуализма животных лишь тем, что люди в силу их способности к познанию и рациональной организации реализуют их с большей неотвратимостью. Один из парадоксов социологии Зиновьева состоит в том, что чем выше управляемость социальных процессов, тем жестче и адекватней проявляется объективность социальных законов как законов экзистенциального эгоизма, тем менее они зависят от субъективного фактора. Что касается норм права, морали, других гуманистически ориентированных сознательных установок,

они вырабатываются людьми для того, чтобы защититься от законов социальности, от самих себя, и могут лишь смягчить их, но чаще всего сами становятся моментом действия этих законов. Несправедливость, неравенство, ложь, эгоизм и другие уродливые проявления самоутверждения индивидов складываются не вопреки социальности, а благодаря законам социальной жизни. Социальный мир, как и природный мир, объективен. Его можно улучшить, но изменить, чтобы в нем не было несправедливости и неравенства, в принципе невозможно.

Принципиальный характер законов социальности был раскрыт Зиновьевым в процессе исследования природы советского типа общества. Этот тип общества и есть реальный коммунизм. Другого коммунизма, где от каждого по способностям, каждому по потребностям, нет и быть не может быть. Ибанск из «Зияющих высот» — это и есть самый настоящий и подлинный коммунизм. Его и надо принять во всей уродливой суровости. Марксистская схема хотя и представляет собой развитую и для идеологических целей даже избыточно сложную светскую идеологию, тем не менее не выходит за рамки утопических проектов и призвана скрыть сущность нового социального, коммунистического строя. На самом деле наличие экономического и социального неравенства, классов, государства, денег, деформаций человеческих отношений, которые обнаруживаются в обществе реального коммунизма, выражают, хотя и свойственным ему образом, неизменные социальные законы. Реальному коммунизму, восторжествовавшему в России, Зиновьев не противопоставляет другую социальную реальность, практикующуюся в странах Запада. Изучив социальную реальность Запада, назвав ее западнизмом, он пришел к выводу, что там хотя и в своей манере и со своей спецификой, но тем не менее действуют те же законы экзистенциального эгоизма. Основные различия Зиновьев видел в том, что социальная реальность советского типа акцентирует внимание на коммунальный аспект социума, а западнизм — на его деловой аспект.

Исследование советского коммунизма Зиновьев осуществил в художественной форме, выработав для этого особый жанр социологических романов и повестей, которые шли в его творчестве параллельно с привычными жанрами интеллектуальных эссе. Его художественные произведения, наряду с особым одному ему свойственным стилем парадоксальной сатиры, отличаются также особым рядом эстетических особенностей, которые диктуются именно целями научного социологического анализа: а) основная нагрузка переносится не на сюжетную линию, а на живые человеческие ситуации; б) практически отсутствуют косвенные средства анализа характеров, они заменяются прямыми непосредственными отношениями людей, их разговорами и действиями; в) герои — не живые индивиды с собственным лицом и именем, а носители функций, социальных ролей и кличек: шизофреник, болтун, брат, заибан, претендент, социолог, учитель и т. д.; г) герои не распределяются по ценностным качествам и отсутствует некая последовательность того, что можно назвать правдой характера в словах и действиях: добро и зло, высокое и низкое, героическое и подлое соединены у Зиновьева между собой в один клубок.

Общество можно совершенствовать, считает Зиновьев, но сделать совершенным так, чтобы оно могло выпрыгнуть за рамки законов экзистенциального эгоизма, невозможно. Общество идеальным быть не может. Но это не значит, что сам человек в его индивидуальном качестве не может быть идеальным. Это возможно в том случае, если он не будет стремиться изолироваться от общества, спрятаться от него, пытаться уйти в частную жизнь, уберечь себя от грязи социальности, а, напротив, будет активно и сознательно противостоять ему, быть в обществе, но играть не по его законам, а по своим правилам. Зиновьев выработал для себя формулу жизни: «Я есть суверенное государство». Нравственно достойная позиция человека, постигшего природу социума, заключается в том, чтобы научиться, как он выражается, быть святым в условиях греховного производства. Зиновьев разработал

для себя детально продуманный свод правил, названный им учением о житии, или зиновьйогой, о том, как можно, зная законы социальности, противостоять им, подобно тому как, например, взлетая на самолете ввысь, мы научаемся преодолевать законы тяготения. Соединение беспощадного реализма с мечтательным романтизмом — вот что характерно для стиля Зиновьева как философа и человека.

ГЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ*

Талант Александра Александровича Зиновьева был универсальным. Он плодотворно проявил себя в разных областях духовного творчества — логике, философии, художественной прозе, поэзии, живописи. Полнее всего — в познании общества.

А. А. Зиновьев с ранней юности занимался исследованием социальных явлений, в первую очередь — советского общества как классического образца коммунистической социальной организации. Его интерес к социологии, по собственному признанию, начался с установления того, что описание советского общества в марксистской идеологии и советской пропаганде не соответствовало реальности, которую он наблюдал лично вокруг себя. Он отверг марксистское учение об обществе как ненаучное, но не в пользу какого-то другого учения. Он установил, что для понимания советского общества и социальных явлений вообще требуется особая методология исследования, которой в науке еще не существует и выработке которой он посвятил более десяти лет неутомимого труда с конца сороковых годов XX в., результатом явилась оригинальная логическая теория, ориентированная на потребности опытных наук, социальных наук в первую очередь. Социологическое учение, созданное им, явилось применением результатов его логико-методологических исследований. Расхождение между советским обществом как

---

* Впервые опубликовано: Вестник Российского философского общества. 2006. № 2. С. 231–234.

реальностью и тем, что оно о себе думает, определило не только человеческий пафос и окольный (опосредованный логикой) путь социологической теории А. А. Зиновьева, но и ее особую литературно-сатирическую форму. Она изложена в социологических романах и повестях — особом, созданном им роде литературы, в котором научное исследование органически слито с художественным изображением, а также в научных эссе, часто имеющих форму острых памфлетов. А. А. Зиновьев предвосхитил в своем творчестве стиль, получивший в философской литературе беспомощное название «постмодернизм».

Разрабатывал А. А. Зиновьев свою социологическую теорию в Советском Союзе нелегально, поскольку она явно имела по методологии и теоретическим установкам немарксистский и даже антимарксистский, а по социально-нравственному настрою — акцентированно критический характер. Публиковать ее идеи и результаты он начал лишь в 1976 г. в контексте литературных произведений и на Западе. Первой публикацией такого рода явились «Зияющие высоты», которые были изданы более чем на двадцати языках планеты и принесли А. А. Зиновьеву мировую известность и как писателю, и как социологу. За свои социологические идеи А. А. Зиновьев был уволен с работы, лишен всех степеней, званий, а после высылки из страны в 1978 г. — еще и гражданства. В вынужденной эмиграции он провел 21 год. За это время опубликовал множество социологических романов и научных эссе. В 1980 г. появилось социологическое эссе «Коммунизм как реальность», которое было издано на многих языках планеты и за которое А. А. Зиновьев был награжден премией Алексиса де Токвиля в 1982 г. Книга имела беспрецедентную для социологических трудов прессу, в которой она оценивалась как первое и единственное тогда (что остается верным до сих пор) научное описание реального коммунистического общества. Затем последовали многочисленные книги и десятки статей, посвященные развиваемой А. А. Зиновьевым научной концепции

реального коммунизма, включая работы о гибели советского (русского) коммунизма.

В работах А. А. Зиновьева по теории коммунизма дано непревзойденное описание социальной организации коммунизма, его объективных закономерностей, причем реальных, а не вымышленных, о которых трубила (и трубит по сей день) как апологетическая, так и критическая литература. Многие работы А. А. Зиновьева носили прогностический характер. Так, он вопреки общепризнанному мнению показал, что коммунистическое общество не является бескризисным, и предсказал надвигающийся в Советском Союзе кризис, сам тип кризиса задолго до прихода к власти М. С. Горбачева. Он предупреждал, что любые реформы в предкризисной ситуации гибельны, что начавшаяся перестройка и сменивший ее курс ельцинских реформ с неизбежностью приведут к краху советской социальной организации страны в целом. Он ввел в оборот выражение «катастройка» (его книга с таким названием также стала мировым бестселлером). Ему принадлежит формула «Целились в коммунизм, а попали в Россию», кратко выразившая его теоретическое обоснование концепции, согласно которой Запад использовал борьбу против коммунизма лишь как повод и маскировку войны, направленной на разрушение России.

Начиная с первых лет жизни в эмиграции А. А. Зиновьев включил в сферу своих социологических исследований современный западный мир. Результатом явился цикл работ, посвященных реальному социальному строю западных стран, по его терминологии — западнизму. Основные результаты его исследования были опубликованы в книгах «Запад» (1995), «Великий эволюционный перелом» (1999), «На пути к сверхобществу» (2000), «Глобальный человейник» (1997). В своих работах А. А. Зиновьев убедительно показал, что реальный современный Запад имеет мало общего с тем, как его изображают в западной идеологии и пропаганде. Интересно, что в закрытых рецензиях на работы о Западе рецензенты называли идеи А. А. Зиновьева клеветой на западное общество,

подобно тому как советские рецензенты называли его работы о реальном коммунизме клеветой на советское общество. По-видимому, восприятие социальной теории со стороны официальной идеологии как клеветнической можно считать одним из индикаторов ее научности. В самом деле, разве не так были восприняты в свое время учения Н. Макиавелли, Т. Гоббса, К. Маркса?! И разве может быть иной реакция общества по отношению к учениям, которые разоблачают его, говорят о том, что оно является не тем, за кого себя выдает?!

Исследования А. А. Зиновьевым западного мира переросли в исследование великого (по его оценке) эволюционного перелома в истории человечества, который произошел в XX в. Этот перелом, по мысли философа, заключается в переходе человечества от эпохи социальных объединений типа обществ к эпохе сверхобществ. В целом ряде публикаций и публичных выступлений он первым в мировой социологии дал научное описание структуры и основных признаков сверхобществ. Первым сверхобществом огромного масштаба, по мысли А. А. Зиновьева, был Советский Союз, который опередил в этом отношении западный мир почти на полвека. «Разгромив коммунизм на Востоке, — писал А. А. Зиновьев в предисловии к книге "Запад", — Запад сам устремился в том же направлении» (в смысле эволюции к сверхобществу). Игнорируя исследования А. А. Зиновьева по теории сверхобщества, невозможно понять на научном уровне социально значимые явления современности. Другой его фундаментальный вывод в этом контексте — установление начала мировой войны нового типа за господство западнистского сверхобщества над всем человечеством. Именно в этом, по его мнению, заключается социальная сущность процессов западнизации, американизации и глобализации.

С начала 1990-х г. А. А. Зиновьев внимательно следил за крахом коммунизма и установлением в России новой социальной организации, названной им постсоветизмом. Если за исследования реального коммунизма А. А. Зиновьева подвергли гонениям в СССР, а его исследования реального

Запада окружили заговором молчания на Западе, то результаты его анализа причин краха советского коммунизма и социальной сущности его последствий вызвали неприятие и официальной России, и официального Запада. К этому добавилось отчужденное отношение к нему со стороны профессиональных социологов. Наиболее значительными сочинениями А. А. Зиновьева этого периода являются книги «Горбачевизм» (1988), «Катастройка» (1988), «Кризис коммунизма» (1991), «Гибель империи зла» (1991), «Русский эксперимент» (1995), «Посткоммунистическая Россия» (1996), «Гибель русского коммунизма» (2001), «Русская трагедия» (2002).

Чтобы подняться в социологии на научный уровень, согласно А. А. Зиновьеву, необходимо логически обработать язык, на котором люди думают и говорят о социальных объектах, а также методы исследования этих объектов. Такую обработку он назвал логической социологией. Разработку этой новой науки на грани логики и социологии А. А. Зиновьев начал еще в пятидесятые годы прошлого века. Первой работой такого рода явилась его кандидатская диссертация, посвященная логическому анализу метода «Капитала» К. Маркса. Она явилась в свое время одним из самых значительных событий в советской философии и логике, была издана лишь в конце 2002 г. В наиболее четкой и систематичной форме логическая социология представлена в книгах «На пути к сверхобществу» и «Логическая социология» (2002).

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА*

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) как автор считается сатириком, а основное прославившее его произведение «Зияющие высоты» — карикатурой на советское общество. Однажды в ходе беседы с ним я, следуя этому распространенному мнению, назвал его взгляд на мир сатирическим. Он однозначно и твердо возразил, сказав, что в нем нет ничего сатирического, свое понимание реальности он назвал научным, а утверждения, в какую бы форму они ни облекались, изображают вещи такими, какие они суть на самом деле. Вспомнил этот врезавшийся в память разговор в связи с тем, что сочинение Зиновьева «Глобальный человейник», в котором он предлагает свое видение будущего, Википедия клиширует как «фантастический роман-*антиутопию*». Если принять во внимание, что утопия буквально означает несуществующее место, то антиутопия как двойное отрицание должна означать нечто вполне реальное. Сам Зиновьев назвал свое сочинение социологически-футурологической повестью; в нем дана картина социальной жизни объединенного человечества в будущем, в условиях всемирно-исторического торжества западной цивилизации. Он считает эту картину вполне реальной в той мере, в какой будущее вытекает из прошлого, является его продолжением и отрицанием,

---

* Впервые опубликовано: Ведомости прикладной этики. Вып. 59 / Под ред. В. И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2022. С. 103–114.

и не случайно для ее характеристики употребил понятие футурологии (суждения о будущем, как замечал Зиновьев, полнее верифицируемы и потому более научны, чем суждения о прошлом). Об антиутопии здесь можно говорить только в том смысле, что для самого автора такое будущее, которое он как добросовестный исследователь описывает, является нежелательным. Вот как Зиновьев определил основную идею «Глобального человейника»:

> Наш XX в. был, может быть, самым драматичным в истории человечества с точки зрения судеб людей, народов, идей, социальных систем и цивилизаций. Но, несмотря ни на что, он был веком человеческих страстей и переживаний — веком надежд и отчаяния, иллюзий и прозрений, обольщений и разочарований, радости и горя, любви и ненависти… Это был, может быть, последний человеческий век. На смену ему надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти[1].

Зиновьев — человек ренессансного типа. В своем поколении и ближайшем окружении он является, пожалуй, наиболее разносторонним отечественным мыслителем: философ, логик, социолог, писатель, поэт, художник. Это — само по себе редкое явление в наше время узкой профессионализации. Оно является только внешним аспектом ренессансности. Более существенно то, что эти различные занятия, взаимно дополняя и переходя друг в друга, были соединены в цельное мировоззрение, которое он, вынеся в заглавие своей итоговой монографии, обозначил как фактор понимания. Он с детства почувствовал то, с чем сталкиваются индивиды во все времена, но что особенно остро обнаруживалось в условиях

[1] *Зиновьев А. А.* Глобальный человейник. М.: Центрполиграф, 1997. С. 9.

советского строя: с расхождением между тем, что люди говорят, к чему они на словах стремятся, чему их учат книги, и тем, что они на самом деле делают, какие реальные цели преследуют и чего они сами стыдятся — между высокими чистыми идеалами и низкой грязной повседневностью. Он, как пишет сам в автобиографии «Исповедь отщепенца» и как подтверждает вся его жизнь бунтаря и «вопрекиста» (по определению А. И. Фурсова), не мог, не хотел с этим мириться. Он не хотел отказываться от идеалов и не хотел погрязнуть в трясине жизни. Но как соединить одно с другим, как прожить жизнь с открытыми глазами и гордо поднятой головой, как говорить и действовать с пониманием того, что ты говоришь и делаешь, — вот что стало страстью и целью его существования. Так определилась стезя его жизни в той мере, в какой она зависела от него, его собственных усилий и решимости: учиться, думать, чтобы понять жизнь, которой живут люди, и общество, в котором они живут. Зиновьев любил говорить, что его не прельщают богатство, власть, удовольствия, что его амбиция — это амбиция исследователя. Он исследовал, проверяя на истинность всё, что делал. Он избрал судьбу истинного философа и развивал учения, которые в качестве непременного условия имели также для него самого нравственно обязывающий смысл. Известна его знаменитая формула: «Я есть суверенное государство». Не присвоить себе то, из чего состоит государство, а построить свое государство из того, что, с его точки зрения, достойно этого. Разные занятия, которыми занимался Зиновьев, были разными формами, аспектами его суверенного государства. Его книги, статьи, стихи, рисунки, интервью, лекции всегда отличались публицистической заостренностью, являлись не столько академическими текстами, сколько злободневными общественными поступками. Зиновьев был человеком ренессансного типа, прежде всего, своим знающим героическим противостоянием миру.

Сказанное относится и к проекту будущего, который он разработал во второй половине 90-х гг. прошлого века

и изложил в сочинении «Глобальный человейник». В нем интеллектуальная проницательность органично соединилась с личным мужеством. Чтобы во всей конкретности понять глобальный футурологический проект Зиновьева, его надо рассматривать в общем контексте его творчества и биографии. Он находится в ряду его социологических исследований, которым предшествовали, если брать ключевые вехи, «Коммунизм как реальность» (1981) и «Запад. Критика западнизма» (1995). Но прежде следует сделать одно важное методическое замечание.

Здесь позволю себе еще одно личное воспоминание. Однажды, когда при обсуждении вопроса о лучших философских книгах речь зашла о Зиновьеве, одному маститому отечественному социологу задали вопрос о том, как к Зиновьеву относятся социологи. Тот сказал: «В социологии нет такого имени». Ответ был, мягко выражаясь, обескураживающим, в особенности если учесть, что в свое время Зиновьев был номинирован выдающимся социологом Раймоном Ароном на премию имени Алексиса де Токвиля и получил ее. И все-таки наш маститый социолог по-своему был прав. Когда мы говорим о социологии Зиновьева, следует иметь в виду, что речь идет о его собственной теории, которую он именовал логической социологией и которая совершенно не похожа на то, что под названием социологии преподается в университетах и фигурирует в обществе в качестве дипломированного занятия. В частности, его социология является одновременно учением о человеке, она получает продолжение и выражение в том, что обычно именуется философской антропологией (хотя сам он не пользуется этим обозначением). Социология, как ее понимает Зиновьев, имеет совершенно строгий предмет: она занимается объединениями (целостностями) многих людей, которые функционируют по строгим законам. Эти законы в их самом общем и фундаментальном виде определяются тем, что речь идет об объединении многих, именно многих (больших) масс людей, которые для того, чтобы совместно действовать, внутренне организуются по жестким законам,

в частности необходимо выстраиваются во властную иерархическую структуру и подразделяются на группы господствующих и подчиняющихся. Соответственно, социология имеет дело с индивидами как социальными субъектами, рассматривая их в аспекте включенности и принадлежности к социальным объединениям, с точки зрения тех качеств, которые им необходимы в рамках данных объединений. Общие законы, на которых базируются социальные объединения, каковыми бы в своем конкретном содержании и человеческом наполнении они ни были, являются такими же естественными, как и природные законы: Зиновьев законы социальности называет законами экзистенциального эгоизма.

Люди, конечно, помимо того и наряду с тем, что они социальные существа, являются еще разумными созданиями; это не меняет естественного характера социальных законов, только делает их более жесткими и неотвратимыми, придает форму рационального расчета. Разум не обладает автономностью по отношению к социальности, наоборот, он вторичен. Отношения власти, господства и подчинения как несущая конструкция социальности и справедливого распределения благ внутри социума являются в такой же мере источником поддержания целостности человеческих объединений, в какой и их разрушения. Право, мораль, другие осознанные ограничения законов социальности сами оказываются их дополнительными усиливающими факторами. Разум как инстанция, выступающая от имени истины и образующая самостоятельный фактор понимания, может корениться в социальности только в качестве заложенного в ней самой моменте отрицания; соответственно, наиболее адекватным ему носителем может быть индивид, выступающий в маргинальной роли социального отщепенца (свое автобиографическое сочинение он так и назовет — «Исповедь отщепенца»). Словом, Зиновьев не признавал существенного разделения, тем более противопоставления общества и личности, социальных интересов и доброй воли индивидов; его диалектический ум парадоксалиста не видел противоречия между тем,

что законы общества объективны и в то же время являются результатами деятельности людей, они потому и тем больше являются объективными, что и чем больше они сознательны и управляемы. Его монография «Коммунизм как реальность» получает продолжение и завершение в повести «Гомо советикус», а «Глобальный человейник» — в учении о сверхчеловеке.

Зиновьев создал собственную социологическую теорию для того, чтобы научно осмыслить свое общество и свою эпоху. Он был совершенно не удовлетворен официально предлагающимся и общепринятым объяснением, согласно которому советский строй создается в соответствии с безупречным коммунистическим учением, а имеющиеся в нем разнообразные общественные и человеческие пороки являются отступлениями от него, всего лишь ошибками и недостатками. Следовательно, делался вывод, задача советских людей состояла в том, чтобы подтягивать реальность до идеала. Такой подход может соответствовать субъективным желаниям людей, их надеждам, чьим-то интересам, но не является научным, который предполагает и требует выводить сознание из бытия, а не наоборот. И Зиновьев обозначил принципиально другой, чем утверждала официальная идеология, взгляд, согласно которому советское общество в своей основе и есть коммунизм, тот реальный коммунизм, каким он только и может быть. И иного не бывает. Советский строй по многим параметрам, в том числе по таким существенным, как роль государства, разделение людей по критериям богатства, власти, отличается от того, что связывали с идеей коммунизма его учителя, но из этого логично сделать вывод, что ошибались последние, но не само общество, не социальная реальность. Именно такой вывод и сделал Зиновьев. Жизнь, будь то отдельного индивида или отдельных обществ, — это не диктант, не изложение, тем более не черновик, она не делается под диктовку или по памяти, она пишется (создается) теми, кто живет, и пишется сразу набело.

Первым и основным приложением общей социологии Зиновьева, описывающей базовую конструкцию, своего рода

архитектонику социальных объединений, стало советское коммунистическое общество, для изучения которого он ее и создал. Картина советского коммунизма, воссозданная им в целом ряде социологических романов и повестей, в систематическом виде изложенная в исследовании «Коммунизм как реальность», является на сегодняшний день единственной концептуально законченной теорией советского общества как исторического явления и социальной реальности. Замечательная особенность этой картины заключается в том, что для обоснования ее исторической фундаментальности автору совсем не пришлось ее приукрашивать: наоборот, она, подобно творениям современных художников, прекрасна именно своей почти карикатурной уродливостью. Понять, видимо, это могут только те, кто нарисован на этих картинах, кто жил в этом обществе. Тем, кто смотрит со стороны, не дано понять, что значит быть уродом в физическом, но в особенности в социальном смысле. Только уроды могут по-настоящему понять, прочувствовать всю невозможность и всю прелесть существования в качестве уродов. Например, советское общество соединялось убеждением, что советское — значит лучшее, и люди лучше, и вещи лучше, чем где бы то ни было; конечно, люди знали, что вещи, которые делают в капиталистических странах, часто и даже, как правило, бывают лучше, но это ничуть не опровергало общего убеждения. Со мной на курсе учился итальянский коммунист, который говорил, что им, итальянским коммунистам, иногда трудно поддерживать лозунг «всё советское — лучшее», в частности тогда, когда речь идет об итальянских велосипедах, которые славятся на весь мир. У советских людей таких сомнений не было, ибо их убеждение было не результатом эмпирических наблюдений, а предпосылкой, «аппаратом» восприятия этих наблюдений. Разве можно основы такого общества исследовать иначе, как в форме сатиры, и разве можно видеть в сатире нечто иное, чем самый глубокий реализм и точный научный метод. Можно считать удачей и нам надо быть благодарным Зиновьеву, что он придумал

не только оригинальную теорию советского коммунизма, но и адекватный для его изображения жанр социологического романа.

Важный, быть может, с научной точки зрения самый ценный социологический результат зиновьевских штудий советского общества состоит в том, что социальная утопия в форме совершенного общества невозможна. Нужно различать совершенство общества в социологическом (полнота функций, их внутренняя организация, эффективность и т. д.) и в этическом аспектах. Общество совершенное (соответствующее своему понятию, идеально сконструированное) в социологическом смысле возможно. Но его не может быть по моральным критериям. Идеальным общество быть не может. Идеал есть индивидуальный способ существования, он возможен только в обществе, в социуме, но в форме и в качестве условия его отрицания. Коммунистический идеал, как он был сформулирован еще в эпоху Возрождения, был уточнен и заимствован коммунистами XIX в., в том числе Марксом и Энгельсом, воплотил в себе вековые моральные чаяния людей; став идеологией советского государства, он обнаружил свою несовместимость с законами социальности, подобно тому как желание свободно летать несовместимо с законом тяготения. Стремление воплотить коммунистический идеал в реальность трансформируется в общество советского типа. Идеального коммунистического общества не может существовать, идеальными коммунистами могут стать отдельные индивиды, но не иначе как в форме изгоев такого общества. «В миропонимании Зиновьева нет ничего более далекого друг от друга, чем мораль и социальность. И нет ничего более связанного друг с другом. Они напоминают двух сцепившихся борцов, которые держатся на ногах только благодаря своим усилиям повалить друг друга»[2].

[2] *Гусейнов А. А.* А. А. Зиновьев: «Я есть суверенное государство» // *Гусейнов А. А.* Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 365.

Несмотря на уничтожающую критику советского коммунизма, которая, как он сам признавал задним числом в последние годы, невольно способствовала его разрушению, Зиновьев как человек не желал и, самое главное, как исследователь не предполагал такого исхода. Он не хотел краха советского государства. Вот его слова: «Свои литературные произведения писал, будучи уверен, что коммунистический режим пришел в России навечно»[3]. Это было не только эмоциональное ощущение гражданина, воспринимающее социальную атмосферу столь же органично, как тело воспринимает природную атмосферу, это было также убеждение ученого, знающего, что «тип цивилизации незыблем»[4] (из «Зияющих высот» мы узнаем, что весь мир становится Ибанском, а сменяющим друг друга Заибанам несть числа). Когда, тем не менее, невозможное стало возможным и советский коммунизм начал рушиться, Зиновьев почувствовал грозящую катастрофу и, когда весь мир, в том числе и прежде всего все прогрессивные представители коммунистического мира, наполнявшие страницы его произведений, млел от перестройки, он забил тревогу и назвал последнюю катастройкой. Молодой Зиновьев был антисталинистом, после смерти Сталина он перестал его ругать, сказав, что мертвого льва может лягнуть даже осел. Точно так же он изменил острие своего анализа советского коммунизма. Еще в романе «Светлое будущее» (издан в 1978 г., вслед за «Зияющими высотами»!) его герой говорит: «Случись что — я до последней капли крови буду защищать эту страну и этот строй жизни. Я не хочу возвращаться назад. Я хочу идти вперед, принимая случившееся как бесспорный факт. Критика коммунизма на почве коммунизма не есть борьба против коммунизма»[5].

[3] Завтра. 1993. № 2.

[4] *Зиновьев А. А.* В преддверии рая. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1979. С. 18.

[5] *Зиновьев А. А.* Светлое будущее. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1978. С. 220.

Это случилось. Для того чтобы лучше разобраться в том, что произошло, он обратился к изучению Запада. У Зиновьева, к этому времени уже более 15 лет жившего на Западе, мог сложиться и личный (автобиографический) интерес к нему, но основной его мотив, насколько могу предположить, был научный, социологический, связанный с судьбой советского строя и русского народа.

Запад в своей основе следует тем же законам социальности, которые свойственны и реальному коммунизму, но только с тем отличием, что он развил другую линию эволюции. Чтобы выделить эти различия в эволюционном развитии общества, Зиновьев наряду с понятием общества ввел отличное от него понятие человейника, которое обозначает свойственный homo sapiens способ совместного (стайного, стадного, насекомоподобного) существования. Ассоциация с муравейником является в данном случае вполне содержательной. Человейники в своей социальной организации проходят три стадии: предобщество, общество, сверхобщество. Предобщество нам известно как родо-племенная организация, степень его спаянности и сложности ограничены естественными родственными связями. Их много. Они переходят на стадию общества путем выделения власти как особой структуры, которая доминирует над остальной массой и обеспечивает более широкую и прочную, гарантированную основу существования человейников. Одновременно в обществе выделяются относительно самостоятельные аспекты социальной жизни: коммунальный, деловой и менталитетный. Они, будучи продолжением и результатом власти, находятся в сложных и противоречивых отношениях с нею. Обществ уже значительно меньше, чем предобществ. Общества существуют в форме разных типов цивилизаций. Они как социумы еще несут на себе следы природных различий и формируются в том числе в зависимости от составляющего их основу человеческого материала — его Зиновьев называл человеческим фактором и, придавая ему огромное значение, рассматривал

не только как предпосылку социальной организации общества, но и как ее результат.

К тому времени, когда Зиновьев начал исследовать жизнь человека и человейников, общество начало переходить на стадию сверхобщества. Понятие сверхобщества в том содержании, которое оно имеет у Зиновьева, остается до конца не проясненным. Одно, однако, ясно: то, что составляло социальное ядро общества, а именно государство и экономика (частная собственность прежде всего), и было представлено в том или ином конкретном локальном варианте, на уровне сверхобщества получает универсальное (глобальное) выражение. Государство становится сверхгосударством, экономика становится сверхэкономикой. Реальный коммунизм был первой формой сверхобщества, которое максимально развило интегрирующую роль власти на базе гипертрофии коммунального начала человеческого бытия и декларировало себя в качестве глобального проекта всемирного (интернационального) братства людей. В противовес и в борьбе с ним сложилась другая линия эволюционного перехода к сверхобществу, которую Зиновьев назвал западнизмом. Западнизм сделал ставку на соединение силы власти в качестве своей опоры с деловым аспектом общественного бытия. Западнизм — не капитализм, а нечто худшее, ибо он ориентацию на экономическую прибыль заменяет всепроникающим денежным тоталитаризмом, а социальное творчество индивидов — общей сетью рационально распределенных и предельно упрощенных социальных функций. Зиновьев выделяет всего эти две линии на пути к сверхобществу: коммунизм и западнизм. Они противостоят друг другу как односторонности, претендующие на целое: при коммунизме специфическими законами жизнедеятельности становятся социальные законы в их преимущественном (подавляющем) коммунальном (человеческом, слишком человеческом) аспекте, а при западнизме — те же законы, но в деловом (бессердечном, сверхчеловеческом) аспекте. Их непримиримая борьба составила содержание холодной войны

между Западом во главе с США и коммунистическим миром во главе с СССР, стала фокусом и основным стержнем всех событий в мире во второй половине XX в. (после окончания Второй мировой войны в 1945 г.). Эта война закончилась победой западнизма над коммунизмом, ставшей одновременно победой западных стран над странами коммунистического блока и разрушением их «первого храма» — СССР, о чем Зиновьев сказал, словно выстрелил: «Целились в коммунизм, попали в Россию».

Так человечество вступило в новую эпоху, социальное качество которого Зиновьев обозначил понятием глобального человейника. Марксистская теория прокламировала коммунизм как начало подлинной истории. Либеральная социология победу Запада в холодной войне охарактеризовала как конец истории. По Зиновьеву, с победой западнистского сверхобщества человечество вступило в будущее: глобальный человейник — это и есть состоявшаяся история. Здесь следует иметь в виду особое место историзма в зиновьевской социологии. Историзм в собственном смысле слова как методологический принцип, объясняющий развитие общества, был чужд Зиновьеву. Он считал социальные законы такими же неизменными, как и законы природы. Так он понимал их объективность и научность. Об историзме социальных объединений можно говорить в смысле их складывания (генезиса, становления), которое происходит мгновенно, в такие краткие сроки, которые по сравнению со временем их существования в социологическом плане можно игнорировать как ничтожные. Сама же жизнь этих объединений (человейников) протекает в соответствии с одними и теми же раз возникшими законами социальности. Выделенные в существовании человейников стадии (формы) предобщества, общества и сверхобщества отличаются не различием социальных законов, а полнотой их развертывания, степенью соответствия реальному образу жизни конкретных человеческих объединений. В этом движении от многих (практически бесчисленных) предобществ через немногие

(исчислимые) типы обществ к единому глобальному сверхобществу и заключено то, что можно назвать историзмом социологии Зиновьева. Историзм является в социологии вторичным и второстепенным моментом.

Здесь опять-таки следует сделать одно важное уточнение: Зиновьев различал время физическое и социальное[6]. Физическое время фиксирует сам факт существования вещей (индивидов и их объединений) на шкале времени, является чистой хронологией и ничего не говорит о самих вещах. В аспекте физического времени прошлое есть время, предшествующее тому мгновению, от которого ведется отсчет и которое является настоящим, а будущее — время, следующее за ним. Само же настоящее есть эта невидимая (не имеющая измерения) линия, отделяющая прошлое от будущего. Социальное время, в отличие от физического времени, представляет собой само бытие вещей (социальных субъектов и объединений) во времени. В нем настоящее является базовым. Социальная реальность и есть работающая, наличная реальность. Она существует как настоящее. Социальное настоящее включает в себя также и прошлое, и будущее. Собственно, только для социального бытия и имеет смысл само разделение времени на эти три части. Для социального субъекта настоящее уходит и в прошлое, поскольку он удерживает его в своей памяти, мотивах, традициях, ритуалах и т. д., и в будущее, поскольку он его предсказывает, проектирует, вбивает в планы и т. д. В рамках социального времени прошлое и будущее входят в настоящее в качестве моментов последнего. Если рассматривать реальные образы жизни человейников в аспекте времени, можно выделить следующую схему: предобщество ограничивает социальное существование настоящим; общество включает в него прошлое и живет по преимуществу для прошлого; сверхобщество расширяет его до будущего. Сверхобщество владеет

[6] О временном аспекте в социологии Зиновьева см.: *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 452–521.

социальным будущем до такой степени, что само является таким будущим, оно, как выражается Зиновьев, захватило будущее в качестве основного трофея победоносной холодной войны. Оно владеет будущим в том смысле, что закрывает будущее как открытый и свободный резервуар для социального творчества; именно из такого анализа социальной эволюции Зиновьев выводил фактор понимания как последнее оружие идеального коммуниста, направленное против законов социальности.

Поражение коммунистического лагеря и крах советского государства явились трагедией и вызовом Зиновьеву — и как человеку, потому что речь шла об обществе, которому он принадлежал, и как ученому, который посвятил себя его познанию и духовному вычищению. Непосредственным ответом на него и явился его последний роман «Глобальный человейник». Трагедию он видел не в том, что проиграла коммунистическая сторона; он впоследствии даже высказывался в том духе, что если бы победил коммунистический блок, то исход для человечества мог бы быть еще хуже. И не в том, что восторжествовал Запад, он никогда не сводил Запад и западные страны к западнизму как социальной системе и сам, если рассуждать в рамках привычного для нас противостояния западников и славянофилов, был ярко выраженным западником, он даже предполагал, что возможная действенная социальная альтернатива западнизму возникнет скорее всего именно на Западе. И не в том даже, что в свете наметившейся перспективы Россия и русский народ окажутся вытесненными из истории, оболганными и даже обреченными на исчезновение, что было для него невыносимой личной болью («Запад мне не чужой, но я рассматриваю его как вражескую державу»[7]). Трагичным прежде всего и в самом глубоком смысле он считал сам факт исчезновения другой (альтернативной) линии социальной эволюции, ибо западнизм и коммунизм в своем противостоянии взаимно сдерживали друг

[7] Завтра. 1993. № 2.

друга и оказывали взаимное конвергентное влияние. Так на многие века вперед определилось будущее человечества как формирующегося глобального общества, которое на самом деле не может стать ничем иным как мировым господством Запада и западнизма. В нем для укрепления и в качестве условия своего господства на смену человеческому уму придет (уже начал приходить) компьютерный интеллект, творческий компонент социальной жизни заменится механическим. «Наступает состояние социомеханического бытия»[8]. Это общество состоявшегося будущего Зиновьев назвал глобальным человейником.

[8] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 515.

IV

МЫСЛИ ЗИНОВЬЕВА О ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ РОССИИ

Отмеченное нами в этом (2022) году и поднятое Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина[1] на уровень общенационального события столетие со дня рождения А. А. Зиновьева совпало с кризисом, а возможно и сменой, европоориентированного вектора российской истории. И то, и другое превратило Зиновьева в одну из ключевых фигур нашей публичной жизни. Он оказался единственным русским мыслителем, который дал социологический анализ советского общества как реального коммунизма, раскрыл переход западных капиталистических государств на новую стадию сверхобщества, названного им западнизмом, предложил аргументированную версию гибели советского коммунизма и советского государства как исторического предательства невиданных масштабов, а также успел наметить общую схему постсоветского социального устройства. В данных заметках хочу остановиться на суждениях Зиновьева по этому последнему вопросу, отталкиваясь от самых общих положений его социологии и взглядов на ход истории на рубеже веков.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 01.10.2021 № 564 «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева» // URL: http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202110010031

I

1. Решающим фактором, определившим жизненный путь Зиновьева, явилось совершенное им в довольно раннем (едва ли не в пионерском) возрасте открытие, согласно которому советское общество не соответствует тем прекрасным коммунистическим идеалам, которые оно настойчиво провозглашает. Это произошло не только по причине его особых дарований и ментальных качеств, а прежде всего в силу очевидности самого факта. Разрыв идеала и реальности, ставший основным вызовом для Зиновьева как человека и мыслителя, оказывал озадачивающее воздействие на все послереволюционные поколения советских людей, в частности, был едва ли не главным мотивом, который склонял молодых людей к философским размышлениям, приводил на философский факультет. Философское дарование и социальное чутье Зиновьева заключались в том, что он не прошел мимо этого разрыва и не дал ему пройти мимо него. Исследование природы данного разрыва и, самое главное, поиск своего места в реальном разломе между высоким идеалом и убогой действительностью он избрал в качестве осознанного основного направления своей жизни. Зиновьев в результате глубоких исследований пришел к заключению, которое стало его гениальным социологическим открытием: общество как объединение многих людей и именно потому, что оно неизбежно является объединением и совместным существованием *многих*, в принципе не может быть идеальным, нравственно совершенным. Более того, у него тем меньше шансов стать таковым, чем более организованным и эффективным оно является и чем прогрессивнее, выше идеалы, которыми оно руководствуется.

2. Зиновьев говорил, что человек есть на всё способная тварь. Это была его конкретизация известного определения человека как живого существа, обладающего разумом, т. е. свободного в своем поведении, в регулировании животных форм

своей жизни. Это означало, что поскольку человек есть еще социальное (стайное, стадное) существо и существует всегда в форме объединений (человейников), постольку он, будучи свободным индивидом, способен реализовать (откликнуться, пойти навстречу, принять) все функции (роли), которые ему объективно предписаны логикой выживания и развития конкретных социумов, как, впрочем, и противостоять им. Само существование разумных (свободных, креативных) индивидов в форме больших объединений, которые могут функционировать только по строго заданным объективным схемам, неизбежно порождает разрыв между идеальными устремлениями индивидов и реально предписанными им социальными функциями и ролями. Само сочетание, единство двух определений человека как разумного и одновременно как общественного существа задает, объективно обрекает его на внутренне разорванный способ бытия.

> Реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезает, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавить никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т. п., являясь средствами ограничения всеобщей вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усилить свои позиции в социальной борьбе. Более того, социальная борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса человейников[2].

[2] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 274.

Это — не единственное, но, пожалуй, основное положение социологии Зиновьева, в силу которого социальная организация общества всегда будет разновидностью человейника, обреченного на болезненный разрыв идеала и реальности. Общество, какого бы уровня оно ни достигло, в принципе не может быть морально совершенным. И тот фактический вид, который приобрели коммунистические идеи в Советском Союзе, суть то, чем коммунизм только и мог стать на деле, реально.

3. Реальный коммунизм в форме советского государства, который Зиновьев тщательно исследовал и беспощадно критиковал, не был ошибкой, сбоем, «мутацией» истории, он представлял собой и успешно развивал определенную, а именно коммунальную, линию эволюционного развития. В логической социологии Зиновьева выделяются несколько аспектов (факторов), базовыми среди них являются два: деловой и коммунальный (к ним он также добавлял третий — менталитетный). Деловой аспект акцентирует внимание на эффективности, на объективных результатах кооперированной деятельности, коммунальный — на взаимоотношениях, сотрудничестве людей в процессе совместной деятельности. Особенность реального коммунизма заключалась в опоре на силу коммунальности. К тому же коммунизм как социальная система, считал он, был наиболее органичен России, отвечал качеству ее человеческого материала, природным условиям и историческому развитию. Именно в советский период страна достигла наивысшего развития, став второй державой мира со своим собственным историческим проектом.

Западнизм есть другой тип сверхобщества, возникающий в западных капиталистических странах при сохранении ими исторически сложившихся форм национальных государств. Он представляет собой другую линию эволюционного развития, которая базируется на деловом аспекте социальных отношений. Западнистское сверхобщество возникает

в противовес советскому блоку и в значительной мере консолидируется для борьбы с ним.

4. Борьба этих двух сверхобществ, представляющих две линии эволюционного развития, составляет основной сюжет исторического развития человечества во второй половине XX в., которое приобрело форму холодной войны. Сущность холодной войны не исчерпывается тем, что это была война между двумя общественными системами. «Холодная война была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем»[3].

> Самая глубокая цель Запада в этой войне — разрушение Советского Союза и России с любым социальным строем. Коммунизм был удобным предлогом и прикрытием сути войны. Кроме того, коммунизм был настолько органичен России, настолько прочно вошел в образ жизни и психологию русских, что разрушение коммунизма было равносильно разрушению России и русского народа как народа исторического[4].

Для Запада в своей глубинной основе холодная война была борьбой за господство на планете, за расширение зоны колониального освоения и утверждения своих ценностей. Его победа в холодной войне резко изменила ход и перспективы социального развития человечества. Кроме того, поражение реального коммунизма и разрушение советского государства, помимо объективных общеисторических следствий для всего человечества, Зиновьев считал величайшей опасностью для своего народа, России, а вместе с тем и личной трагедией.

После гибели советского коммунизма изменилась диспозиция (угол зрения, точка обзора) Зиновьева по отношению

---

[3] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. С. 515.

[4] Там же. С. 516.

к нему, но не само отношение. Ошибаются те, кто полагает, будто он стал апологетом советского строя. Как и те, кто думает, будто своей критикой западнизма он стал антизападником. Критиковать советский коммунизм — не значит отрицать его и желать уничтожить; критиковать и быть, принадлежать — не одно и то же. Точно так же критиковать Запад и западнизм — не значит отрицать их достижения, напротив, они исключительны и благодаря им Запад достиг уровня, претендующего на то, чтобы господствовать в мире. Считать победу западнизма в холодной войне катастрофой для всего человечества — не значит думать, будто победа советского коммунизма (советского блока) и его распространение на весь мир были бы лучше (у него есть замечание, что это могло бы обернуться еще худшими результатами). Катастрофой для человечества стала сама возникшая опасность безальтернативности общественного развития, которая открывает дорогу будущему, названному им глобальным человейником.

II

5. Относительно социальных перспектив и исторических возможностей остаточного образования Советского Союза в форме вновь учрежденной Российской Федерации у Зиновьева никогда не было иллюзий. Это было, по его мнению, исторической катастрофой: крахом системы, поражением страны, и тем и другим с потерей и деградацией общества и народа по всем линиям. Из сарая с теми же средствами и силами, говорил он, нельзя построить ничего иного, как такого же сарая, только хуже. Политические события 19–22 августа 1991 г. — 3–4 октября 1993 г. он рассматривал как единый процесс контрреволюционного переворота по отношению к Октябрьской революции 1917 г. Ельцинское десятилетие он рассматривал как полуоккупированный режим, называл его колониальной демократией. С появлением В. В. Путина он внимательно присматривался к его

первоначальным действиям. Его неожиданное появление на вершине российской власти, сама эта неожиданность, в особенности первые немногословные решительные шаги ему показались лучом надежды. Даже однажды в разговоре он высказался в том духе, что, по всему похоже, Вашингтон прозевал Путина. Зиновьев, однако, не поддавался надеждам и предположениям, искал строгие научные подходы к новой российской реальности, имея в виду, прежде всего, ее внутреннее строение. Исследование вновь складывающегося российского социума он вел в процессе активного участия и публицистической деятельности на стороне левых политических сил, его итоги разбросаны в многочисленных статьях, интервью, лекциях, выступлениях последних пятнадцати лет, которые еще нуждаются в кропотливом изучении. Достаточно определенно можно сказать, что Зиновьев вскрыл общие тенденции и социологическую конструкцию складывающегося российского социума. Он сформулировал их, в частности, в интервью, которое вышло в газете «Московская правда» под названием «Александр Зиновьев: Наше государство — "Рогатый заяц"»[5], статье «Солома для утопающих»[6], а также в итоговой монографии «Фактор понимания»[7].

6. Социальная организация, которая сложилась в России, с точки зрения Зиновьева, имеет гибридный характер. Она сложилась из трех разнородных и сложно переплетенных между собой частей (компонентов): а) *реальных* обломков советской системы, будь то люди, вещи, управленческие схемы,

[5] Александр Зиновьев: Наше государство — «Рогатый заяц». С философом Александром Зиновьевым беседует публицист Николай Гульбинский (август 2002 года) // Московская правда. 2002. № 174. С. 3–4.

[6] *Зиновьев А. А.* Солома для утопающих // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради. 2002. С. 273–281.

[7] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.

аппарат насилия, памятники и т. п., б) подражания Западу, но не фактическому в своих действенных механизмах, а *вымышленному*, созданному воображением советских людей относительно Запада, в) реанимации дореволюционной России, не самой, конечно, дореволюционной России, которая давно и окончательно канула в Лету, а ее призраков, того, что из нее осталось в памяти, в ностальгических следах человеческих и культурных осколков той эпохи. Обломки реального коммунизма сохраняются не только потому, что освободиться от них, пронизывавших всю повседневную жизнь, ткань общественных отношений, не так легко, ибо требует и времени, и усилий, пусть и не таких огромных, которые понадобились для сооружения советского колосса, но тем не менее в какой-то мере сопоставимых с ними. Это происходит еще и сознательно для того, чтобы поддерживать иллюзию продолжения привычной нормальности, создать впечатление, будто речь идет только об очищении от ужасов и жестокостей большевизма, и в то же время пользоваться накопленными культурными и научными достижениями советского строя. Влияние Запада обнаруживается, прежде всего, в заимствовании показной (витринной) части ее демократии, призванной прикрыть, затушевать, примирить с новой реальностью, в которой оказалась страна:

> …заставить россиян примириться с теми последствиями, к которым привел антикоммунистический переворот, уйти от постановки и тем более решения действительно важных жизненных проблем, уговорить жертвы реформ быть послушными, не конфликтовать друг с другом и с властями, сделать вид, будто всё случившееся было неизбежно и пошло на благо страны и народа, уйти от ответственности за исторические глупости и преступления, имитировать начало эпохи подъема и движения к процветанию[8].

[8] *Зиновьев А. А.* Солома для утопающих. С. 282.

Влияние третьего элемента, связанного с реанимацией дореволюционной России, считает Зиновьев, более всего обнаруживается в оживлении идеологии российского фундаментализма.

> Одно из самых страшных (если не самое страшное) последствий антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы — идеологическая деградация России. Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской (нерелигиозной) идеологии Россия в поразительно малый (с исторической точки зрения) срок превратилась в страну идеологического беспредела и религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым исламских стран[9].

7. Для нового общества, как заметил Зиновьев, не существует общепринятого социологического обозначения. Надо заметить, такого обозначения нет и сегодня. Сам Зиновьев условно называл его постсоветизмом. Этим обозначением он подчеркивал не только тот очевидный факт, что новая организация российского общества складываете вслед (после) советской (реально-коммунистической) системы, но и более существенную ее характеристику, а именно — ее идеологически нацеленную антикоммунистическую направленность. Постсоветизм, пожалуй, до настоящего времени остается наиболее содержательным и употребимым обозначением российского социума наших дней.

Постсоветизм — это не смешение различных элементов, сваленных в кучу, а новое их соединение, которое образует самостоятельную социальную организацию с компонентами, отличающимися от своих реальных источников. В целом система власти тяготеет к советскому образцу, хотя и здесь появляются элементы западнизма. Экономика пытается копировать западные образцы, но постоянно срывается

[9] *Зиновьев А. А.* Солома для утопающих. С. 284.

на проявления командной экономики. В сфере идеологии происходит реанимация российского фундаментализма, который скорее конструируется заново и плохо согласуется с основным массивом культуры. Хотя гибрид антисоветизма как эмпирическое явление представляет собой нечто единое, он лишен внутренней целостности, он противоречит двум объективным законам — закону соответствия социальной организации человеческому материалу страны, ее историческому наследию, природным и геополитическим условиям и закону «однокачественности компонентов социальной организации»[10].

8. Отвечая на вопрос о том, каким станет этот гибрид в целом с точки зрения отношения между компонентами социальной организации, Зиновьев предположил, что он будет двигаться в границах между советизированным западнизмом и западнизированным советизмом. Тогда, в начале нулевых годов, он его характеризовал как западнизированный советизм. Однако, в каком бы направлении ни изменялся постсоветизм, следует иметь в виду, что он имеет имитационный, вторичный характер, лишен подлинности. Выделяя западнизм и советизм как такие элементы, взаимодействие между которыми определяет основную направленность российского социума, и обозначая западнизированный советизм как наиболее вероятное такое направление, Зиновьев исходил из ситуации начала двухтысячных годов. Следуя ходу мысли Зиновьева, вполне логично предположить, что в сегодняшней ситуации существенно изменилась сама архитектоника этой трехчастной конструкции и теперь основное направление социальной организации определяется взаимодействием советизма (он все-таки остается базовым) уже не с западнизмом, а с российским фундаментализмом. И основное реально складывающееся направление (вектор) социума можно было бы назвать традиционно ориентированным

[10] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 428.

(русинизированным) советизмом. Впрочем, это не более чем предположение, ибо предугадать ход мысли Зиновьева невозможно, она всегда была неожиданной и никогда не шла по привычной (наиболее вероятной) линии. Вполне допускаю, что сегодняшнюю ситуацию он мог бы, вопреки всем очевидностям, охарактеризовать как акцентированный западнизированный советизм.

Насколько прочна и жизнеспособна такая гибридная конструкция? С точки зрения самовыживания и продолжительности существования она может быть устойчивой. Физическое уродство не обязательно ведет к сокращению жизни. Точно так же социальное уродство при благоприятных условиях может существовать неопределенно долго. «А с точки зрения возрождения и процветания России? На этот счет строить какие-то иллюзии было бы, по меньшей мере, наивно»[11]. Как физический урод, как бы долго он ни жил, красавцем не станет, так и уродливо-гибридная социальная конструкция, каким бы ее век ни был, не может стать процветающим обществом. Соединение трех обозначенных выше компонентов в рамках одной конструкции, говорил Зиновьев, приведет к тому же эффекту, «как если бы у деревенской телеги заменить колеса на гусеницы и поставить турбореактивный двигатель»[12]. Как социолог-исследователь Зиновьев в отношении будущего сложившейся социальной организации общества оставался безнадежным пессимистом, но как человек и философ он сохранял надежду. В его самых последних суждениях на эту тему возникает понятие эволюционного чуда. Он связывал его с появлением нового человека. Да, он надеялся на чудо, не имея для этого никаких оснований и аргументов. На мой взгляд, эту веру в чудо нового человека и в то, что это будет русский человек, в устах

[11] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 430.

[12] Александр Зиновьев: Наше государство — «Рогатый заяц». С философом Александром Зиновьевым беседует публицист Николай Гульбинский (август 2002 года). С. 4.

социолога Зиновьева нельзя полностью выносить за рамки его социологии и рассматривать только как факт его личной биографии, уподобляя ее, например, вере религиозного человека в свое посмертное воскрешение в день страшного суда. Социологические идеи Зиновьева опирались, разумеется, на объективный анализ и строго выверенные эмпирические доказательства, но они непосредственно в его трудах не всегда формулировались как их суммирующий результат, часто они выступали как озарение, прямое обобщение некоего единичного факта. Он формулировал их с такой степенью уверенности, словно он не пришел к ним в результате долгих расчетов, а непосредственно увидел их. Эта вера в русское эволюционное чудо, возможно, явилась такого рода социологическим видением. Она никак не вытекает из его анализа исторической обреченности сложившегося гибридного социума, и тем не менее связана с этим анализом — является выражением абсолютной неприемлемости его результата и готовности противостоять ему.

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. ЗИНОВЬЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ[1]

Мы начинаем пленарное заседание, посвященное столетию Александра Александровича Зиновьева. Это — второй (наряду с полицентричным миром) фокус нашего всероссийского философского конгресса. Открывая заседание, логично, прежде всего, поставить вопрос: почему Зиновьев? Ответ на него дан указом главы нашего государства — Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина от 01.10.2021 № 564 «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных столетию со дня рождения А. А. Зиновьева». Он дан самим этим фактом, который является, конечно, совершенно необычным: впервые удостоен такой высокой чести наш отечественный философ, к тому же человек из нашей академической среды, которого помнят многие из сидящих в зале, в частности, по его замечательной лекции на Четвертом философском конгрессе в 2005 г. В этом же указе обозначен масштаб личности Зиновьева. В нем не сказано, в каком качестве чествуется Зиновьев, в качестве ли писателя, философа или каком-то ином результате своих творческих достижений. Нет, сказано просто: столетие со дня рождения А. А. Зиновьева, он обозначен как фигура общенационального масштаба, так, как если бы, например, речь шла об Александре Герцене, Льве Толстом, Юрии Гагарине — человеке,

[1] Пленарный доклад на VIII Всероссийском философском конгрессе (май 2022 г.).

которого знают все, по крайней мере, должны знать все, кто приобщен к русской культуре.

Самая первая, бросающаяся в глаза и отличающая его от других мыслителей черта Зиновьева состоит в том, что он был социальным критиком, не абстрактным академическим исследователем, хотя, разумеется, академизма, интеллектуальной глубины и изощренности в его учениях хватало, а именно острым критиком того общества, в котором он жил. В одном случайно попавшемся детективе (к сожалению, не запомнил название и автора) я прочитал, что к столу подавали приправу «Зиновьев»: она представляла собой смесь горчицы и перца. Когда говорится о критической нацеленности социологии Зиновьева, речь идет не об определенной партийной позиции и не о стиле и жанре его письма, а о понимании существа дела, его научной позиции. Научное понимание общества не может не быть его критикой. Это верно до такой степени, что сама критическая установка может рассматриваться как непременный (не единственный и, может быть, не основной и явный, но обязательный) признак научности. Зиновьев критиковал советское общество, в котором родился, вырос и с которым сросся, критиковал западную демократию, когда оказался в вынужденной эмиграции, критиковал постсоветское устройство России, когда вернулся на Родину. Эти три типа социальной организации, составившие вехи его жизни, стали также темами и томами его сочинений. В нем как в человеке и в мыслителе было сильно именно бунтарское начало, способность противостоять общему потоку и задавать другое направление мысли, новый «поворот мозгов», как он любил выражаться. И когда мы сегодня говорим об общественной востребованности Зиновьева, нам надо иметь в виду именно эту социально-критическую нацеленность его идей и жизненных установок.

Тема моего доклада: «Идейное наследие А. А. Зиновьева и современность». Зиновьев, как известно, был человеком ренессансного типа, получил известность как методолог, логик,

социолог, писатель, моралист-проповедник, поэт, художник. Охватить все это интеллектуальное богатство в одном выступлении невозможно, в особенности если учесть, что его творчество плохо изучено даже в отдельных его конкретных аспектах, не говоря уже о целостном взгляде на него. В предлагаемом докладе я попытаюсь остановиться на тех моментах идейного наследия Зиновьева, которые закрепились в российском общественном сознании и запечатлелись яркими формулами. Разумеется, ими вся богатая афористика Зиновьева, вошедшая в плоть современной русской культуры, не исчерпывается. Остановлюсь только на трех пунктах:

1. Я есть суверенное государство из одного человека.
2. Целились в коммунизм, попали в Россию.
3. Рогатый заяц.

1. Я есть суверенное государство. Зиновьев различал цели жизни и направление жизни. Цели зависят не только от действующего индивида, они возникают на стыке его желаний и реальных жизненных обстоятельств, в существенной мере зависят от последних. Они могут меняться и, как правило, меняются. Направление жизни — это путь, по которому движется в жизни человек, и он, этот путь, зависит от него самого. И только от него самого! Не в том смысле, что он его явно выбрал и четко сформулировал, а в том смысле, что он так живет, что он идет по этому пути, словно какая-то неведомая сила направила его, идет, не зная толком, куда этот путь ведет. Если человек живет, то у него есть направление жизни, не может не быть (Лев Толстой, например, называл его верой, которая есть у любого человека, даже атеиста). Направление жизни, о котором говорит Зиновьев, можно назвать основной целью жизни (сверхцелью, целью целей), ее глубинным смыслом. Свое направление жизни он выразил в лаконичной формуле: «Я есть суверенное государство из одного человека».

Если Кант и большинство других моралистов искали общий закон для всех людей, то Зиновьев в этом высказывании

подводит итог только своей собственной жизни в ее неповторимой единственности. Он считал свою жизнь экспериментом, мучительным экспериментом и не советовал никому повторять его, даже предостерегал от этого всех, в том числе учеников, если бы таковые нашлись, даже собственных детей, и их в первую очередь. При всей (или лучше сказать: благодаря) своей автобиографичности данного суждения, оно является ключевым в антропологии Зиновьева.

Первый и несомненный смысл, заложенный в формуле «Я есть суверенное государство», заключается в утверждении Зиновьевым своей личностной автономии. Ее можно назвать зиновьевской формулой свободы и независимости; заключенная в ней логика состоит в следующем: это моя жизнь, притом — единственная, и только я могу (имею право, обязан) распоряжаться ею. Речь идет, ни больше ни меньше, о том, чтобы собственную жизнь понять и принять как ношу, которую ты сам взваливаешь на себя и отвечаешь собственным существованием, принять ее как Голгофу (одна из его повестей так и называется: «Иди на Голгофу»). Человек сериен, является одним из многих, если смотреть на него извне, как на природную и социальную величину, но, если человек рассматривает себя изнутри, из глубины пульсирующей в нем самом жизни, он оборачивается начальной точкой свободы и становится центром, верховным главнокомандующим всего, что в нем есть дееспособного.

Этой формулой Зиновьев не разрывал связь с обществом, а переворачивал ее привычную логику. Привычная логика состояла в том, что человек зависит от общества. Зиновьев предлагал другой путь: общество зависит от человека, но от человека, который поднялся до его научного понимания.

Решающим фактором, определившим его жизненный путь, явилось понимание того, что общество, в котором он живет, не соответствует тем прекрасным коммунистическим идеалам, которые оно провозглашает и которые он с детства усвоил как свои собственные, которые вдохновляют его существование, придают ему высокий смысл. Этот разрыв идеала

и реальности стал для самоопределения Зиновьева решающим фактором. Можно заметить: он стал важной детерминантой, определявшей жизнедеятельность всех советских людей независимо от того, осознавали они это или нет. Многие в той или иной форме задумывались над этим. Сам разрыв высоких слов и плохо согласующихся с ними реальных дел пронизывал всю общественную атмосферу советской повседневности. Фиксируя его, Зиновьев не делал никакого открытия. Его открытие состояло в том, что он этот очевидный и банальный факт поднял до философски значимого научного уровня. Размышляя над его природой, он пришел к выводу, что такой разрыв является неизбежным.

Зиновьев исходил из того убеждения, что общество как объединение многих людей и именно потому, что оно представляет собой объединение многих, не может быть идеальным, совершенным. Зиновьев в одном месте назвал человека на все способной тварью, выразив в этом кратком утверждении и его нравственную амбивалентность, и безграничность творческих возможностей, придав тем самым научно точному определению человека форму социально карикатурного образа. Невольно вспоминается его знаменитая картина, на которой два звероподобных существа правыми передними конечностями приветствуют друг друга, а левыми — душат друг друга, переплетясь тем самым в одно целое. И называется эта картина «Заклятые друзья».

> На пути у одних людей при этом стоят другие люди как препятствия, причем — препятствия активные, имеющие свои интересы и стремящиеся удовлетворить их. Так что реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезает, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавить никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости

> и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т. п., являясь средствами ограничения всеобщей вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усилить свои позиции в социальной борьбе. Более того, социальная борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса человейников[2].

Это — не единственное, но, пожалуй, основное положение социологии Зиновьева, в силу которого общество, социум не могут быть совершенными (именно нравственно совершенными) в принципе. И тот вид, который приобрели коммунистические идеи в Советском Союзе, суть то, чем коммунизм может стать и стал на деле, реально. Другими они быть не могут.

Но если идеальный коммунизм, о котором мечтали лучшие умы человечества, невозможен в качестве реального социального опыта, то почему ему не быть в качестве опыта индивидуального?! «Я нашел идеал в себе самом и построил мое личное, индивидуальное государство со своими собственными мировоззрением, методами мышления, принципами морали, правилами поведения, эстетическими критериями»[3]. Это была его форма связи с эпохой, которая выпала на его долю.

Идеальное государство Зиновьева, если его воспринимать именно так, как он его понимал, есть не нечто особо выделенное, локализованное в рамках его творчества и биографии. Это не отдельное произведение в форме эссе или повести. И не специально сформулированный набор правил поведения. Хотя и то, и другое в его наследии существует

---

[2] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 274.

[3] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. С. 488.

и их можно выделить как его этическое учение, тем не менее для самого Зиновьева изложение своей этики (учения о житии, как он выражался) было лишь вторичной рефлексией, попыткой понять и записать, чем он является на самом деле. Это не дневник о жизни, а сама жизнь. Идеальное государство — не то, чем он хочет стать, а то, чем он сам себя делает и чем он на самом деле стал. И если мы хотим попасть в идеальное государство Зиновьева, то надо иметь в виду, что его территория — всё его творчество, а царящие в нем порядки — это вся его реальная жизнь, включая, разумеется, в качестве одного из моментов и размышления о ней.

Свою жизненную программу суверенного государства он понимал как «социальный индивидуализм, доведенный до идеи человека-государства»[4]. В ней не было ничего, что можно было бы назвать изоляцией от общества. Напротив, это была форма внутренней, неразрывной связи с обществом, но в особой — негативной — ее форме, в форме критики. Выступая против реального коммунизма, самого явления коммунальности, он признавал, что сам принадлежит ему: «Коммунизм — моя естественная среда. Он меня породил. Я его продукт. Продукт негативный, но закономерный»[5]. Зиновьев и как трезвый мыслитель и как ученый-социолог понимал, что человек не может жить вне общества. Это — жесткий факт. Он пытался доказать, что можно жить в обществе и быть независимым от него. Более того, только тогда-то и можно жить в обществе достойно и по-человечески, когда будешь независимым от него.

Объединения людей Зиновьев называл человейниками. И люди (индивиды) могут жить только в составе человейников, подобно тому как муравьи — в муравейниках. Только человьи (человеческие особи), в отличие от муравьев, являются существами разумными, могут мыслить, а следовательно, понимать, как можно, продолжая существовать

[4] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 489.

[5] Там же. С. 489.

в человейнике и оставаясь человьями, подняться до уровня свободной личности, подобно тому как люди научились на крыльях самолета подниматься над тяжестью земного притяжения. Недопонимание социологии Зиновьева, разработанной им для исследования советского общества, на мой взгляд, связано с тем, что она рассматривается в отрыве от его антропологии и этики, а если говорить еще точнее, в отрыве от его идеи о нравственно суверенной человеческой личности.

2. Целились в коммунизм, а попали в Россию. «Периоды моей личной жизни в самых существенных чертах совпадали с периодами жизни страны», — говорит Зиновьев, уточняя: они совпадали не в том смысле, что он шагал в общем строю, а лишь в смысле своей реакции на них и своего поведения, изменения «умонастроений и форм борьбы за выживание и сохранение в качестве автономной личности»[6]. Это совпадение изломов личной судьбы Зиновьева с коренными изменениями в жизни страны стало наиболее полным на завершающем этапе холодной войны, когда советское общество рухнуло и как социальная система, отказавшись от коммунизма, и как государство, расколовшись на 15 частей, а сам Зиновьев из самых его острых критиков превратился в одного из самых рьяных его защитников. Чтобы понять позицию Зиновьева как человека и как мыслителя, надо принять во внимание разработанную им систему логической социологии, в частности понятия «сверхобщества», «двух линий эволюционного развития», «реального коммунизма», «западнизма» и др. Ограничусь только некоторыми замечаниями, которые прямо относятся к данной формуле: «целили в коммунизм, а попали в Россию».

Реальный коммунизм в форме советского государства, который Зиновьев подверг беспощадной критике в «Зияющих высотах» и других работах, не был ошибкой или

[6] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 278.

случайным провалом, а представлял собой и успешно развивал определенную, а именно *коммунальную*, линию эволюционного развития. Плюс к тому коммунизм как социальная система был наиболее органичен России, отвечал особенностям и качеству ее человеческого материала, природным условиям и историческому развитию. Именно в советский период страна достигла наивысшего развития, став второй державой мира со своим собственным историческим проектом.

Западнизм представляет собой другую линию эволюционного развития, которая базируется на *деловом* аспекте социальных отношений. Особо надо подчеркнуть, что западнизмом Зиновьевым именуется не просто совокупность стран и народов Западной Европы и Северной Америки, а социальная система, получившая в них господство в ходе и после Второй мировой войны. Он представляет другой тип сверхобщества, возникающий в западных капиталистических странах, сохраняющих свои формы национальных государств. Западнизм — линия эволюционного развития, базовым для которой является деловой аспект социальной организации человейников. Западнистское сверхобщество возникает в противовес советскому блоку и в значительной мере консолидируется для борьбы с ним.

Сущность холодной войны, которая составила основной сюжет всемирной истории после Второй мировой войны XX в., не исчерпывается тем, что это была война между двумя общественными системами. «Холодная война была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем»[7].

> Самая глубокая цель Запада в этой стране — разрушение Советского Союза и России с любым социальным строем. Коммунизм был удобным предлогом и прикрытием сути войны. Кроме того, коммунизм настолько органичен для

[7] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 515.

> России, настолько прочно вошел в образ жизни и психологию русских, что разрушение коммунизма было равносильно разрушению России и русского народа как народа исторического… Одним словом, целились в коммунизм, а убивали Россию[8].

Для Запада в своей глубинной основе холодная война была борьбой за господство на планете, за расширение зоны колониального освоения и утверждения своих ценностей. Без претензий на глобальное доминирование он не может удержать свое социальное существование на достигнутом уровне достатка, требующем к тому же постоянного приращения.

В новых условиях изменилась его диспозиция (точка обзора) по отношению к реальному коммунизму, но не само понимание реального коммунизма: он как был его критиком, так и остался. Ошибаются те, кто полагает, будто он стал апологетом советского строя. Ошибаются также те, кто думает (а это — расхожее мнение), будто своей критикой западнизма он стал антизападником. Критиковать советский коммунизм — не значит отрицать его и желать уничтожить; критиковать и быть, принадлежать — не одно и то же. Восстав в защиту Советского государства в момент его разрушения, он защищал себя, свой народ и страну, которые достигли наивысшего расцвета при этом строе; он защищал свое время, свою эпоху: «Хочу в ушедшие года. / Пусть будет нестерпимо плохо. / Твоим я буду навсегда, / Меня родившая эпоха»[9]. Точно так же критиковать Запад и западнизм — не значит отрицать их достижения, считать их плохими, напротив, они исключительны и благодаря своей

[8] *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 516.

[9] *Зиновьев А. А.* Я, ребята, не поэт // Феномен Зиновьева / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. С. 360.

исключительности достигли уровня, претендующего на то, чтобы господствовать в мире. Считать победу западнизма в холодной войне катастрофой для всего человечества — не значит думать, будто победа советского коммунизма и его распространение на весь мир были бы лучше (это могло бы обернуться еще худшими результатами). Катастрофой для человечества стала сама возникшая опасность безальтернативности общественного развития, которая открывает дорогу будущему, названному им глобальным человейником. По сути же дела, закрывается дорога будущему как арене социального творчества. Это будет уже что-то иное — некая громада «постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без зависти…»[10].

3. Рогатый заяц — так Зиновьев назвал свою статью о социальной организации, которая сложилась в России в результате горбачевско-ельцинского переворота, начавшегося 19–21 августа 1991 г. и завершившегося 3–4 октября 1993 г. и названного им контрреволюцией по отношению к революции 1917 г. Этот образ всплыл в его голове из воспоминаний об одном охотничьем музее в Мюнхене, где были выставлены чучела фантастических животных, и среди них — заяц с рогами оленя. Он использовал его в качестве символа для обозначения гибридного характера новой социальной системы, которая сложилась из *реальных* обломков советской системы, *подражания* Западу в том идеализированном виде, какой он приобрел в воображении советского человека, и реанимации *призраков* дореволюционной России, которые удержала историческая память поколений, родившихся в послереволюционной России. Речь идет о трех разнородных элементах, один из которых является реальным, хотя и сохраняющимся в разрушенном, разломанном виде, а два

[10] *Зиновьев А. А.* Глобальный человейник. М.: Центрполиграф, 1997. С. 9.

других представляют собой фантомы сознания, порожденные воображением о будущем и обрывочными воспоминаниями о прошлом. Для обозначения того, что получилось, как заметил Зиновьев, не существует общепринятого социологического термина. Надо заметить, такого обозначения нет и сегодня по прошествии 20 лет с тех пор, как появилась его статья на эту тему. Сам Зиновьев условно называл его постсоветизмом.

Гибридный характер сложившейся системы не означает простого смешения различных элементов. Как, например, на дереве, полученном в результате гибридизации, не появляются листья и плоды разных видов, а свои листья и плоды, по некоторым признакам похожие на родительские, а по другим — нет, так и «гибрид разных социальных организаций суть новая социальная организация с компонентами, отличными от таковых у источников гибридизации»[11].

Отвечая на вопрос о том, каким станет этот гибрид в целом с точки зрения отношения между компонентами социальной организации, Зиновьев предположил, что он будет двигаться в границах между советизированным западнизмом и западнизированным советизмом. На тот период (а это 2002 г.), по его мнению, социальное состояние по своей основной тенденции являлось западнизированным советизмом. Однако, в каком бы направлении ни изменялся постсоветизм как социальная организация российского общества, следует иметь в виду, что он имеет имитационный характер. И в качестве формы социальной организации он останется уродливым и неэффективным явлением, это, говорил он, как если бы у деревенской телеги заменить колеса на гусеницы и приделать турбореактивный двигатель. Вообще-то имитационность — широко распространенное явление в человеческой истории, которое льстит людям, погружает их в сладостный обман, придает общественным процессам театральность. Она достигала необъятных размеров в советском обществе.

[11] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 425.

Постсоветизм в этом отношении наследует своему советскому родителю, с тем отличием, что здесь имитационность не ограничивается парадной формой, а проникает в самую сущность социальной жизни. Западнизированный советизм в этом смысле являлся разновидностью западнизма, а именно его имитацией, псевдоморфозой.

Насколько прочна и жизнеспособна такая гибридная конструкция, собранная из разных кусков? С точки зрения самовыживания и продолжительности существования это может длиться долго. «А с точки зрения возрождения и процветания России? На этот счет строить какие-то иллюзии было бы, по меньшей мере, наивно»[12].

Как исследователь Зиновьев не видел для России величественного будущего. Но как человек он не мог с этим смириться. В его рассуждениях о постсоветизме мы встречаем словосочетание «эволюционное чудо». Не надеясь на новое чудо российской истории, он надеется на чудо индивидуального человеческого героизма. Возможно, в этом случае он имел в виду нечто подобное собственному жизненному эксперименту суверенного государства из одного человека, который при неожиданно благоприятных обстоятельствах может дать социальные ростки новых форм русского человейника. Надо заметить: трезвость мысли в нем была выражением и продолжением вдохновения чувства. В этом отношении характерен эпизод его поэтического опыта 2000 г., когда он по возвращении на Родину выразил свое отношение к публичным спорам вокруг государственного гимна. Он написал два текста. Один на музыку «Патриотической песни» Глинки, которая тогда была гимном РФ, его первый куплет звучал так: «Рухнуло братство свободных народов, / Они отреклися от дружеских уз. / По воле правителей пьяного сброда / Распался великий Советский Союз»[13]. Второй текст был «нормальным» гимном на музыку советского

[12] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 430.

[13] *Зиновьев А. А.* Я, ребята, не поэт. С. 370.

гимна, который начинался так: «Великой России достойные дети, / Дорогой отцов мы упорно пойдем. / И в мирном труде, и в сраженьях столетий / Мы веру в грядущее счастье найдем»[14]. И в его последних заметках, сделанных перед уходом из жизни, мы слышим всё тот же полный веры и решимости беспощадно реалистический зиновьевский голос человека-идеалиста: «Надо начинать с нуля. Начинать с нулевого уровня — с создания нового человека»[15].

[14] *Зиновьев А. А.* Я, ребята, не поэт. С. 371.

[15] *Фокин П. Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 721.

ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Темой идеологии Институт философии РАН занимается давно и с особым интересом. Среди фундаментальных разработок отметим три установочных доклада на общеинститутском семинаре: «Философия как критика идеологии»[1], «Философия как идеология»[2], «Иллюзии деидеологизации»[3]. В развитие темы вышла серия публикаций в центральных философских журналах и коллективная монография «Философия и идеология: от Маркса до постмодерна»[4].

Но в этом году данная тема имеет для нас особое значение. Прошедший круглый стол является одним из ключевых

---

* Впервые опубликовано: *Гусейнов А. А.* Идеология в России: прошлое и настоящее // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 5–9.

[1] *Соловьев Э. Ю.* Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17; *Соловьев Э. Ю.* Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 5–31.

[2] *Межуев В. М.* Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 4. С. 171–180.

[3] *Рубцов А. В.* Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 66–75.

[4] См.: *Сыродеева А. А.* Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207–217; Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Под ред. А. А. Гусейнова, А. В. Рубцова. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

событий программы празднования 100-летия А. А. Зиновьева. Излишне говорить, какое значение указ президента о праздновании этого юбилея на общенациональном уровне имеет для философии и в особенности для философов академического института, в котором Зиновьев провел более двадцати, как он сам признавался, лучших лет своей жизни. Они были лучшими для него как для человека (ибо именно здесь он сформировался как мыслитель и цельная суверенная личность), и как для исследователя: институт, выведенный в двухтомном романе «Желтый дом» под названием Института идеологии, стал настоящей лабораторией для изучения клеточного строения социальной ткани реального коммунистического общества.

Зиновьев сам был настоящим бойцом идеологических сражений в России конца XX — начала XXI в. Но одновременно идеология была предметом его исследования как социолога и писателя. Едва ли в творчестве Зиновьева (за исключением его специальных работ по логике) мы найдем произведения, в которых он так или иначе не затрагивал бы проблем идеологии. В его монографиях «Коммунизм как реальность», «Запад», в его итоговом труде «Фактор понимания» этому посвящены особые разделы. Кроме того, есть также специальное произведение «Идеология партии будущего»[5], написанное им по следам цикла лекций, прочитанных по предложению ЦК КПРФ для партийных активистов.

Зиновьев, как и многие думающие люди его поколения, столкнулся с разрывом между высокими коммунистическими идеалами и порожденной ими убогостью советского строя жизни. Именно этот разрыв, желание преодолеть его в личном опыте и стремление найти ему научное объяснение, он воспринял как личный жизненный вызов. И больше, чем кто-либо, он достиг на этом пути выдающихся успехов. Они воплотились в героической цельности и драматизме его личной судьбы, а также в его учении о реальном коммунизме,

[5] *Зиновьев А. А.* Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003.

в его социальных (социологических) романах, описывающих «зияющие высоты» социалистического человейника.

Размышляя над природой марксистского учения, рассматривая, прежде всего, логическую добротность и эмпирическую достоверность его основных выводов, Зиновьев пришел к заключению, что оно по своей природе и назначению является идеологией. Светской, изощренной, для идеологии даже слишком сложной, но тем не менее именно идеологией. И то обстоятельство, что марксизм апеллирует к науке и выдает себя за самое передовое научное мировоззрение, является лишь знаком эпохи, современным оформлением и прикрытием его идеологической сущности. На самом деле, считает Зиновьев, идеология есть нечто совершенно иное, чем наука, и понять ее специфику можно лучше всего именно в процессе их сопоставления и противопоставления. Он дал всесторонний анализ идеологии как особого и самостоятельного фактора социальной жизни, что могло бы стать самостоятельным предметом исследования. Но здесь я хотел бы остановиться лишь на двух моментах, особенно актуальных в современных спорах о роли идеологии в России.

Наука и идеология похожи друг на друга, в особенности когда речь идет о науках о человеке. Они имеют дело с сознанием, рационально-чувственным аспектом жизнедеятельности человека, его понятиями, суждениями, мнениями, ментальными установками, мотивами, целями и т. д., но по своей сути и общественным функциям они принципиально различны. Задача науки — открывать истину, беспристрастную, объективную, такую, какой она существует «на самом деле». «Задача идеологии — научить и приучать людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе (объективно, в силу законов бытия), а так, как это требуется согласно априорным учениям самих идеологов»[6]. Ее реальная и вполне нужная социальная функция состоит в том, чтобы организовать

[6] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 312.

общественное сознание, управление людьми путем их приведения к некоему установленному стандарту. В ней могут быть элементы истины, она может производить впечатление научности, уподобиться ей, но она не подлежит и не поддается оценке по критерию истины и лжи, а только по критерию убедительности и эффективности воздействия. Идеологи, как явствует из самого названия, работают с идеями, мыслительными конструкциями, они, как пишет Зиновьев «изобретают определенные интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т. п., но делают это не в качестве средств на пути к познанию, но так, как если бы это было конечным и высшим результатом познания»[7]. Более того, сама апелляция к средствам науки и мимикрия под научность оказывается нужной идеологии для того, чтобы придать своим выводам ненаучный характер абсолютных догм. Поэтому даже в тех случаях, когда идеология обращается к научным средствам и приемам, то правильней говорить не о том, что она использует их, а о том, что она злоупотребляет ими. Это очень важно подчеркнуть: близость к науке, заигрывание с ней было свойственно марксистской идеологии, которая была принципиально светской, что совершенно не обязательно для идеологии вообще. И мы это видим сегодня, когда идеология вполне успешно наряжается в религиозные одежды, апеллирует к забытым языческим культам, темным силам, прямо сливается с мракобесием.

Второй принципиальный момент касается деидеологизации. Если общий анализ понятия идеологии в ее соотнесенности с наукой и противопоставлении ей Зиновьев осуществил в ходе критики марксистского мировоззрения как господствующей идеологии, то феномен деидеологизации он исследовал в контексте так называемого идеологического плюрализма (или, как называл его сам Зиновьев, идеологического беспредела, хаоса) постсоветской России.

[7] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 313.

В социологии Зиновьева есть особое понятие идеосферы. Идеосфера является обязательным структурным элементом социальной организации общества. В нее наряду с идеологией входит также идеологический механизм (люди, организации, учреждения, средства), предназначенный для производства и распространения идеологии. Деидеологизация специфична для идеосферы современного Запада (западнистского сверхобщества в терминологии Зиновьева). В последней отсутствуют частные идеологии, связанные с социальными конфликтами, такие, например, как коммунистическая, фашистская. Они сохраняются в обществе, но в идеосферу не попадают, так же как и новые идеологии (пацифистская, феминистская и др.). Идеология западнизма едина и цельна в своем плюрализме точно так же, как едина его экономика, несмотря на свойственную ей конкуренцию, как едина политика, несмотря на наличие в обществе (стране) разных партий. Она различается контекстами, но суть у нее одна (как выражается Зиновьев, пилюли одни, но оболочки разные). Деидеологизированная идеосфера возвышается над социальными группами и классами, является всеобщей, уподобляясь в этом отношении государству, которое «есть дело всего общества, всех групп, слоев, классов»[8]. В идеосфере могут быть свои группы, разночтения, оттенки и т. п. точно так же, как они существуют в коммунистической идеологии. Деидеологизация есть иллюзия отсутствия идеологического поля, которая создается в сознании граждан благодаря именно плюрализму идеологий. И это вполне коррелирует с исходным зиновьевским пониманием идеологии, которая принципиально враждебна идеалу истины: ведь истина всегда одна, а способов обойти ее существует бесконечное множество. И если говорить об эффективности идеологии, имея в виду, что ее назначение состоит в том, чтобы объединять, сплачивать общество (страну, народ, государство), то режим ее свободного (плюралистического)

[8] *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. С. 378.

существования является более предпочтительным, чем режим принуждения.

Открывая сегодня новый раунд коллективных размышлений вокруг актуальных проблем идеологии, хотел бы призвать с новым вниманием и интересом отнестись к идеям Александра Александровича Зиновьева, для которого тема «Философия и идеология» не только занимала определенное место, но и выступала в качестве аспекта более общей и, как уже говорилось, центральной для него темы «Наука и идеология». В частности, он всерьез интересовался вопросом о том, что оставалось в современной философии научного и от науки, относя все остальное к идеологии. Он склонялся к мысли, что философия остается научной только в части логики и методологии, добавляя, что и в этих частях требуется серьезное обновление. Постановка задачи и сейчас более чем актуальная.

И еще одно пожелание, если оно уместно. Проблемы идеологии в ее актуальности выводят нас на острые политические споры и идейные размежевания. Предельной остротой отличается и зиновьевский стиль их анализа. Разумеется, и мы не можем замыкаться в академической скорлупе, отвлекаться от реальных политико-идеологических противостояний в стране и мире, не учитывать конкретный, порой даже провокативный идеологический контекст, в котором идет обсуждение этих вопросов в средствах массовой информации и социальных сетях. Вместе с тем мы не должны забывать, что в нашем случае речь идет о философском уровне исследования. Мы — не режиссеры или артисты, не риторы и пропагандисты. Как профессионалы, мы ответственны не за то, чтобы идеи легко усваивались и «вели за собой», а за то, чтобы они были исторически обоснованы и в самом высоком смысле слова гуманны. Философия, оставаясь ясной и определенной в своих идейных позициях, страстной в их отстаивании, должна в то же время дистанцироваться от того, что она критически анализирует в качестве такого особенно сложного, противоречивого и динамичного предмета, каким является идеология.

О БУДУЩЕМ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ*

Будущее как категория человеческого существования как минимум двузначно. Это вытекает из различия между физическим временем и социальным временем в том виде, в частности, как это различие описано А. А. Зиновьевым на заключительных страницах его итоговой книги «Фактор понимания». Физическое время фиксирует последовательность событий в мире, при этом события являются лишь опорными точками для абстрагирования времени, а сами по себе в эмпирическом содержании в расчет не принимаются. Это чистая длительность. К примеру, когда мы говорим, что между двумя мировыми войнами в XX в. прошел 21 год, нас интересуют не сами эти две войны, а только время между ними, войны являются лишь вешками для обозначения времени. Социальное время сфокусировано на самих событиях, содержании объектов, реальной жизни во времени. Если, например, мы скажем, что за 21 год между войнами наша страна осуществила модернизацию и из аграрной страны превратилась

---

* Впервые опубликовано: Миг настоящего и вечность будущего. Предупреждения о будущем Александра Зиновьева. Сб. статей / Под ред. О. М. Зиновьевой, В. А. Лепехина, К. А. Зиновьевой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 31–47.

Переработанная и дополненная версия выступления «Будущее без будущего» на XVII Лихачевских чтениях (Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего // XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 63–66).

в индустриальную державу, то нас уже будет интересовать не пустое время, а то, что произошло за это время. В аспекте физического времени будущее есть то, что будет происходить после того времени, от которого ведется отсчет и которое считается настоящим; соответственно, прошлым является то, что происходило до этого времени. Здесь будущее отделено от прошлого границей настоящего, которое и есть не что иное, как эта граница (как заметил Ортега-и-Гассет, «настоящее — лишь наличие прошлого и будущего, то единственное место, где они реально существуют»[1]). В аспекте социального времени будущее — не просто то, что происходит после, как и прошлое не то, что было до, того времени, которое отделяет «до» от «после» и именуется настоящим. Здесь эти категории содержательны и варьируются в зависимости от реальной жизни социальных субъектов (отдельных людей или их сплоченно действующих объединений). «Для социального субъекта физическое настоящее не есть лишь миг, не имеющий протяженности. Для него это — протяженный временной интервал, в котором он рассчитывает и совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, — как будто время есть нечто застывшее»[2].

В социальном будущем (как, впрочем, и в социальном прошлом) решающим является то, что оно благодаря сознанию субъекта включено в его реальную жизнь, становится его актуальным состоянием. Социальное время включено в саму общественную жизнедеятельность индивидов и измеряется ею. В отличие от физического времени, которое заранее отмерено, и, например, для человеческого детеныша, чтобы он мог появиться, всегда требуется 9 месяцев, социальное время может сокращаться и растягиваться в зависимости от самой деятельности. Как категория исторического, социального бытия человека, будущее открыто, на него можно влиять. Насколько глубоким может быть такое

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСЕ, 2002. С. 207.

[2] *Зиновьев А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006. С. 464.

влияние — это особый вопрос, самый общий ответ на который состоит в том, что будущее в контексте сознательной человеческой жизнедеятельности не может быть ни полностью произвольным, ни однозначно предопределенным.

Понятие времени, его членение на прошлое, настоящее и будущее связано с сознательной целесообразной деятельностью человека, с культурой как особой формой обмена деятельностью индивидов и преемственности поколений. Само отношение человека к своему существованию как бытию во времени — важная веха в его историческом самосознании. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Для нас важно отметить, что она не всегда и необязательно обращена в будущее (достаточно сослаться на древние представления о «золотом веке» в прошлом, на консервативный вектор общественных процессов, на религиозное перенесение будущего в потусторонний мир). Направленность общественного сознания и практики на устройство жизни в будущем — это особый случай, характерный для современной, в частности и в особенности европейской, цивилизации Нового времени, которая возникает и развивается под знаком прогресса. Для этой цивилизации и для нас в той мере, в какой мы принадлежим к ней, грядущее — это преимущественно лучшее, качественно более совершенное будущее, чем то, которое имеется в наличном состоянии. В нашем случае «после» и «лучше» сливаются. Наш язык не исключает сопряжение с будущим пессимистических определений (например, печальное будущее), но более для него привычны оптимистические выражения: счастливое будущее, светлое будущее, блестящее будущее и т. п.

* * *

Представление о лучшем будущем также является двояким. В одном случае будущее понимается преимущественно как более совершенное настоящее, связывается с возрастанием

интеллектуальных и технических возможностей общества. При таком подходе прогресс совпадает с контролем над будущим как физическим временем, будущее рассматривается как улучшенная пролонгация того, что есть: мы живем лучше (богаче, комфортнее и т. д.), чем наши родители, наши дети будут жить лучше, чем мы. Это, если можно так выразиться, чисто технический взгляд на будущее, которое кардинально не затрагивает социальных форм жизни, даже если они оцениваются негативно. К примеру, ставится вопрос о сокращении разрыва между бедными и богатыми, но не о его преодолении, об улучшении условий содержания в тюрьмах, но не об искоренении преступности, о более бережном отношении к природе, но не отказе от ее эксплуатации и т. п. Второй взгляд на будущее является сугубо социальным и исходит из того, что оно есть не просто улучшенное настоящее, а нечто принципиально иное, более совершенное. Ни опыт, ни философия не позволяют однозначно надеяться на будущее. Именно принципиальная открытость будущего позволяет сопрягать его с идеальным состоянием и мыслить как нечто само по себе совершенное. Его образ формируется не по аналогии с настоящим, а на основе фантазии и, как правило, по контрасту с устаревшим, несправедливым и ненавистным настоящим, как его отрицание, часто просто переворачивание. Следует заметить, что мысленное преодоление наличного положения вещей — основной механизм возникновения идеальных представлений о человеке и обществе. Так, например, в середине I тыс. до н. э. было сформулировано золотое правило нравственности («не делай другому того, чего не желаешь себе»), которое обозначило гуманистическую основу нравственных усилий всего последующего развития вплоть до наших дней. Его появление может считаться чем-то совершенно невероятным для той, еще полуварварской, эпохи, между тем оно может быть осмыслено в качестве законного продукта своего времени, если принять во внимание, что оно является отрицанием господствовавшего тогда механизма социальной регуляции — талиона («око за око, зуб за зуб»).

Два взгляда на будущее, один из которых понимает его как улучшенное продление настоящего, а другой — как его кардинальное преобразование, были не просто и не только двумя философскими платформами. Они являлись также двумя доминантами исторического развития в Новое время, широко представленными в практике социально-политической борьбы и закрепленными в формах общественного сознания. Их можно обозначить как эволюционно-охранительную и революционно-критическую тенденции восходящего, прогрессивного общественного развития: первая видела в будущем пространство для продолжения настоящего, не находя в нем самостоятельного источника для того, чтобы мир стал другим; вторая рассматривала будущее в идеальной перспективе, как возможность для исторического творчества, качественного обновления форм жизни. Они были не только фактически различны, но и осознавали свои различия и находились во взаимной борьбе, в которой одерживала верх то одна тенденция, то другая, в зависимости от чего и эпохи (периоды) в развитии общества именовались революционными и стабильными (мирными, эволюционными). Не только эпохи, но и различные социумы и народы также, видимо, отличаются мерой склонности к той или иной ориентации на будущее. Так, например, различаются приверженность англичан к общественному развитию в рамках традиций и потенциальная готовность французов к революционным решениям проблем; также стало общим местом противопоставление деловитости и прагматизма американцев, надеющихся на себя, мечтательности и бытовой неорганизованности русских, надеющихся еще и на «авось». Одна из особенностей социологии Зиновьева состоит в том, что среди факторов, определяющих конкретный тип социальной организации тех или иных обществ, исключительно важную роль играет само реально сложившееся качество человеческого материала, которое в свою очередь само в решающей мере является результатом конфигурации социальных сил.

* * *

Стабильно-охранительная и революционно-критическая линии общественного развития Нового времени, в решающей мере определявшие состав и характер сил, в сложной и разносторонней борьбе которых складывалась в этот период большая история, имели своим предметом отношение к капитализму как к универсальной экономической формации. Речь шла именно об этом, об отношении к капитализму как к высшей форме развития на базе частной собственности и вытекающих из нее форм господства и подчинения в обществе; о том, является ли он последним словом истории, неисчерпаемо способным к эволюции на собственной основе, или он неприемлем именно в своих основаниях, своим буржуазным духом и подлежит уничтожению (в той или иной форме), ибо подлинное, достойное человека царство свободы, равенства и братства лежит за ним. Предметом противостояния и борьбы было будущее капитализма. Вопрос в том, является ли этим будущим сам капитализм в его постоянно совершенствующемся виде — иначе говоря, захвачено ли будущее капитализмом навсегда и тем самым вопрос о будущем в социальном, историческом смысле закрыт — или будущее остается свободным резервуаром для исторического творчества и капитализм неизбежно обречен на гибель, а будущее не может не быть антикапитализмом. Историческая критика капитализма приняла форму всесторонне обоснованного проекта и обрела всемирные масштабы с возникновением марксистской идеологии и организованной под ее знаменем общественно-политической борьбы пролетариата как основного угнетенного при капитализме класса. С победой в России в 1917 г. антикапиталистической революции и образованием на одной шестой территории Земли социалистического государства эти две тенденции общественного развития, которые до этого противоречиво сплетались в рамках одних и тех же общественных организмов, оформились в противостоящие лагеря: на одной стороне Советский Союз, первоначально один, позже во главе социалистического

лагеря, куда в середине 1980-х гг. входили 15 стран, на другой стороне — развитые капиталистические страны, консолидировавшиеся после Второй мировой войны во главе с США. Это была не обычная борьба конкурирующих сил за овладение тем, что равно дорого и на что претендует каждая из борющихся сторон: за рынки, территории, богатства и т. д. Это было всемирно-историческое идейное противостояние за разное понимание общественного жизнеустройства, смысл которого состоял в самом этом идейном противостоянии, а не в каких-то достигаемых в результате данного противостояния конкретных целях. Ведь социалистическое общество в том виде, в каком оно сложилось в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря, в максимальной (и как оказалось, в чрезмерной) степени было ориентировано на будущее и заявляло себя как альтернативу капитализму, более счастливое и гуманное будущее для человечества, чем капитализм. На кону были разные пути развития общества. В социологии Зиновьева советский коммунизм был осмыслен как особая линия эволюционного развития. Это противостояние социализм проиграл, оставим в стороне вопрос почему (пусть закономерно), не будем говорить как (пусть бездарно), но проиграл. Выдержав военные нападения, выстояв в кровавых схватках, когда, по всем расчетам, он, казалось, не мог и не должен был выиграть, социализм проиграл в холодной войне, проиграл тогда, когда, опять-таки по всем расчетам, не должен был проиграть. Заметим кстати, сам характер поражения свидетельствует о том, что это была не обычная борьба за власть и территории; тогда, когда речь шла о власти и территории, в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., СССР выиграл невероятным образом. Он проиграл, когда борьба перешла в плоскость идейного противостояния и моральной выдержки. Поражение Советского Союза вместе с его союзниками имело многочисленные следствия: развал Советского государства, расширение западного военного блока, обнищание и духовная деградация населения, разрастание конфликтных очагов в мире и пр. Однако одним из самых основных

следствий явилось то, что прервалась идеально ориентированная линия общественного развития. Социализм вместе с Россией, связавшей свою судьбу с ним, вышибли из истории. Вот уже более 25 лет Россия пытается всячески отделить себя от социализма, убедить мир, что у нее есть «нормальное» тысячелетнее прошлое с царями, священниками, помещиками, капиталистами; что о ней нельзя судить по короткому периоду, когда она была соблазнена и узурпирована большевистскими «дьяволами», да и эти 73 года она сопротивлялась: у нее были свои мученики, своя белая эмиграция, был генерал Власов и много еще подобных ему; что она порвала с коммунистическим прошлым, отменила его праздники, прокляла вождей, торжественно перезахоронила царя и объявила его святым; что разграбила государственную собственность, создала созвездие олигархов и так далее — словом, привела себя в «приличный» цивилизованный вид, но ей не верят. Да и сама она, кажется, не очень верит себе. Вместе с социализмом человечество лишилось альтернативного социального будущего. Капитализм, по всему похоже, остался без внутренних или внешних сил, несущих в себе его отрицание. Победив в холодной войне, он захватил будущее, именно гарантированное будущее, как точно выразился Зиновьев, является его основным трофеем.

Капиталистическая цивилизация достигла герметичности, и ее существованию в историческом, социальном смысле ничто не угрожает. Ей принадлежит не только настоящее, но и будущее. Будущее для нее лишено риска, оно есть пролонгация ее настоящего, постоянно улучшаемого, но неизменного в своих базовых принципах: частная собственность, власть денег, культ силы, рыночное общество, фетишизм потребления. Это состояние можно обозначить как будущее без будущего: будущее как «после», но не как «другое». У нас в общественных дискуссиях, в средствах массовой информации часто задаются вопросом: что мы строим, какое общество, на какие цели ориентируемся? За ним стоит ощущение некой образовавшейся пустоты в смысле социального

будущего. Постоянно возобновляющиеся попытки сформулировать некую общенациональную идею являются выражением того же ощущения. Вопрос стоит так: от социализма мы отказались, что вместо него? Это не специфически русский вопрос, хотя в России, возможно, он звучит более остро и насущно; он касается и более развитых и благополучных стран Запада, которые также никуда перескакивать не собираются. Надо задуматься, насколько правомерен сам вопрос? Может, будущее в физическом смысле вполне достаточно для социума и стремление заполнить его идеальным общественным устройством является иллюзией, историческим анахронизмом? Является ли жизнеспособным такое состояние цивилизации, которое исключает качественное обновление социальных форм жизни и будущее которого представляет собой количественные изменения того, что есть?

* * *

Ответ на этот вопрос прямо подводит нас к методологической проблеме о соотношении социологического анализа и исторических условий развития общества, более конкретно — к проблеме возможности идеально-совершенного состояния общества. А. А. Зиновьев исследовал эту проблему в ходе изучения природы советского коммунизма. Непосредственно он отвечал на вопрос, является ли сложившийся в Советском Союзе строй искажением, отступлением от настоящего (истинного, подлинного, начертанного основоположниками марксизма) коммунизма или он оказался в силу законов социальной жизни именно таким, каким он и должен был стать. Советский коммунизм и есть реальный коммунизм. В принципиальном смысле другого коммунизма не может быть. Он может быть более совершенным или менее совершенным, более человечным или менее человечным, более справедливым или менее справедливым и т. д., но он не может быть совершенным, идеальным в этическом смысле, так чтобы он вообще был бы неуязвим по критериям человечности и справедливости. Он не может отменить

фундаментальные законы, по которым живет человеческое общество, в силу того простого факта, что оно является совместным существованием неопределенного множества людей. Так, любая организация людей предполагает их разделение на тех, кто командует, и тех, кто подчиняется. Могут меняться условия и механизмы, которые позволяют рекрутировать корпус начальствующих слоев (по наследству, путем выборов, по критерию сознательности и др.), но неизменным остается принцип иерархической организации отношений внутри социума. Соответственно, индивидуальное распределение общих благ (материальных и социальных) происходит с учетом мест, занимаемых индивидами во властной вертикали. Общество задает своим членам (социальным субъектам) определенные законы деятельности, которые диктуются тем местом и функцией, которые они занимают в рамках целого: Зиновьев называет их законами экзистенциального эгоизма.

Советский коммунизм нельзя рассматривать сквозь призму утопических (идеальных) представлений о коммунизме. На него надо смотреть реалистически, ясно понимая, что идеальных обществ не бывает. Отсюда, однако, не следует, что надо отказаться от идеалов, в том числе и прежде всего высоких коммунистических идеалов, о которых мечтали Мор, Кампанелла, марксисты, другие борцы за человеческое счастье. Ничто не мешает им оставаться действенными в качестве индивидуальных программ жизнедеятельности человека, решившего противостоять законам социального экзистенциализма и находить смысл своей жизни в таком противостоянии, подобно тому, например, как человек, желая летать, учится преодолевать закон всемирного тяготения и строит самолеты (сравнение Зиновьева). Одним из исключительно важных открытий Зиновьева является вывод о принципиальном различии социальных законов общества и нравственных программ индивидуальной жизни. Для понимания мировоззрения Зиновьева одинаково важны и законы социальности, столь же строгие, как и законы природы, и нравственные принципы суверенной личности, наиболее

дерзкой формулой которой было его утверждение: «Я есть суверенное государство».

Из этих выводов вытекает ряд следствий для понимания будущего, среди которых наиболее важными, на мой взгляд, являются следующие два: а) социальное будущее в аспекте его совершенствования ограничено законами социальности, и чем более оно научно управляемо, тем менее оно допускает свободную импровизацию; б) будущее как резервуар свободного идеально ориентированного творчества реализуется в модусе долженствования и пролегает через индивидуальное этическое противостояние законам социальности.

* * *

Хочу завершить эти заметки одним впечатлением. В середине 90-х гг., когда Александр Александрович работал над своим произведением «Глобальный человейник», я услышал от него, что он является инопланетянином. Он сказал об этом, словно делился большим секретом, но говорил при этом вполне серьезно, так, как если бы он просто извещал о некоем несомненном хорошо ему известном факте. Часто думаю над тем, что бы это значило. Конечно, легче всего было бы объяснить данное невероятное утверждение писательским воображением, когда он идентифицирует себя со своим героем (в «Глобальном человейнике» Зиновьев на самом деле присутствует под псевдонимами Ал и Ла в двух разных ипостасях — земной и инопланетной). Мне кажется, в тот момент Александр Александрович на самом деле верил в то, что он говорил. Так он выразил беспредельность своей вольной мысли, обозначил свою неограниченную способность противостоять обстоятельствам своей жизни. В его биографии есть эпизод, когда он, будучи десятиклассником, носился с идеей покушения на Сталина, в его натуре до конца жизни осталась эта готовность сразиться со злом в самом его сердце.

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов

МОЙ ЗИНОВЬЕВ
Статьи, доклады, интервью

Ведущий редактор И. Полосухина
Корректор О. Круподер
Оригинал-макет и художественное оформление обложки
И. Богатыревой

Подписано в печать 19.06.2023. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. п. л. 14,28. Тираж 400. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92
E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru

ООО «ИТДГК "Гнозис"»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks